

АКАДЕМИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК при ЦК КПСС

Кафедра иностранных языков

ПРИНЦИПЫ
НАУЧНОГО АНАЛИЗА
ЯЗЫКА

*Сборник под редакцией
Т. А. Дегтеревой*

1959

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВПШ и АОН при ЦК КПСС
МОСКВА 1959

Т. А. ДЕГТЕРЕВА

РАЗВИТИЕ МЕТОДОВ И ОБЩЕЙ ПРОБЛЕМАТИКИ В СОВЕТСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Великая Октябрьская социалистическая революция застала отечественную лингвистику на распутье. Все еще существовали две языковедческие школы, вписавшие блестящие страницы в историю русской науки о языке, однако одна из них — Московская школа находилась уже в зените своей славы. Канун двадцатых годов был началом конца младограмматизма в европейском языкоznании, и русская младограмматическая школа, основанная Ф. Ф. Фортунатовым (1848—1914 гг.), не была в этом отношении исключением, несмотря на всю тонкость ее теоретических построений и виртуозность в использовании сравнительно-исторического метода. Выдающийся ученик Фортунатова — А. А. Шахматов (1864—1920 гг.) уже значительно отошел от младограмматических позиций. Более молодые представители Московской школы начинали проявлять значительный интерес и симпатии к идеям Бодуэна де Куртенэ.

Казанская школа русского языкоznания, возглавляемая И. А. Бодуэном де Куртенэ (1845—1929 гг.), оказалась после революции в весьма сложном положении. С одной стороны, субъективно-идеалистическое мировоззрение, лежащее в основе трудов Бодуэна де Куртенэ, вступило в конфликт с победоносно шествующим диалектическим материализмом. С другой стороны, основные положения лингвистической концепции Бодуэна и его школы предвосхитили содержание социологического учения швейцарского языковеда Ф. де Соссюра, «Курс общей лингвистики» которого вышел посмертно

накануне Октябрьской революции и становился предметом увлечения лингвистов на Западе и у нас. Все это в равной степени отталкивало от бодуэновского учения и привлекало к нему. Поэтому приверженцы языковой концепции Казанской школы пытались или освободить систему своих языковедческих представлений от каких-либо мировоззренческих элементов (как это наблюдалось в работах В. А. Богородицкого, С. К. Булича, Е. Д. Поливанова, П. В. Ернштедта, А. П. Баранникова, С. И. Бернштейна), или подвести под бодуэновское учение материалистический фундамент, что в какой-то степени было характерно для некоторых работ П. П. Якубинского, Л. В. Щербы и для полемических работ Е. Д. Поливанова.

В начале двадцатых годов лингвистический интерес концентрировался главным образом на трех проблемах: проблеме языкового контакта, проблеме социальной дифференциации речи и вопросе соотношения литературного языка и диалекта. В 1922 году московский лингвист М. В. Сергиевский выступил с ярким докладом на тему: «Новые данные в области германо-финских отношений». В 1923 году советская лингвистическая общественность познакомилась с талантливой статьей А. М. Селищева «К изучению культурно-языковых отношений на Балканах», которая двумя годами позднее была опубликована в пятом томе *«Revue des Études Slaves»*. В 1924 году вышли еще две работы: М. В. Сергиевского «К вопросу о древнейших славяно-германских отношениях по данным языка» и А. М. Селищева «К изучению языковых взаимодействий».

Особый интерес к проблеме языковых взаимодействий был обусловлен тем, что лингвисты пытались найти пути насыщения своей исследовательской деятельности содержанием социального значения, найти в жизни общества такие моменты, которые оказывают влияние на изменение языка. В данной проблеме языковеды увидели именно такую социально значимую тему. Идеи интернационализма также оказали немалое влияние на выбор этой темы.

Проблема социальной дифференциации речи постулируется в своей крайней форме Н. Я. Марром и его последователями. В известном созвучии со взглядами Марра находятся и некоторые положения так называе-

мой социологической школы на Западе. Особенно популярным становится тезис А. Мейе: «выбор правильных форм определяется не внутренними достоинствами принимаемых форм, а говором доминирующей социальной группы того или иного общества».

Н. Я. Марр ставит развитие языка в прямую зависимость от развития экономической базы общества. Продвигая мысль о тождестве развития языка и развития экономики во всех своих многочисленных статьях двадцатых годов, Марр с особой четкостью формулирует ее в своем так называемом бакинском курсе, который получил программное значение для развития марризма в целом. По его мнению, языковые семьи представляют собой не самостоятельные группы языков со своими особыми законами внутреннего развития, а разные ступени единого языко-творческого процесса. Марр писал: «Индоевропейская семья языков типологически есть создание новых хозяйственно-общественных условий, по материалам же, а пережиточно и по многим конструктивным частям, это дальнейшее состояние тех же яфетических языков в Средиземноморье — своих или местных на определенной стадии их развития, в общем новая по строю формация»¹.

Решающую роль в развитии языка, с точки зрения Марра, сыграла рука как орудие труда, наименование которой во всех языках дало якобы начало многим словам первостепенного значения, таким, как *река*, *вода*, *женщина* и т. д. Возникновение двухсоставного орудия труда (молот + рукоятка, лезвие ножа + рукоятка и т. п.) было, по Марру, причиной появления двухсложных, затем многосложных слов.

Но не только моменты развития орудий труда и технологии оказывают на развитие языка прямое воздействие; общественные отношения также придают языку определенный типологический облик. Язык, по Марру, является классовым мировоззрением, и каждый класс одного и того же общества имеет свой особый язык, отличный от языков других классов как по грамматическому строю, так и по семантической структуре слова. Литературный язык является в силу этого всегда языком гос-

¹ Н. Я. Марр. Яфетическая теория. Баку, 1928, стр. 9.

подствующего класса и ни в коей мере не отражает языка народа.

Эта крайняя точка зрения Марра встретила в конце двадцатых годов решительный отпор в работах языкофронтовцев. Соглашаясь с положением, что литературный язык является языком культурно-господствующего класса, Е. Д. Поливанов, например, решительно отвергал марровский тезис о полной адекватности языка данной эпохи ее социальному быту. Большинство грамматических форм и словосочетаний русского языка, как справедливо указывал Поливанов, доступно в равной степени пониманию говоривших на русском языке в XII веке и говорящих на нем сейчас. Социальные коллективы отдельных эпох, по мнению Поливанова, в языковом развитии обычно продолжают систему, полученную ими из общего источника, и вносят индивидуальные изменения лишь в постепенной последовательности².

Проблема социальной дифференциации речи разрабатывалась в этот период и другими лингвистами, например, А. М. Селищевым в книге «Язык революционной эпохи». Один из виднейших деятелей лингвистического направления «Языковедный фронт» — Г. К. Данилов так охарактеризовал эту интересную и имевшую большой успех книгу: «Как описательно-лингвистический труд это первое произведение, достойное Октябрьской революции: материалу в нем собрано огромное количество»³. Книга Селищева, несмотря на значительные элементы упрощенного подхода к явлениям языка, бесспорно представляет лингвистический интерес, хотя бы в силу чрезвычайно интересных наблюдений над языком публицистики, а также над особенностями разговорной речи 1925 и 1926 годов.

Тема социального характера языка освещалась в двадцатых годах во многих статьях и брошюрах, например: Г. К. Данилов «Язык общественного класса по данным белицкого говора» («Ученые записки

² См. статьи Е. Д. Поливанова: «О литературном языке современности» («Родной язык в школе», 1927, № 1); «Революция и литературные языки СССР» («Революционный Восток», 1927, № 1); «Русский язык сегодняшнего дня» («Литература и марксизм», 1928, № 4).

³ Г. К. Данилов. К вопросу о марксистской лингвистике. «Литература и марксизм», 1928, № 6, стр. 127.

РАНИОН», т. 3, 1929), И. Державин «Борьба классов и партий в языке Великой французской революции» («Язык и литература», т. 2, вып. 1, Л., 1927), М. В. Сергиевский «Проблема социальной диалектологии в истории французского языка XVI—XVII вв.» («Ученые записки РАНИОН», т. 1, 1927), М. Н. Петерсон «Язык как социальное явление» (в том же томе «Ученых записок РАНИОН») и др.

Уже в двадцатых годах среди советских языковедов наблюдается стремление создать языкознание на марксистской основе. На базе этого стремления в советской лингвистике возникли два враждебных друг другу направления — яфетидологическая школа Н. Я. Марра и группа «Языковедный фронт». И то и другое направление считало свои идеи и взгляды выражением подлинного марксистского языкознания, и каждое из них подвергало ожесточенной критике взгляды своего противника.

Яфетидологическое направление, которое уже к концу двадцатых годов насчитывало большое число приверженцев, применяло марксизм схоластически, игнорируя реальные соотношения между фактами языка. Как уже было сказано, это направление считало язык особой формой идеологии и выдвинуло теорию языковой формации, построив ее на упрощенном, механистическом применении положений исторического материализма о развитии общества непосредственно к развитию языка. Так, в статье одного из наиболее воинствующих марристов того времени говорилось:

«Самым плодотворным положением марксистского языкознания является понятие языковой формации. Под языковой формацией мы понимаем такую структуру языка, которая: 1) характеризуется особыми техническими языковыми средствами и особой структурой мышления, лежащей в ее основе, и 2) определяется «в конечном счете» тем особым способом, каким люди производят в разные эпохи средства для существования»⁴.

Определяя состояние языка языковой формацией и пытаясь упрощенно установить ее связь с определенной общественной формацией, Марр и его сторонники раз-

⁴ А. А. Холодович. Марксистская лингвистика и ее «левые» критики. «Звезда», 1930, № 12, стр. 182.

вивают идею единого глоттогонического процесса, то есть исторической смены языковых формаций путем внезапных взрывов, в результате которых каждая новая языковая формация является принципиально отличной от прежней, сохраняя в себе лишь пережитки, обломки старых формаций. Этот глоттогонический процесс выглядел у представителей яфетидологии следующим образом⁵:

	Общественно-экономические формации	Языковые формации
Понятие языковой формации как основополагающий принцип	I. Первобытный коммунизм II. Родовое общество III. Классовое общество Античная формация Феодальная формация Капиталистическая формация Переходный период IV. Бесклассовое общество	Аморфные языки Агглютинирующие языки Флективные языки ? Поместный говор Национальный язык Борьба в языке национальной формы и пролетарского классового содержания Международный язык (аморфный?)

Для того чтобы показать постулированный марристами классовый, надстроечный характер языка, Н. Я. Марр предлагал изучать так называемые пережитки в языке, которые, по его мнению, являются элементами старых языковых состояний, находящихся в тесном переплетении с новыми языковыми качествами в новой языковой формации.

В 1928 году в Баку вышла в свет большая работа Н. Я. Марра — «Яфетическая теория», в которой он со-

⁵ А. А. Холодович. Марксистская лингвистика и ее «левые» критики, стр. 182.

единил воедино все мысли своего учения о языке, высказанные им ранее во многих других, более мелких статьях и в отдельных изданиях. Здесь, в предисловии, Марр не без основания указывал на то, что его теория языка во многих пунктах соприкасается с отдельными идеями французского лингвиста А. Мейе и особенно с идеями австрийского лингвиста Г. Шухардта. Но в еще большей степени мы наблюдаем совпадения между идеями Н. Я. Марра и основными положениями лингвистической концепции К. Фосслера.

Фосслер придавал решающее значение экспрессивной функции языка: он считал язык выражением внутреннего мира творческой, высокоодаренной личности. Марр хотя и считал язык порождением общества, однако фактически оставлял за языком не столь коммуникативную функцию, сколь функцию выражения, правда, выражения не индивидуальной психики, а выражения мировоззрения, идеологии класса. Марр не ссылается на Фосслера, но он ссылается на общий с Фосслером методологический источник, а именно на немецкого философа Э. Кассирера, оговаривая свою ссылку оправданием, что в данном случае речь может идти только о внешних совпадениях. Марр писал по этому поводу: «Такие совпадения, иногда разительные, в вопросе о происхождении языка наблюдаются и с неокантианцем Кассирером, мысли которого в целом абсолютно не вытекают из языковедно добытых основных положений яфетической теории, оказавшихся обоснованными на историческом материализме и диалектизме»⁶.

Однако теоретический эклектизм Н. Я. Марра носил такой своеобразный характер, что создавалось невольное впечатление известной стройности и яркой оригинальности теории в целом при наличии противоречивости высказываний в отдельных работах.

В своем наиболее крупном произведении — «Яфетическая теория» Н. Я. Марр излагал в систематизированном виде весьма своеобразное учение о развитии звуковой стороны языка и о методе «палеонтологического» анализа по четырем якобы исходным элементам звукового языка. На страницах этого труда Марр писал: «Впервые сложившаяся речь разлагалась не на от-

⁶ Н. Я. Марр. Яфетическая теория, стр. V.

дельные членораздельные звуки, а отдельные звуковые комплексы, цельные слова, в своей цельности членораздельно произносимые всего четыре основы, из которых слагается основной лексический состав языков всего мира»⁷.

Что же представляли собой эти четыре элемента, игравшие основополагающую роль в марровской теории языка и на многие годы лишившие советских лингвистов возможности беспрепятственно вырабатывать более правильный, научный метод исследования языковых явлений или даже просто пользоваться приемами лингвистического анализа, более или менее разработанными предшествующими поколениями? На этот вопрос почти невозможно дать ответа.

Для языковедов осталось тайной само выявление Марром звуковой стороны четырех элементов и непонятной сама техника установления таблицы⁸ «закономерных» разновидностей этих четырех элементов, предназначенной для практического использования при «палеонтологическом» анализе языка. Поэтому ни сторонники марровского учения о языке, ни его непосредственные ученики не могли пользоваться четырехэлементным методом в своей практической работе. Но истинное несчастье заключалось в том, что они не смели пользоваться и другими, ранее разработанными методами языкового анализа: ведь все известные приемы лингвистического исследования, особенно сравнительно-исторический метод, были объявлены Марром формалистическими и идеально-порочными. И это не удивительно, так как сравнительно-исторический метод подрывал в корне все основы марровской концепции языка.

Этот причудливый, лишенный научной аргументации четырехэлементный метод и вульгарно-материалистическая схема стадиального развития языка вызывали безусловно справедливые протесты лингвистов, принадлежавших к другим направлениям в языкоznании. В борьбе с марризмом того времени оформилась теоретическая и практическая платформа группы «Языковедный фронт». Наиболее известными представителями этой

⁷ Н. Я. Марр. Яфетическая теория, стр. 99.

⁸ См. Н. Я. Марр. Яфетическая теория, стр. 116—118.

группы являлись Поливанов, Данилов, Бубрих, Лоя, Рамазанов, Яковлев.

В первую очередь «Языковедный фронт» протестовал против марровских поисков так называемых реликтовых форм языка, на базе произвольного анализа которых строилась вся марровская вульгарно-социологическая теория языка. Языковеды считали, что нужно заниматься разработкой теории современных языков, и в первую очередь для удовлетворения насущных потребностей борьбы с неграмотностью и малограмотностью большей части населения Советского Союза. Так, Е. Д. Поливанов писал:

«Кроме разработки общелингвистических принципиальных вопросов, у советских лингвистов есть масса другой очередной работы, в частности работы прикладного характера. И пока у нас до крайности мало рабочих рук... никому нельзя отказываться от своей доли в этой «черной» работе. Если большинство языков Союза доныне или вовсе не обследовано лингвистически или нуждается в мало-мальски удовлетворительном описании и если к тому же эта описательная работа не терпит отлагательства уже потому, что сейчас во всю ширь идет практическое строительство литературных языков и письменностей, то каждому из нас надо работать и на этом фронте. Нельзя, следовательно, быть только теоретиком: учет наличных кадров диктует нам необходимость быть одновременно и теоретиком, и «языковым политиком», и даже просто обследователем»⁹.

Эта практическая прикладная направленность работы «Языковедного фронта» была объяснима, конечно, тем обстоятельством, что революция застала страну малограмотной в отношении большой части ее населения. Отсюда и весьма популярный лозунг того времени — «языковая политика». Однако это привело «Языковедный фронт» и к существенному недостатку в его работе — к отсутствию глубоких и широко обобщающих лингвистических исследований, которые были бы в состоянии двинуть советское языкознание вперед.

⁹ Е. Д. Поливанов. За марксистское языкознание. М., 1931, стр. 6.

Языкфронтовцы, как и марристы, занимались в области теории языка общими рассуждениями на тему, какой должна быть советская лингвистика. Характерными для той эпохи являются заголовки лингвистических работ, например: статья Г. К. Данилова «К вопросу о марксистской лингвистике» («Литература и марксизм», 1928, кн. VI); брошюра А. И. Савинского «На путях к марксистской лингвистике. К диалектике науки о языке» (Владикавказ, 1929); сборник статей под редакцией Н. Я. Марра — «Языковедение и материализм» (первый выпуск в 1929 г., второй в 1931 г.); книга Е. Д. Поливанова «За марксистское языкознание» (М., 1931) и многие другие.

1930 и 1931 годы были периодом ожесточенной борьбы марризма и «Языковедного фронта». Эта борьба завершилась победой марризма, который получил поддержку как историков, так и философов. Популярнейший историк того времени — М. Н. Покровский охарактеризовал Марра как «стихийного марксиста». Философ А. М. Деборин выступил с большой статьей в юбилейном сборнике в честь Марра, в которой он защищает и популяризирует основные положения марровской теории языка. Историков и философов подкупила прежде всего марксистская терминология и фразеология, внедряемая марристами в лингвистику, а затем смелая постановка крупных принципиальных проблем, выгодно отличающая Марра и его последователей от их противников — языкфронтовцев.

Следует отметить, что вульгаризаторский подход к фактам языка проявлялся у языкфронтовцев еще более очевидно и в очень наивной форме. Так, языкфронтовцы пытаются вскрыть социальную обусловленность фонетики следующим образом. «Возьмем фонетику, — говорил Г. К. Данилов. — Будде в своей работе «Опыт грамматики языка Пушкина» демонстрирует интересный факт эволюции в фонетике пушкинского стиха — эволюцию рифмы. Одновременно с политическим ростом поэта, с его переходом из лагеря аристократии в лагерь среднего либерального дворянства и прогрессивных буржуазных кругов меняется и его язык. А так как различия в языке обоих кругов были и фонетического

свойства, то у Пушкина слово «полет» рифмуется уже не со «свет», а с «рифмолет»¹⁰.

Подобные рассуждения не могли, конечно, способствовать тому, чтобы советская общественность отнеслась к «Языковедному фронту» серьезно. В то же время такие марристские работы, как, например, «Языковедные проблемы по числительным» (сборник статей, Л., 1927), вызывали бесспорный интерес у широкого круга читателей — не только лингвистов, — тем более что проблемные сборники, выходившие под редакцией Н. Я. Марра, включали в себя по большей части интересные материалы и не в марристской интерпретации. Так, в вышеуказанном сборнике большинство статей очень интересно раскрывает первоначальную значимость простых чисел в разных языках и показывает группировки языков по десятичной, двадцатной и тридцатной (или шестидесятной) системе счета.

Но если Н. Я. Марр в двадцатых годах из тактических соображений делал значительные уступки в отношении лингвистов, которые хотя бы на словах солидаризировались с его теоретическими взглядами, то в тридцатых годах после своей победы на лингвистической дискуссии он становится крайне нетерпимым к любой творческой мысли иного направления в языкоznании. Эта его страстная наступательная нетерпимость, использование марксистской терминологии и многосторонняя широта постановки проблем подкупили ученых-нелингвистов и обеспечили ему их поддержку.

Наиболее видным последователем Н. Я. Марра был И. И. Мещанинов. В период с 1925 по 1935 год Мещанинов создал ряд работ в духе так называемого нового учения о языке. Это в первую очередь его труды по халдоведению. Мещанинов все свои усилия направляет на использование материала халдского языка для развития теории Марра о пассивности строя яфетических языков как предшествующей стадии развития индоевропейских языков, то есть языков, так называемого «активного» строя.

Однако основные положения И. И. Мещанинова, особенно ярко представленные в книге «Язык Ванской

¹⁰ Г. К. Данилов. К вопросу о марксистской лингвистике. «Литература и марксизм», 1928, № 6, стр. 130.

клинописи» (1935 г.), были опровергнуты в грузинской грамматической литературе, причем с достаточной убедительностью даже для самого Мещанинова. В этом плане особенно интересной является работа А. С. Чикобавы «Грамматический анализ чанского (лазского) диалекта» (Тбилиси, 1936), в которой на большом фактическом материале показывается, что не может быть и речи о пассивном восприятии глагола в предложениях с подлежащим в активном падеже и дополнением в именительном. Чикобава показывает, что в чанском уже совершенно вытеснился именительный падеж в первой группе времен переходного глагола и заменен активным падежом. Все это заставило Мещанинова поставить вопрос как-то иначе, но он по-прежнему упорно защищал марровскую концепцию о стадиальном развитии языка.

В 1936 году вышла книга И. И. Мещанинова «Новое учение о языке», в которой автор пытается подвести итог развитию марровской концепции о стадиальном развитии языка и мышления. Здесь он дорабатывает схему стадий единого языковорческого процесса на основе синтаксического принципа вместо марровских лексико-семантического и морфологического. Упор на синтаксис в работе Мещанинова явился, видимо, результатом его изучения эргативной конструкции в халдском языке, а также итогом его исследований языков народов Севера.

В развитии языка И. И. Мещанинов различает три стадии: 1) пассивную, 2) эргативную и 3) активную. Носителями пассивной стадии, с его точки зрения, являются полеазиатские языки. В соотношении с общественным строем эта стадия якобы порождается родовой организацией языкового коллектива. В соотношении с мышлением данная стадия базируется на мифологическом (долгическом) восприятии действительности. «Характерной особенностью мышления этой стадии,— пишет И. И. Мещанинов,— является коллективное восприятие, ведущее к объединению (обобщению) существ и предметов по группам, каковым в лингвистической литературе обычно присваивается наименование классов»¹¹.

---

¹¹ И. И. Мещанинов. Новое учение о языке. ОГИЗ, 1936, стр. 152.

В языке этой стадии допускается инкорпорирование, то есть включение в один словесный комплекс различных частей речи. Пассивной эта стадия названа потому, что логический субъект и его противоположность — объект сливаются в речи: они оба представляются пассивными, так как человеческое мышление якобы создает некоего мифологического субъекта, действующего, по убеждению носителей языков пассивного строя, самостоятельно через полностью подчиненного ему человека. «Тем самым он (человек.— Т. Д.) и оказывается лишь исполнителем чужого действия,— поясняет Мещанинов.— В том же пассивном состоянии остается человек и при осознании племени, рода и их организаций, являющихся высшей силою данного от природы и обусловливавших его действия и миропредставления. Человеческий коллектив уже обособлялся от природы, соединяясь с нею по линииtotема и через него же индивидуализируясь»¹².

С точки зрения Мещанинова, весьма типичной для пассивной стадии языка является функция глагола. «Глагол в условиях... наличия мифологического субъекта, передавая его действие на предмет непосредственно или через реального исполнителя действия, являлся и в том и в другом случае переходным»¹³. Иными словами, пассивная стадия не знает категорий переходности и неперходности глаголов.

Следующей за пассивной стадией языка идет эргативная, характеризующая яфетические языки. Она, по словам Мещанинова, соответствует начальному развитию феодальной общественной формации. «При перестройке на эргативную стадию, проходящей особенно обостренно в последних этапах предшествующего стадиального состояния, сознание логического субъекта (реально действующего лица) ведет предыдущий строй речи к взрыву. Ослабляется, а затем и вовсе исчезает инкорпорирование, обусловленное в своем генезисе наличием представления о мифологическом субъекте, и само реально действующее лицо, сначала понимаемое лишь в роли исполнителя действия, а затем осознанное как такое, выносится наружу, утрачивая свое прежнее пассив-

¹² И. И. Мещанинов. Новое учение о языке, стр. 161.

¹³ И. И. Мещанинов. Новое учение о языке, стр. 162.

ное содержание и разбивая фразу-слово на ее составные части. Выделяется логический субъект и его противоположность — объект»¹⁴.

В качестве конкретного примера соотношения субъекта и объекта при эргативной стадии Мещанинов использует материал урартского и современных яфетических языков Закавказья. При этом он уже до некоторой степени учитывает результаты вышеуказанных наблюдений грузинских лингвистов. Поэтому, описывая соотношение падежей при переходном и непереходном глаголах, Мещанинов признает реальную активность субъекта, отстаивая, однако, пассивный характер формы. Он говорит: «... Пассивный по содержанию прямой падеж заменяется абсолютным падежом, выступающим не только в значении объекта, но и в активной роли при глаголе непереходном, где он выражает действующее лицо уже логического субъекта. Вместе с тем оформляется и падеж действующего лица при переходном глаголе, обращая прежнее выражение выполнителя действия, следовательно пассивное, в активного выразителя действия (эргативный падеж), хотя и сохранивший пассивную форму орудийного или иного косвенного падежей, в значении которых он уже и употребляется»¹⁵.

Следующей стадией языкового развития, по Мещанинову, является тот синтаксический тип языка, какой мы наблюдаем в языках угро-финской, хамито-семитической и особенно индоевропейской систем. Эту стадию Мещанинов именует активной или формально-активной. Ее характерным признаком он считает то, что действующее лицо получает здесь морфологическое и синтаксическое определение.

Мы детально остановились на анализе книги И. И. Мещанинова потому, что она пытается найти решение самой волнующей проблемы общего языкоznания тридцатых годов — происхождения и сущности так называемой эргативной конструкции, наблюдавшейся в ряде языков и прежде всего во многих языках Закавказья. Этот вопрос и сейчас не потерял своего интереса для лингвистов-теоретиков, но он, как и раньше, не находит своего сколько-нибудь удовлетворительного разрешения.

¹⁴ И. И. Мещанинов. Новое учение о языке, стр. 160.

¹⁵ И. И. Мещанинов. Новое учение о языке, стр. 162.

Он ставился и ставится и в трудах многих зарубежных лингвистов, но также без особого успеха. Мещанинов пытался приспособить эргативную конструкцию к своей схеме стадиального развития языка, рассматривая ее появление и развитие как обязательный этап в прогрессе каждого языка.

Стадиальная трактовка эргативной конструкции имеет, бесспорно, серьезные основания. Наблюдаются факты, позволяющие считать эргативную конструкцию предшественницей номинативной, то есть форме выражения подлежащего через именительный падеж. Многие лингвисты, главным образом зарубежные, совершенно независимо от марровской концепции развития языка находили и находят следы былого существования эргативной конструкции в индоевропейских языках. Многие грузинские языковеды показывают в своих исследованиях процессы распада эргативной конструкции в закавказских языках и их все большее приближение к номинативному строю предложения. В языках явно проявляется как неустойчивый характер эргативного строя предложения, так и вторичность или во всяком случае первоначальная параллельность существования номинативной конструкции.

Однако имеются также и серьезные доводы против стадиального характера эргативной конструкции. К таким прежде всего относится то обстоятельство, что все доступные лингвистическому анализу языки — мертвые или живые — обладают весьма сложным грамматическим строем, что свидетельствует о длительном пути их развития. Это, собственно говоря, не отрицается и Мещаниновым.

Народ может обладать очень отсталым, скучным укладом хозяйственной жизни, очень низким культурным уровнем, который находит свое отражение в малочисленном словарном составе языка. Но грамматический строй языка и такого народа всегда далек от примитивности, ибо грамматический строй в своем происхождении уходит в эпохи глубочайшей древности, в которые он мог подвергаться как разным внутриязычным, так и сильным иноязычным воздействиям. Грамматика относительно мало зависит от количественного и семантического усложнения или упрощения запаса слов в языке. Каждый язык по своему грамматическому строю являет-

ся несозимеримо более древним, чем народ — носитель данного языка, потому что язык наследуется, а не со-здается вновь. Язык может передаваться от одного на-рода к другому; как средство общения язык не связан органически с народом, не является его биологической функцией, а может обслуживать несколько этнически разных коллективов. Примером того может служить хо-тя бы грандиозная экспансия арабского языка в первом тысячелетии нашей эры. Языковоизменение заклю-чается не в создании своего языка, а в приспособлении унаследованного или воспринятого к потребностям своей хозяйственной и духовной жизни. Поэтому структура языка не может быть непосредственно сопоставима со структурой общественной жизни народа.

Второе возражение против стадиального рассмотре-ния эргативной конструкции относится к области связи языка и мышления. Все современные языки, вне зависи-мости от особенностей их грамматического строя, в со-стоянии выразить адекватно любую современную мысль. Любое философское, любое художественное произведение может быть переведено с одного языка на любой другой из существующих языков: затруднения в грамматике не будут иметь места, трудности могут возникнуть (и то в редких случаях) лишь в отношении ограниченности сло-варного запаса в том или ином языке. Следовательно, разные грамматические структуры располагают лишь разными формальными средствами для выражения все тех же категорий современного мышления.

Третье возражение фактического характера. И. И. Ме-щанинов исходил в своей трактовке эргативной конструции из пассивности формы при логической ак-тивности действующего лица. Советские лингвисты Грузии показали в своих работах, что это фактически не-верно. Так, Г. В. Церетели в 1939 году с предельной ясностью доказал активность и формы, и содержания эр-гативной конструкции. Анализируя факты урартского и грузинского языков, Церетели сделал заключение, что «субъект в грузинском может стоять как в «именитель-ном падеже» (т. е. падеже, представленном в грузинском формантом *i*), так и в так называемом активном, с окон-чанием на *тап* (для древнегрузинского) или *та*, *т* (в современном языке). Прямое дополнение соответст-венно можно передать при первой группе времен датель-

ным падежом, а во втором случае (при второй группе времен) — «именительным». Это означает, что именительный падеж грузинского языка принципиально отличается от именительного же падежа индоевропейских языков. Его с таким же успехом можно было бы назвать и «винительным», так как в определенных случаях он передает прямое дополнение (на это указывают, что мы только видели, объективные аффиксы в глаголе). Это, по-видимому, позднего происхождения падеж с несколько универсальным значением, функции которого еще не успели дифференцироваться.

С другой стороны, так называемый активный падеж («повествовательный падеж») использован в языке для обозначения исключительно грамматического субъекта (совпадающего с логическим), так что, с этой точки зрения, его именно и можно назвать «именительным», если под этим термином понимать падеж, обозначающий только субъект.

То же самое в урартском. При переходном глаголе подлежащее стоит в активном (повествовательном) падеже (*še*), который синтаксически соответствует грузинскому *тап*, дополнение — или в «именительном» или в неоформленном падеже, точно так же, как это имеет место в грузинском... Но в грузинском «субъект» ставится в активном падеже только во второй группе времен переходного глагола, в то время как в первой группе времен он стоит в именительном падеже, подобно субъекту непереходных глаголов. Урартский в данном случае приымкает к чанскому, где одинаково оформляется субъект переходного глагола как в первой, так и во второй группе времен. Таким образом, в настоящее время мы можем с большей или меньшей уверенностью утверждать, что урартское окончание субъекта переходного глагола *še* (или *š*) синтаксически полностью соответствует грузинскому *тап*, менгрело-чанскому *k*. С другой стороны, именительный и неоформленный падежи языка древнего Вана имеют ту же функцию, что и именительный падеж грузинского. Употребление перечисленных падежей ни в том, ни в другом языке к пассивной конструкции никакого отношения не имеет»¹⁶.

¹⁶ Г. В. Церетели. Урартские памятники музея Грузии. Тбилиси, 1939, стр. 16—18.

И еще один факт, говорящий не в пользу теории И. И. Мещанинова. В современных индоарийских языках имеется эргативная конструкция примерно в таком же виде, как и в грузинском языке, то есть ее употребление ограничивается только одной из форм прошедшего времени. При этом наличие эргативной конструкции следует, видимо, рассматривать скорее как инновацию, чем как факт пережиточного порядка, поскольку более древние периоды развития индийских языков не знают этой конструкции. Ее нет ни в санскрите, ни в зафиксированных в письменности диалектах пракрита.

Проблема происхождения эргативной конструкции, ее первоначального грамматического содержания все еще остается открытой, хотя по этому поводу написано немало работ и притом часто очень серьезных. Нам кажется, что решение проблемы следует искать в исследовании процесса выработки грамматической категории переходности в разных языках. Грамматические категории — историчны. Пока грамматический строй не сформировал в себе категорию переходного глагола, имена как таковые не нуждаются в падежном различии своих форм. Каждая грамматическая категория имеет целый комплекс своих внешних выражителей как морфологического, так и синтаксического характера, и это тем более относится к категории переходности глагола. Процесс формирования этой категории в каждой языковой семье идет своими путями. Иногда эти разные пути перекрещиваются вследствие разнообразных языковых контактов. Поэтому в разных отдельных языках или группах языков могут наблюдаться сочетания принципиально различных средств оформления этой грамматической категории в единой системе языка. И хотя формальных показателей переходности в материальном отношении может быть бесконечное множество, принципы их построения сводятся приблизительно к четырем:

1. Твердофиксированное местоположение имен в роли подлежащего и в роли объекта. Падежное образование не имеет при этом места.

2. Формальное различие переходных глаголов от непереходных путем основообразующей аффиксации. Формирование падежей в данном случае не обязательно.

3. Признаком переходности глагола может быть особый формант, присоединяемый к имени в функции под-

лежащего. В данном случае возникает так называемый эргативный падеж в отличие от неоформленного имени в функции подлежащего при непереходном глаголе и прямого дополнения при переходном глаголе. Развитие по аналогии может позднее привести к унификации падежной формы имени в роли подлежащего как при переходных глаголах, так и при непереходных. Это развитие по аналогии (необязательное, однако типичное) уничтожает эргативную конструкцию в пользу развития номинативной.

4. Особым формантом оформляется имя в функции прямого дополнения. В результате происходит выделение падежа подлежащего во всех предложениях, и мы получаем грамматический строй речи номинативного характера.

Языковые контакты, более интенсивные в древности, чем сейчас, могли способствовать сочетанию этих разных принципов оформления грамматической категории переходности в каждом отдельном языке, усиливая роль то одного, то другого принципа.

Поэтому отдельные языки, неродственные и даже весьма отдаленные друг от друга территориально, могут иметь один и тот же принцип построения категории переходности при материальном различии конкретных формантов, а отдельные родственные языки, напротив, могут иметь разные принципы оформления переходности. Культурный уровень и общественный строй народа не влияют на выбор этих синтаксико-морфологических принципов построения предложения. О стадиальном значении их не может, таким образом, быть и речи.

В духе идей И. И. Мещанинова написана также и работа С. Д. Кацнельсона «К генезису номинативного предложения», вышедшая в свет также в 1936 году. В этой работе Кацнельсон ставит себе целью выявить следы эргативной конструкции в индоевропейских языках, чтобы показать стадиальную смену эргативного строя предложения на номинативный внутри определенной языковой семьи. Эта цель не была достигнута в силу вышеизложенных объективных причин.

В период с 1934 по 1936 год появляется ряд статей С. Л. Быховской, посвященных этой же проблеме, из которых можно упомянуть статьи «Пассивная конструк-

ция в яфетических языках»¹⁷ и «Объектный строй *verba sentiendi*»¹⁸.

Мы приводим все эти работы, чтобы показать, насколько актуальной была в эти годы проблема эргативной конструкции. Она явилась краеугольным камнем построения стадиальной теории развития языка в этот период и дала возможность последователям Н. Я. Марра обойти подводные рифы четырехэлементного анализа и заменить его простейшими приемами описательного метода.

Последней существенной работой в этом плане является книга И. И. Мещанинова «Общее языкознание. К проблеме стадиальности в развитии слова и предложения» (Л., 1940). Стадиальная теория претерпевает в этой книге некоторые изменения. Как и прежде, в ее основу кладется синтаксис, но материал распределяется с большей детализацией по стадиям. Мещанинов намечает примерно следующие вехи на пути развития языка: инкорпорация — становление глагольного предложения в связи с образованием глагола — посессивный (притяжательный) строй предложения — эргативный строй — аффективный и локативный строй — переход к номинативному строю предложения.

В этой книге И. И. Мещанинов предлагает и новую схему деления грамматики на отделы, заявляя, что только эта новая схема является единственно правильной с точки зрения нового учения о языке. Предлагаемая схема включает в себя три раздела: 1) фонетику как «учение о социально значимых звуках», то есть фактически фонологию; 2) лексику как учение о слове в отдельности и о словосочетаниях лексического порядка; 3) синтаксис как учение о слове в предложении и о предложении в целом.

Мы видим, что из этой схемы выпадает морфология как таковая, ибо все определения разделов грамматики в новой схеме строятся лишь на учете семантико-функциональной стороны слова и его частей. И. И. Мещанинов говорит: «Под морфологией, в обычном значении данного термина, разумеется изучение формальной стороны слова, его слагаемых частей. Намечаемое же мною

¹⁷ «Язык и мышление», 1934, № 2.

¹⁸ «Язык и мышление», 1936, № 6—7.

деление учитывает также функциональную семантику формы, то есть строится на основе взаимосвязанности формы и ее содержания, причем в отделе лексики остается лишь лексическая морфология, морфология же синтаксическая, то есть анализ морфем, передающих изменение слова в зависимости от его роли в предложении, переходит в главу о синтаксисе. В последней при таких условиях синтаксискою морфемою окажется только та часть слова, которую выражается синтаксическое отношение, остальные же части, образующие основу слова, естественным образом войдут в область лексики»¹⁹.

Таким образом, мы видим, что, придавая первенствующую роль синтаксису, И. И. Мещанинов растворил морфологию в разделах лексики и синтаксиса. Это имело довольно отрицательные последствия для развития теоретического и практического языкоznания. Рьяные, но часто лингвистически малограмотные и равнодушные к науке приверженцы Мещанинова, не вникая в суть дела, объявляли морфологические исследования формалистическими и в силу этого идейно порочными, а в практическом изучении языка требовали заниматься только синтаксисом без детального изучения форм.

«Общее языкоznание» И. И. Мещанинова по существу является лебединой песней марризма, если не считать теоретических упражнений отдельных малоталантливых учеников Марра. Ибо фактически марризм как направление в лингвистике изжил себя задолго до дискуссии 1950 года. Открытая дискуссия на страницах газеты «Правда» в 1950 году убрала уже разлагавшиеся останки марризма с пути развития советского языкоznания, очистила атмосферу научной деятельности в этой области.

Марризм был фактически мертв уже в 1945 году, когда вышла в свет интересная книга Мещанинова «Члены предложения и части речи». Дата появления этой книги знаменовала поворотный этап в советском языкоznании, была датой рождения советского структурализма. Структурализм — это определенная ступень в развитии современного языкоznания и, по-видимому, не-

¹⁹ И. И. Мещанинов. Общее языкоznание. Учпедгиз, 1940, стр. 39.

избежная и необходимая при соответствующем объеме и соответствующем качестве собранных языковых фактов.

В период зарождения и первоначального развития сравнительно-исторического языкознания лингвисты в основном имели дело с флексивными языками индоевропейской и хамито-семитической систем, причем в их распоряжении были материалы, зафиксированные в письменности разного периода развития этих языков. Позднее сравнительно-историческому анализу подверглись также и некоторые языки агглютинирующего строя, но в незначительной степени. В конце XIX века и особенно в начале XX века поле научного исследования расширяется новыми типологически разнообразными языками, как правило, бесписьменными, а если и имеющими письменные традиции, то лишь с недавнего времени. При этом немаловажную роль играет тот факт, что большинство этих языков не могло по своим фактическим данным объединяться в семьи, так как не было критериев для установления родства между ними, не могла быть прослежена история их развития ввиду отсутствия продолжительной письменной фиксации языкового материала. В то же самое время эти языки обладали такими типологическими своеобразиями, которые резко отличали их от уже изученных языковых семей. Обращало на себя внимание также и то обстоятельство, что некоторые типологические особенности объединяли языки, находящиеся на большом территориальном, а иногда и временном расстоянии друг от друга, например некоторые языки индейских племен в Америке и языки некоторых народов в СССР, языки кавказских горцев и государственный язык древнего Вана и т. д.

В области исследования этих языков сравнительно-историческому языкознанию делать пока что было нечего. Нужно было сначала описать все эти языки, руководствуясь определенными научными принципами описания, а затем систематизировать весь собранный разно-типовологический языковый материал. А так как в научную лабораторию ученых поступал материал разных языков, то, естественно, при исследовании вырабатывались в первую очередь два основных принципа в подходе к анализу материала, а именно: 1) анализ каждого языка как единого целого в тесном взаимодействии

всех его частей и 2) выявление типологических особенностей этого целого в сравнении с другими разнотипными языками. Назревала потребность пересмотра и расширения типологической классификации языков, возникла также необходимость при всем этом типологическом разнообразии выявить нечто общее для всех языков, позволяющее их сопоставление и сравнение. Материальная сторона языков не допускала сопоставления их, слишком уж велики и независимы были их различия в формантах и конструкции предложения. Естественно, лингвисты были вынуждены обратить особое внимание на семантическую или функциональную сторону грамматических форм. Особенно популярной становится гумбольдтовская теория внутренней формы языка, то есть теория грамматико-понятийного содержания языка.

Трактовка понятийного содержания грамматики была в разных странах разной, в зависимости от философской, методологической концепции лингвистических школ. Но стремление создать всеобщую грамматику на базе этих единых для всех языков логических или понятийных категорий было везде одинаковым, и оно привело к возникновению разных школ структурализма, на разных методологических основах. На биолого-механистическом понимании процессов мышления развивается, например, структурализм в Америке, родоначальником которого был весьма талантливый лингвист Э. Сепир. Типологически разные языки индейских племен были побудительной причиной возникновения этой лингвистической школы.

Соссюрианское понимание взаимодействия языка и мышления, его разграничение языковой деятельности на материальную речь индивида и на сумму психо-мыслительных представлений вне материальной оболочки как язык социального коллектива легли в основу пражского структурализма, возникшего в двадцатых годах нашего столетия. В трудах пражских структуралистов соссюрианское понимание языка освобождается лишь от психологизации и язык рассматривается как сумма чистых функций структурного порядка. Побудительной причиной развития пражского структурализма было опять-таки интенсивное изучение еще не подвергшихся научному анализу языков и особенно языков, еще совершенно не изученных.

На антиисторической философии Гуссерля строился копенгагенский структурализм, который в силу своего позднего возникновения сам уже не описывает малоизученные языки, а использует наличный языковый материал для построения универсальной грамматики, близкой к той, которую разработал И. И. Мещанинов в своей книге «Члены предложения и части речи», но на иной методологической основе. Причиной было опять-таки обилие нового разнотипологического языкового материала.

В предисловии к своей книге И. И. Мещанинов писал: «Институт языка и мышления, отвлеченный первые годы своего существования на тематику, связанную с семантикою слова, давшую исключительно богатые результаты, постепенно переходил на анализ синтаксических явлений, на смысловое значение самого предложения и на формальную сторону его выражения. Тем самым исследование направлялось на ведущие устои грамматики, на изучение слова в его основном использовании в речи. Исследование направлялось в конце концов не только на синтаксис, но через него и на морфологию, так как на фоне синтаксического строя морфологическое оформление слова получает наиболее яркое освещение...

Привлечение к исследованию разносистемных языков, столь богато представленных на территории СССР, и углубление в изучение особенностей их строя речи дали богатейший и в значительной своей части свежий материал. На основе этого материала расширялся и углублялся сравнительный подход к языкам различного строя со включением также и зарубежных языков. Начала постепенно несколько в ином свете вскрываться вся сложность наблюдаемого процесса развития речи в ее многообразных выявлениях в различных языковых структурах. На них и обращалось основное внимание»²⁰.

Таким образом, появление структурализма предрешили не философские взгляды лингвистов, а характер языкового материала, выступавшего в качестве объекта исследования. Господствующее в той или иной школе мировоззрение придает лишь особый отпечаток ее структуральным построениям. Поэтому структурализм в каж-

²⁰ И. И. Мещанинов. Члены предложения и части речи. Изд. АН СССР, 1945, стр. 3—4.

дой из указанных стран не являлся апологией чужеземного структурализма, а вполне самостоятельным развитием лингвистической мысли на базе общего развития языкознания²¹, подобно тому как в первой половине XIX века в различных странах возникало сравнительно-историческое языкознание. Взаимовлияние структуральных школ ограничивается только лишь обменом нового лингвистического материала и некоторых приемов самого анализа. Совпадение многих результатов исследования при одинаковом характере исследуемого материала и при использовании более или менее близких методов исследования неизбежно. Характер обобщений этих результатов имеет, как правило, различия в разных школах структурализма, что определяется в конечном итоге различием в их методологических философских установках.

Большой интерес представляет хотя бы краткий обзор главных положений книги И. И. Мещанинова «Члены предложения и части речи». В качестве основной единицы языка Мещанинов берет предложение. В разных языках предложение имеет разную структуру, которая зависит от различного понимания действия в его отношении к субъекту и объекту — именно такого понимания, которое имеется у общественного носителя речи. Различное восприятие взаимосвязанности отдельных слов создает неодинаковое членение предложения, отчего формальное выражение предложения в типологически разных языках является разным. Задача теоретического изучения языков сводится, по мнению Мещанинова, к установлению разной значимости синтаксических отношений между главными членами предложения и между словами, входящими в общие с ними группировки.

Синтаксические категории, то есть члены предложения, имеют во всех языках более или менее одинаковые функции. Но различна типологическая структура членов предложения, что сказывается и в существенном различии частей речи в разных языках. Части речи образуют

²¹ Здесь, конечно, не имеются в виду бездарные подражатели и апологеты зарубежных направлений, которые имелись и имеются в каждой стране, но которые не играют никакой существенной роли в развитии языкознания.

ся в синтаксических отношениях путем приобретения формальными показателями (сверх их первоначального синтаксического значения) также и значения лексических определителей данной группировки слов. Такой переход формальных показателей из синтаксической категории в лексическую происходит в разных языках разными путями.

«Разные языки,— пишет И. И. Мещанинов,— выработали не только свои системы показателей, но и используют различные синтаксические приемы для сочетания слов в предложении. Одни и те же синтаксические задания выполняются различными средствами, и вовсе не все эти средства, вполне удовлетворяющие заданиям передачи законченного построения предложения, выступают в роли характеризующих признаков частей речи. Многие из них остаются характеризующими лишь для членов предложения. Следовательно, не только говорить о наличии во всех языках формально сходных показателей, но и утверждать о наличии во всех языках сходных группировок словарного состава вовсе не приходится. Значит, не во всех исторических периодах развития речи и не во всех действующих языковых системах, т. е. не во всех языках, незыблемо существуют одни и те же части речи»²².

Следует обратить внимание на тот знаменательный факт, что в этой книге И. И. Мещанинов уже не обращается к стадиальной схеме развития языка. Об инкорпорировании, синкетизме и прочих явлениях, выделявшихся им ранее, он говорит теперь не как о стадиях языкового развития, а как об особых синтаксических приемах, ставя их в один ряд с замыканием, согласованием, примыканием, управлением и тому подобными языковыми фактами.

В этом же плане написана и последняя работа И. И. Мещанинова — «Глагол», изданная в 1948 году. В этом труде нашел свое окончательное выражение интерес Мещанинова к этой части речи — интерес, который характеризовал всю его лингвистическую деятельность.

Структуральный анализ представлен в работах А. Г. Шанидзе: статья «Категория рода в глаголе. Об-

²² И. И. Мещанинов. Члены предложения и части речи, стр. 17.

щие вопросы формообразования глаголов на примерах грузинского языка» («Известия Института языка, истории и материальной культуры АН Грузинской ССР», т. X, 1941), книга «Основы грузинской грамматики» (вып. I, Тбилиси, 1942, на грузинском языке), а также статьи «Изменение системы выражения глагольной категории вида в грузинском и его последствия» («Сообщения АН Грузинской ССР», т. 3, № 9, 1942) и «Глагольные категории акта и контакта на примерах грузинского языка» («Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка», т. V, вып. 2, 1946). Характерным для работ Шанидзе является мастерское умение на небольшом количестве страниц вскрыть все особенности системы грамматических категорий определенной части речи грузинского языка и создать свои яркие термины для грамматических явлений, не наблюдавшихся в индоевропейских языках.

В духе структуральной лингвистики написаны последние крупные работы В. С. Соколовой, посвященные фонетике иранских языков на территории СССР. При изучении трудов Соколовой у нас возникает четкое и стройное представление о фонологических системах таджикского²³, белужского, курдского, талышского, татского, осетинского, ягнобского и памирского²⁴ языков.

Очень полезными для разработки общих проблем структурального языкознания и развития частного языкознания являются работы Х. Байлиева, Н. А. Баскакова, Л. И. Жиркова, А. Н. Кононова, А. И. Исакакова, С. Д. Санжеева, С. Е. Малова, Е. А. Бокарева, Н. К. Дмитриева, А. Н. Харитонова, Е. И. Убятовой, А. А. Юлдашева, Х. В. Севортияна, Н. П. Дыренковой, В. Н. Насилова и многих других. Эти работы описывают малоизученные языки народов СССР и соседних азиатских народов, то есть языки, относящиеся к различным топологическим системам.

Советский структурализм особенно интенсивно развивался в области фонологии. Когда И. И. Мещанинов в своем «Общем языкознании» в 1940 году определил

²³ См. В. С. Соколова. Фонетика таджикского языка. Изд. АН СССР, 1949.

²⁴ См. В. С. Соколова. Очерки по фонетике иранских языков. Изд. АН СССР, 1953.

фонетику как учение о социально значимых звуках, то тем самым он в значительной степени предопределил развитие фонологических тенденций структурального порядка в советском языкоznании. В основу начального развития советской фонологии легла система взглядов И. А. Бодуэна де Куртенэ и Л. В. Щербы, так как советские лингвисты, естественно, искали опору для своих теоретических построений не за рубежом, а в истории отечественного языкоznания. При этом возникли два направления советской фонологии — направление ленинградской фонологической школы и направление московской фонологической школы.

Ленинградская фонологическая школа, главными представителями которой являются М. М. Матусевич и Л. Р. Зиндер, очень точно придерживалась фонологической концепции Л. В. Щербы и не проявляла большой творческой самостоятельности в развитии учения о фонеме. Лингвисты этой школы исходили и исходят в своих фонологических построениях из словоформы, в которой они различают каждую звуковую единицу только по физиолого-акустическому признаку, игнорируя функциональные свойства фонем в системе морфологических парадигм. Так, если два смыслоразличительных звука совпадают в физиолого-акустическом отношении, то ленинградские фонологи, невзирая на их разную функциональную значимость, считают эти звуки одной фонемой, например, конечный звук *т* в слове *прут* и в слове *пруд*. В связи с этим возникает значительная расплывчатость в трудах ленинградских фонологов. Фонема получает слишком автономное положение, независимо от системы фонем в целом и от системы языка. Этим самым снимается и выдвинутый ими вслед за Щербой тезис о социальной значимости звуковых различий, так как о какой значимости этих различий может идти речь, если фонема, с точки зрения Л. Р. Зиндера, определена в слове и без знания самого слова и его значения?

Совсем иной характер носит московская фонологическая школа. Она объединяет ряд выдающихся лингвистов, имеющих крупные заслуги в разных областях языкоznания: диалектологии, общем языкоznании, теории русского языка, сравнительно-историческом языкоznании; это П. С. Кузнецов, Р. И. Аванесов, В. Н. Сидоров, А. А. Реформатский и др.

Принципиальные расхождения между этими двумя школами особенно ярко проявились на дискуссии по проблемам фонетики, проведенной на специальной сессии Отделения литературы и языка АН СССР в январе 1947 года. В выступлениях на этой дискуссии и в печатных работах московские лингвисты дали стройное, строго логичное учение о фонеме, основанное на тонком наблюдении фактов языка. Так, в имеющейся серьезное теоретическое значение книге Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова «Очерк грамматики русского литературного языка» (ч. I, изд. АН СССР, 1945), а также в статье П. С. Кузнецова «К вопросу о фонетической системе современного русского языка»²⁵, в статье Р. И. Аванесова «Вопросы фонетической системы русских говоров и литературного языка»²⁶ и в ряде других работ четко обнаруживается системно-морфологическая основа фонологической концепции московской школы советской фонологии. Этот морфологический аспект трактовки понятия фонемы особенно характерно звучит в формулировке Н. Ф. Яковлева: «... фонема есть общественно, а следовательно, и грамматически выделенный звук»²⁷.

Итак, московские фонологи исходят в своих взглядах на фонему не из словоформы, а из морфемы. «Прежде всего,— говорит А. А. Реформатский,— необходимо отказаться от ходячего представления о том, что «слова состоят из звуков»; это положение дважды неправильно: во-первых, потому, что слова состоят из морфем (хотя бы это были и одноморфемные слова), а во-вторых, сами морфемы состоят не из звуков, а из фонем. Произносимые в речи звуки объединены в фонемы, и именно фонемы являются материалом построения морфем.

Если ограничиваться реально произносимыми звуками, то нельзя подойти к морфологическому строению слов, так как комбинаторные явления «стирают» морфологические швы»²⁸.

²⁵ «Ученые записки Московского городского педагогического института. Кафедра русского языка», т. V, вып. 1, 1947.

²⁶ «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», вып. 3, 1947.

²⁷ Н. Ф. Яковлев. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. Изд. АН СССР, 1948, стр. 316.

²⁸ А. А. Реформатский. О соотношении фонетики и грамматики. Сборник «Вопросы грамматического строя». Изд. АН СССР, 1955, стр. 95.

Исходя из системной взаимосвязи всех структурных элементов языка и из функционального значения фонемы в составе морфологических парадигм, московские фонологи путем метода противопоставлений развивают тезис о том, что фонологическая система языка основана на звуковых чередованиях двоякого типа: параллельных и пересекающихся.

Если звуковая система языка характеризуется главным образом позиционными чередованиями параллельного типа, что, например, характерно для старославянского языка до падения редуцированных, то каждая отдельная звуковая единица в любой позиции обладает равной способностью различать любую форму из парадигм слова. Каждая фонема равна по своей оппозиционной силе любой другой, она почти тождественна звуку, отличаясь от него лишь тем, что включает в себя тип звука и его артикуляторно-акустические вариации, функционально воспринимаемые как нечто единое. Эти вариации качественно таковы, что они не допускают совпадения с другой фонемой, которой она противопоставляется. Так, например, при наличии редуцированных шумные согласные старославянского языка сохраняли во всех позициях глухость или звонкость как свой структурообразующий элемент, несмотря на некоторые артикуляторные изменения, обусловленные особенностями их варьирующейся позиции.

Иначе дело обстоит при пересекающихся чередованиях. Р. И. Аванесов в своей книге «Фонетика современного русского литературного языка», имеющей значение теоретического труда, пишет: «Характерной особенностью фонетической системы при наличии непараллельных, пересекающихся позиционных чередований является то, что в разных позициях различается неодинаковое количество звуковых единиц, так как некоторые ряды чередований имеют общие члены. При таких чередованиях оказывается, что в одних позициях различается максимальное количество звуковых единиц, в других меньшее, а иногда — в третьих еще меньшее, т. е. минимальное количество звуковых единиц. Это означает, что при наличии таких чередований кратчайшая звуковая единица данной словоформы в зависимости от позиции обладает способностью различать звуковые оболочки словоформ не в одинаковой степени: в одних позициях она обладает

этой способностью в высшей степени (сильная позиция), в других — в меньшей степени (слабые позиции)»²⁹.

В связи с определением слабой и сильной позиций фонемы московская школа выдвигает понятие сильной и слабой фонемы. Сильная фонема обладает максимальной степенью дифференциации в противопоставлениях с другими фонемами. Примером сильных фонем могут быть любые фонемы русского языка в начальной позиции: *рот* — *кот* — *мот* и т. д. Сильная фонема обладает большой различительной силой: она различает как словоформу, так и морфему. Слабая фонема имеет меньшую различительную силу. Она может иногда не различать морфемы, выступая в таких позициях, где она артикуляционно совпадает со своим оппонентом: например, конечная фонема в слове *пруд* — с конечной фонемой в слове *прут*. Таким образом, непараллельное чередование есть чередование сильной фонемы со слабыми, которые являются эквивалентами данной сильной фонемы и еще одной или нескольких сильных фонем. «Подобное чередование, — говорит Р. И. Аванесов, — ввиду позиционной обусловленности его членов характеризуется отсутствием семасиологизации, отсутствием различительной способности его членов по отношению друг к другу и образует весьма важное связующее звено в структуре языка между фонемой и морфемой, которое мы назовем фонемным рядом»³⁰.

Функциональное единство сильной фонемы и чередующихся с ней слабых фонем, образующих один ряд позиционных чередований, соответствует тождеству морфемы. Это функциональное единство П. С. Кузнецовым определяется термином «гиперфонема», Р. И. Аванесовым раньше — «группой фонем», сейчас — «фонемным рядом», что в известной степени соответствует термину пражских структуралистов — «архефонема». Ибо при всей внешней разности терминов в них вкладывается одно и то же понимание фонемы как морфолого-структурной единицы, лишенной определенной артикуляционно-акустической характеристики.

²⁹ Р. И. Аванесов. Фонетика современного русского литературного языка. Изд. МГУ, 1956, стр. 27.

³⁰ Р. И. Аванесов. Кратчайшая звуковая единица в составе слова и морфемы. Сборник «Вопросы грамматического строя». Изд. АН СССР, 1955, стр. 130.

Усиление позиции советского структурализма в области фонологии произошло в 1953 году, когда в «Известиях АН СССР» была опубликована статья С. К. Шаумяна «Проблема фонемы». В этой статье Шаумян открыто провозглашает торжество принципов структурализма. С этого момента идеи структурализма, преломляясь своеобразно в марксистской идеологии советских лингвистов, получают все большее распространение в работе не только московских фонологов, но и в трудах многих лингвистов, работающих в разных областях языкоznания. Это особенно наглядно проявилось на дискуссии о соотношении синхронного анализа и исторического исследования языка, проведенной Институтом языкоznания в Москве в 1957 году, где с докладами, защищающими необходимость официального существования структурализма, выступили А. А. Реформатский, Р. А. Будагов, Н. Д. Андреев, В. В. Иванов, Э. А. Макаев. В этих докладах речь шла о необходимости внедрения методов структурализма в область сравнительно-исторического языкоznания, причем это были не случайные высказывания, а открытое выражение относительно давно наметившейся тенденции к симбиозу сравнительно-исторического и структурального языкоznания в трудах многих советских лингвистов. Эта тенденция в значительной степени проявлялась в работах А. И. Смирницкого, М. И. Стеблина-Каменского и других языковедов.

Проблема взаимосвязи сравнительно-исторического языкоznания и структурализма — вопрос весьма сложный и противоречивый. Определенный языковой материал требует к себе структурального подхода при современном уровне развития науки о языке. Но это обстоятельство не устраняет реальной необходимости существования сравнительно-исторического анализа с его особыми глубоко познавательными целями. Сравнительно-историческое языкоznание было и будет ведущей областью языкоznания, причем результаты языковедческой работы в структуральном плане являются для сравнительно-исторического языкоznания лишь новым черновым материалом, материалом, более добротным, чем материал предыдущей эпохи, так как он собран и просистематизирован на более высоком научном уровне и более совершенными методами, дающими возможность уяснить структуру отдельного языка во всей слож-

ности взаимопроникновения и взаимовлияния его структурных элементов.

Однако использование методов структурализма в сравнительно-историческом языкознании должно быть разумным и применяться лишь в известных пределах, устанавливаемых целесообразностью. Вполне рациональны элементы структурализма в работах по истории развития отдельных языков. Например, очень умно и целесообразно использованы некоторые принципы структурализма в книге М. И. Стеблина-Каменского «История скандинавских языков» (изд. АН СССР, 1953). Но попытки рассматривать звуковой состав или морфологические формы, или синтаксические явления индоевропейского, а тем болееprotoиндоевропейского языка-основы как единую цельную систему являются по меньшей мере бесплодными. Можно реконструировать первоначальный облик корневой морфемы или отдельной грамматической формы, проследить исторические изменения звуков, но воссоздать картину гипотетического языка во всех взаимосвязях его отдельных элементов не представляется возможным хотя бы потому, что индоевропейский язык-основа никогда не существовал как единое неделимое целое, а был, видимо, комплексом отдельных близких по строю и лексике языков, носители которых имели разные условия своего существования, разные контакты с другими племенами и народами и в силу этого обладали разными возможностями и тенденциями в языковом творчестве. Не исключена также возможность, что индоевропейская общность возникла в результате интенсивных контактов народов при исходной типологической разности своих языков.

Опасность механического переноса принципов структуральных построений на основы сравнительно-исторического языкознания осознается некоторыми советскими лингвистами (В. И. Абаевым, В. М. Жирмунским, Л. А. Булаховским и др.). Один из талантливейших молодых языковедов, успешно работающих в области сравнительно-исторического и общего языкознания, — Э. А. Макаев в своей остро полемической статье «Ларингальная теория и вопросы сравнительной грамматики индоевропейских языков» вскрывает с большой силой эрудированной аргументации ущербное влияние на плодотворность развития проблематики сравнительно-исто-

рического языкоznания такого подхода, при котором «речь идет не об истинно историческом объяснении фактов индоевропейских языков в строго закономерной системе и динамике с учетом исторической перспективы, своеобразия национальной самобытности и особых путей развития каждого данного индоевропейского языка, а речь идет о том, чтобы различные явления индоевропейских языков подвести под престабилизованные математические формулы»³¹. Основной недостаток структурализма, который особенно остро проявляется именно тогда, когда структурализм захватывает область сравнительно-исторического языкоznания,— это отсутствие исторической перспективы, это, пользуясь формулировкой Макаева, механическое проецирование в плоскость индоевропейского языка-основы явлений совершенно различных планов, без учета своеобразных форм проявлений индоевропейской общности в отдельных индоевропейских языках.

К сожалению, Э. А. Макаев не остается последовательным в своей критике неуместного вторжения структурализма в проблематику сравнительно-исторического языкоznания, которая не может по своему характеру разрабатываться методами с вневременной ориентацией. В своем докладе на указанной дискуссии о соотношении синхронного анализа и исторического исследования языка он высказывает мысли, стоящие в прямом противоречии с вышеизложенной позицией.

Советское сравнительно-историческое языкоznание встретило при господстве марксизма большие трудности в своем развитии. И все же оно не было остановлено в своем поступательном движении. В нем сформировались такие крупные лингвисты, как В. И. Абаев и В. М. Жирмунский.

Характерной чертой исследовательской деятельности В. И. Абаева является то, что он в своих работах наглядно показывает связь развития языка с историей народа — носителя анализируемого языка. Именно этот принцип рассмотрения развития языка на фоне исторической жизни народа позволяет Абаеву делать такие глубокие, проникнутые духом марксизма обобщения, на

³¹ См. «Труды Института языкоznания АН Грузинской ССР. Серия восточных языков». Тбилиси, 1957, стр. 64.

которые совершенно неспособен структурализм. Теоретические работы Абаева многочисленны и разнообразны по своей тематике.

Особенно значительным является его труд «Осетинский язык и фольклор», первый том которого был издан АН СССР в 1949 году. По глубине теоретических обобщений, количеству ярких и творческих оригинальных идей, широте охвата фактического материала и яркости его изложения эта книга не имеет себе равных среди работ советских лингвистов в последние два десятилетия. В ней В. И. Абаев с помощью сравнительно-исторического метода и анализа фольклорных данных создает яркую, красочную картину развития осетинского языка на протяжении почти 2000 лет, несмотря на отсутствие письменных памятников на этом языке в период до XIX века. В книге также аргументированно доказывается правомочность отождествления осетин с древним народом аланов, входивших в скифо-сарматские племенные группировки в эпоху с VII века до нашей эры по III век нашего летосчисления. Основным положением теоретической концепции этой книги является мысль о том, что осетинский язык — это иранский язык, сформировавшийся на кавказском субстрате.

В 1958 году вышел в свет другой, еще более значительный труд В. И. Абаева — «Историко-этимологический словарь осетинского языка», т. I, который дает исследовательской лаборатории советского и европейского сравнительно-исторического языкознания новый языковой материал исключительной важности. Этот труд В. И. Абаева будет иметь неоценимое значение еще и потому, что такая работа в области этимологических исследований лексики младописьменных иранских языков проведена впервые и притом ученым с необыкновенно широким общелингвистическим кругозором и обширной эрудицией в различных областях индоевропейского и кавказского языкознания.

В области сравнительно-исторической иранистики представляют большой интерес также работы А. А. Фреймана, посвященные проблематике древнеиранских языков, дешифровке вновь открытых хорезмийских текстов и анализу морфологии хорезмийского языка.

В. М. Жирмунский плодотворно работает на протяжении всех сорока лет существования советского язы-

кознания. Им создано много интересных работ в области литературоведения и германистики. Написанная им «История немецкого языка» выдержала ряд изданий большими тиражами и подготовила несколько поколений специалистов в области германской филологии.

Основной проблематикой исследовательской работы В. М. Жирмунского являются вопросы соотношения литературного немецкого языка и немецких диалектов. Много содержательных книг и теоретических статей, посвященных этой теме, Жирмунский опубликовал еще до Отечественной войны, снискав себе славу крупного специалиста в этой области не только в пределах Советского Союза, но и в Германии. Обобщением всей этой работы явился фундаментальный труд «Немецкая диалектология», изданный АН СССР в 1956 году. Данное исследование выполнено в сравнительно-описательном плане с широкой сравнительно-исторической ретроспективой, позволившей автору поставить и по-своему решить различные сложные проблемы истории немецкого языка. Как весьма положительное качество исследовательской деятельности Жирмунского следует отметить то, что ей чужды логистический схематизм, статичность и игра в термины структурализма.

Большие достижения имеются также в области сравнительно-исторического изучения романских языков. Здесь плодотворно работали М. В. Сергиевский, В. Ф. Шишмарев, последние труды которого были удостоены Ленинской премии. В последнее время область романского языкознания обогатилась интересными работами Р. А. Будагова, Н. А. Катаюшиной и латиниста И. М. Тронского. Особенно следует отметить работы И. М. Тронского «К семантике множественного числа в греческом и латинском языках»³² и «Очерки из истории латинского языка» (Изд. АН СССР, 1953), отличительными чертами которых являются высокий теоретический уровень и увлекательный стиль изложения.

В области финно-угорского сравнительно-исторического языкознания в СССР большие заслуги имеег

---

³² «Ученые записки Ленинградского государственного университета. Серия филологических наук», вып. 10, 1946.

Д. В. Бубрих, написавший ряд интереснейших исследований по различным языкам этой языковой семьи³³.

И в других частных языкоznаниях, где применяется сравнительно-исторический метод, появляются яркие лингвистические произведения, как, например, книга П. В. Ернштедта «Египетские заимствования в греческом языке» (Изд. АН СССР, 1953).

Особое место в рамках советского языкоznания занимает сравнительно-историческое языкоznание Грузии. Типологическое разнообразие языков Кавказа, своеобразная распространяемость фонетических и морфологических изоглосс, обусловленная особенностями предысторической и исторической жизни Кавказа и территориальной близостью его языков, — все это наложило своеобразный отпечаток на характер сравнительно-исторического исследования. Ведущей идеей исследовательской работы грузинских лингвистов является мысль о том, что в развитии кавказских языков решающим фактором был языковой контакт. Интересно заметить, что вообще все лингвисты, когда-либо изучавшие языки Кавказа, проявляют аналогичную тенденцию в своей исследовательской работе, в частности, выдвинутая Н. С. Трубецким теория языкового союза базировалась в первую очередь па его больших познаниях в области кавказского языкоznания. Едва ли можно рассматривать как случайный тот факт, что взоры многих современных лингвистов устремляются в сторону Кавказа. Кавказский материал обладает богатыми возможностями для решения многих сложных проблем частного и общего языкоznания.

Среди грузинских представителей сравнительно-исторического языкоznания большие заслуги имеет А. С. Чикобава. Лингвист большого плана, Чикобава занимается изучением развития картвельских языков, уделяя особое внимание проблеме происхождения от-

³³ Д. В. Бубрих: «Историческая фонетика финского суоми языка». Петрозаводск, 1948; «Историческая фонетика удмуртского языка». Ижевск, 1948; «К вопросу о происхождении спряжения. Финно-угорские данные» («Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», т. V, вып. 1, 1946); «Грамматика коми языка». Сыктывкар, 1948; «Грамматика эрзянского языка». Саранск, 1953; «Историческая морфология финского языка». Изд. АН СССР, 1953 (две последние работы изданы посмертно).

дельных грамматических формантов в этих языках. В этом отношении весьма характерной является работа Чикобавы «Категория грамматических классов и генезис падежных окончаний в грузинском языке»³⁴.

Много внимания грузинские языковеды уделяют изучению урартского языка и дешифровке памятников письменности на этом языке. В этой области особенно успешно работают Г. В. Церетели и Г. А. Миликиашвили — лингвисты с большой эрудицией и подлинным талантом оригинально и остро ставить принципиально важные проблемы и давать им самостоятельное творческое решение.

В советском сравнительно-историческом языкоznании почетное место занимают лингвисты Армении. В первую очередь здесь следует упомянуть грандиозный по объему и охвату материала труд Г. Ачеряна «Корневой словарь армянского языка» в семи томах общим объемом около десяти тысяч страниц (Ереван, 1921—1935). Этот труд является поистине универсальным словарем армянского языка; он не только фиксирует весь лексический материал этого языка, но и дает этимологию корневых слов. При этом автор словаря использует уже имеющиеся в науке данные, а также, что особенно важно, и результаты самостоятельного исследования. В словаре приводятся все диалектальные варианты корневых слов, регистрируемые в тридцати наречиях армянского языка, благодаря чему словарь приобретает исключительное значение для исследовательской работы в области сравнительно-исторического языкоznания. Наконец, при каждом корневом слове указывается, в какой язык проникло данное слово в качестве заимствования из армянского. Этот труд по своему типу не имеет себе равных. Г. Ачеряну принадлежит также и другая очень интересная работа — «История армянского языка» (Ереван, 1940).

Одним из крупнейших языковедов Армении является Г. Капанцян, занимающийся разработкой вопросов древнейшего периода истории армянского языка. В своей исследовательской работе он исходит из изучения местных древних (халдо-урартийских) языков и древ-

³⁴ «Сообщения АН СССР», 1946, № 1—2.

них языков Малой Азии, пытаясь установить их связи с древнеармянским. Его работы отличаются широким привлечением археологического, исторического и мифологического материала. Так, в «*Chetto armeniaca*» (Ереван, 1935) Капанцян анализирует армянскую лексику с точки зрения ее возможной близости к лексике хеттского языка и приходит на основании этого анализа к выводу, что армянский язык находился некогда в тесном взаимодействии с древними малоазийскими языками индоевропейского характера. Помимо лексических соответствий между хеттским и армянским языками, Капанцян устанавливает соответствия в пантеоне хеттов и армян и в отдельных элементах в мифологии этих народов. Материалы своих наблюдений, касающихся этой проблемы, он опубликовал в 1940 году под названием «Хеттские боги у армян».

В том же году вышли в свет его другие работы большого историко-познавательного значения: «История Урарту» и «Историко-лингвистическое значение топонимики древней Армении». Как показывают уже сами названия работ, Г. Капанцян очень широко исследует различные источники, позволяющие в какой-то мере создать представление об особенностях предысторических связей армян с другими народами. Вся исследовательская деятельность Капанцяна имеет резко очерченную направленность и дает результаты, способствующие лучшему пониманию древней истории Кавказа.

Советская лингвистика за сорок лет проделала большую и интересную работу во всех областях языкоznания и, конечно, в первую очередь в области славистики и теоретического изучения русского языка во всех формах его развития и проявления.

Развитие славянского языкоznания в Советской России неразрывно связано с именем замечательного лингвиста А. М. Селищева, написавшего ряд выдающихся работ, из которых мы упомянем хотя бы «Очерки по македонской диалектологии» (1918 г.), «Славянское население в Албании» (1931 г.), первый том широко задуманного труда «Славянское языкоznание», посвященный западнославянским языкам (1941 г.), два тома работы «Старославянский язык», вышедшие в 1951—1952 годах уже после смерти их автора (Селищев умер в 1942 г.).

Интересны также работы украинского ученого Л. А. Булаховского, посвященные отдельным проблемам сравнительно-исторического славянского языкоznания. Особенno следует отметить две статьи, опубликованные им в 1946 году в «Известиях АН СССР. Отделение литературы и языка»: «Восточнославянские языки как источник реконструкции общеславянской акцентологической системы» (т. V, вып. 6) и «Интонация в количестве форм Dualis именного склонения в древнейшем славянском языке» (т. V, вып. 4).

Что касается изучения древнего и современного русского языка, то советское языкоznание создало ряд выдающихся произведений. По древнерусскому языку большими достоинствами отличаются работы Ф. П. Филина, А. П. Якубинского и В. И. Борковского.

Особое и притом очень почетное место в общем процессе развития советского языкоznания занимает группа лингвистов, возглавляемая В. В. Виноградовым. К ней относятся такие russисты, как Е. М. Галкина-Федорук, В. Г. Орлова, Н. Ю. Шведова, В. И. Борковский, С. И. Котков и многие другие. Этим ученым, и в первую очередь В. В. Виноградову, принадлежит заслуга создания научной грамматики нового типа. Классическим образцом такой грамматики является книга Виноградова «Русский язык», удостоенная в свое время высших премий. Этот капитальный труд представляет собой подробное описание всех явлений современного русского языка в динамике их взаимодействия. В то же самое время анализ языкового материала сопровождается вскрытием борьбы различных научных точек зрения на отдельные сложные явления грамматической структуры и выявлением теоретического обоснования каждого структурного факта в строje русского языка. Книга Виноградова «Русский язык» явилась образцом и основой для ряда работ по отдельным вопросам грамматики других языков.

В этом плане весьма показательна работа Е. М. Галкиной-Федорук «Безличные предложения в современном русском языке», вышедшая в свет в 1958 году в издательстве МГУ. Прежде всего автор этой работы решает вопрос о сущности или о природе анализируемого грамматического явления. С этой целью в книге показывается путь разработки понятия суждения как логиче-

ской категории и понятия предложения как категории языка. Структурным элементом и того и другого, с точки зрения Е. М. Галкиной-Федорук, является модальность, что согласуется полностью с концепцией предложения у В. В. Виноградова.

Значительный упор при анализе грамматического материала делается на связи мышления и языка. Касаясь особенностей своего подхода к фактам языка, Е. М. Галкина-Федорук пишет: «Вряд ли можно ограничиться только описательным синтаксисом и только структурно-грамматическим анализом различных не только по строению, но и по значению видов предложений. Общая теория синтаксиса, основанная на диалектико-материалистической теории, предопределяющей единство и связь языка и мышления, не может отбрасывать вопроса связи, соответствия и вместе с тем действительного различия грамматических и логических категорий»³⁵.

Мы говорим здесь о данной работе Е. М. Галкиной-Федорук не только потому, что эта книга имеет несомненное научно-теоретическое значение, но и потому, что в ней наиболее ярко и типично осуществляются принципы языкового анализа, характерного для лингвистической школы В. В. Виноградова. Для данной школы показательным в области исследования грамматических вопросов является их стилистическое рассмотрение. Анализ фактов грамматики с точки зрения их роли и места в различных жанрах речи явился важным стимулом для развития стилистики как самостоятельной лингвистической дисциплины.

Наиболее отстающим участком языковедческой работы является область лингвистической географии. Работа над атласом русских говоров ведется в АН СССР крайне медленными темпами, несмотря на то, что теоретический интерес к проблеме соотношения литературного языка и диалектов за последние десять лет значительно вырос, о чем свидетельствует ряд интересных статей и книг, написанных как русистами, так и представителями других областей языкознания.

³⁵ Е. М. Галкина-Федорук. Безличные предложения в современном русском языке. Изд. МГУ, 1958, стр. 39.

Советскую русистику приходится также упрекнуть и в том, что до сих пор не созданы ни словарь древнерусского языка, ни этимологический словарь русского языка, хотя в этих словарях чувствуется большая потребность.

После дискуссии 1950 года советская лингвистика получила широкие возможности, оставаясь на позициях марксизма-ленинизма, развиваться в разных направлениях и вести исследовательскую работу разными научными приемами и методами, в зависимости от характера исследуемого языкового материала и целей исследования. Начиная с 1953 года появляется очень много серьезных работ, значительных также и по объему использования фактического материала. Можно ожидать, что в ближайшие годы мы получим возможность ознакомиться с еще более интересными новыми результатами работы наших многочисленных языковедов. Сейчас имеются все предпосылки для плодотворной творческой работы.

Е. И. ШЕНДЕЛЬС

О ГРАММАТИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЯХ В ПЛАНЕ СОДЕРЖАНИЯ

При определении грамматических значений, как и при определении лексических значений, различают план содержания и план выражения, которые находятся в сложных взаимоотношениях и далеко не всегда совпадают друг с другом, поскольку одно содержание может найти различные способы выражения, а одно выражение часто оказывается многозначным.

В данной статье речь будет идти в основном о плане содержания, то есть о том, что выражают грамматические значения, а не о том, как они выражаются.

Обычно грамматические значения определяются как «выражение отношений», но при выявлении характера этих отношений взгляды ученых резко расходятся. По вопросу о том, какого рода отношения выявляются с помощью грамматических значений, существуют различные решения, которые можно подразделить на две группы:

1. Грамматические значения выражают отношения между языковыми единицами или языковыми знаками (словами, словосочетаниями, предложениями), то есть только внутриязыковые отношения.

2. Грамматические значения выражают отношения внеязыковой реальности. При этом выделяются различные направления, в зависимости от того, как трактуется сама внеязыковая реальность.

С точки зрения материалистической философии, внеязыковая реальность — это объективная действительность, реальные предметы и явления внешнего мира (иногда сокращенно называемые реалиями).

Основным принципом так называемой логической школы в языкоznании является сведение внеязыковой реальности к чисто логическим категориям. «Эстетическая школа» ограничивает внеязыковую реальность кругом эстетических понятий. Психологическое направление рассматривает лишь психический мир человека (индивидуума или общества). Для представителей бихейвиоризма существенно лишь отношение языкового знака к поведению человека.

Для большинства лингвистических направлений характерно сведение всех грамматических значений к какому-то одному виду отношений, игнорирование возможности выражения в грамматическом строе языка отношений разного рода, разных планов. Это стремление приводит к тому, что один из видов существующих отношений (логические, психологические, эстетические и др.) возводится в абсолют. В качестве примера такого одностороннего решения приведем совершенно различные концепции двух современных лингвистов: сторонника бихейвиористского направления в Америке Ч. Фриза и главы неогумбольдтианской школы в Западной Германии Л. Вайсгербера.

Бихейвиоризм в языкоznании был обоснован, как известно, в работе Л. Блумфильда «Язык»¹ и может быть кратко сформулирован следующим образом: значение языковых единиц существует постольку, поскольку они вызывают определенную реакцию у индивида и этим определяют его поведение. Однако этот принцип не был применен Блумфильдом практически при разработке метода исследования, при анализе самих языковых структур. По существу он оставался абстрактным постулатом и в работах виднейших представителей американской дескриптивной школы². Больше того, этот принцип находится даже в противоречии с их методом, так как последний требует изучать структуру в себе и для себя, игнорируя, насколько возможно, значение и конкретную речевую обстановку, а, согласно бихейвиористской концепции, языковые единицы следует рассматривать как сигналы, вызывающие определенную реакцию у инди-

---

¹ L. Bloomfield. Language. New York, 1933.

² Z. Harris. Methods in structural Linguistics. Chicago, 1951; B. Bloch, G. Trager. Outline of Linguistic Analysis. 1942.

вида и определяющие его поведение в разнообразных жизненных ситуациях.

Поэтому большой интерес представляет книга Фриза «Структура английского языка»³, в которой делается попытка последовательно применить бихевиоризм при изучении структуры языка и тем самым согласовать метод с исходной теоретической позицией. Фриз начинает с примера, представляющего собой вариант известного примера с яблоком Блумфильда.

Если человек голоден, он может вести себя различно. Он может сам достать или приготовить себе еду и удовлетворить чувство голода. Для такого поведения не требуется речевой деятельности. Но человек может поступить иначе. Сказав кому-либо: «я голоден», он вызовет этим определенную реакцию у слушающего: ему будет приготовлена или принесена пища. Высказывание «я голоден» послужит сигналом, определяющим поведение человека, воспринявшего этот сигнал.

Значение любой языковой единицы заключается в том, чтобы служить сигналом, вызывающим определенные реакции у пользующихся им людей. Изучая реакции, можно определить природу и характер этих сигналов. На материале английского языка Фриз демонстрирует свой метод исследования: от реакции к сигналу. Изучение английского синтаксиса автор начинает с регистрации различных диалогов, главным образом телефонных разговоров. Наиболее крупной языковой единицей считается речь одного собеседника, пока она не закончится и за ней не последует в качестве ответной реакции речь другого. Отсюда первое деление всех высказываний на «начинательные», или «ситуативные» (*situation utterances*), и «ответные», или «реактивные» (*responses*). В зависимости от реакции собеседника ситуативные предложения подразделяются в свою очередь на три группы:

1. высказывания, на которые собеседник реагирует только устным ответом, — например, вопросительные предложения, требующие ответа; обращения с последующим ответом, приветствия и т. п.:

А. Джон! — Б. Что?

А. Кельнер! — Б. Что вы хотите?

---

³ Ch. Fries. The Structure of English. New York, 1952.

А. Здравствуйте. — Б. Здравствуйте!

2. высказывания, на которые собеседник реагирует каким-либо действием, сопровождаемым или не сопровождаемым ответным предложением, например, приказ:

А. Прочти это еще раз! — Б. Хорошо (читает).

А. Подожди минуту! — Б. (ждет).

3. Высказывания, не требующие никакой реакции, когда не происходит смены говорящего лица; сюда относятся междометные восклицания типа: *О! Неужели? Правильно!*

Затем следует очень подробный и тонкий анализ предложений разнообразных видов и подвидов, особенно вопросительных предложений и реакций на них.

Фриз требует от исследователя выявления тех структур, которые обладают значимыми чертами, способными вызывать те или иные реакции, и описания их прежде всего с формальной стороны. Но, несмотря на все свои старания, Фриз не смог последовательно провести «реактивный» принцип в конкретном анализе. В разборе материала чувствуется явная нарочитость: материалом исследования служит только диалогическая речь, в которой непосредственно прослеживается реакция собеседников. Монологическая речь (длительный рассказ, доклад), где невозможно провести деления на «ситуативные» и «ответные» высказывания, автором не привлекается.

На признаке реакции Фризу удалось лишь построить новую классификацию предложений по коммуникативной цели высказывания. Переходя к описанию грамматических структур и их отдельных элементов (частей речи и членов предложения), Фриз уже не упоминает о реакциях. В самом деле, как можно определить «реакцию» на суффикс -ed при словах класса 2 (так имеет Фриз глаголы)? Этой «реакцией» будет значение прошедшего времени: worked, looked. «Реакцией» на морфему -s при словах класса 1 (существительные) в сочетании со словами класса 2 без морфемы -s будет значение множественного числа: The students write. В таких случаях невозможно установить непосредственную связь между поведением индивида и языковым сигналом. Фриз, естественно, этим и не занимается.

В практике языкового анализа бихейвиоризм, кроме выявления некоторых явлений синтаксиса, сводится к установлению того, воспринимается ли данная структура как «значимая» или нет, тождественна ли она другой структуре или обладает иным значением, в чем ее смыслоразличительные особенности, — а это уничтожает всю «оригинальность» нового подхода. Он оказывается применимым в своем чистом виде только к некоторым типам грамматических значений (коммуникативная цель высказывания, модальность). В остальном он не вносит ничего нового и мало помогает уяснению природы грамматических значений.

Не случайно представители американской структуральной лингвистики вообще мало интересуются грамматическими значениями в плане содержания, перенося центр тяжести на план выражения и на функциональную сторону. Они считают совершенно достаточной аксиому, что всякая структура в противоположении к другим структурам нечто означает. Будет ли это «нечто» отражением внеязыковой реальности или нет, представляется уже лингвистически несущественным.

Отсюда требование — не давать определений, основанных на значении. Лингвистические определения должны быть выдержаны в «терминах выражения» (*in terms of expression*), а не в «терминах содержания» (*in terms of content*)⁴. Под «терминами выражения» понимается формальная и функциональная характеристика. В качестве примера таких определений можно привести определение частей речи Фризом и Блумфильдом. Фриз называет существительные словами класса 1, перечисляя все их формальные признаки; по Блумфильду, это «класс форм, которые могут быть деятелем, объектом действия, центром какого-либо отношения (*beside John*), владельцем объекта (*John's*)». Как видим, второе определение, несмотря на свой функциональный характер, включает момент содержания.

Б. Блох и Г. Трейджер определяют грамматическое значение следующим образом: «Элемент значения, отличающий один член парадигмы от другого, называется

⁴ H. Gleason. An Introduction to Descriptive Linguistics. New York, 1956.

грамматическим значением⁵. Авторы подчеркивают, что их не интересует сам характер значения, а только вопрос, тождественны ли две формы или различны.

* * *

Дескриптивной лингвистике американского типа, исключающей из компетенции лингвиста проблему взаимоотношения языковых единиц с категориями бытия и мышления, противостоят другие современные направления, ставящие эту проблему, наоборот, в центре внимания: психолингвистика, неолингвистика, неогумбольдтианство. Последнее нашло распространение в Германии, где его возглавляет профессор Боннского университета Л. Вайсгербер, изложивший наиболее полно свои взгляды в четырехтомном труде, изданном в Дюссельдорфе в 1954 году⁶.

Вайсгербер развивает основные положения Гумбольдта о том, что язык воплощает духовную силу народа, что он является одной из движущих сил истории, что в языке отражается не столько внешний мир, сколько мировоззрение народа, субъективный подход к внешним вещам. Вскрыть мировоззрение народа через языковой анализ — высшая цель лингвиста. Такой подход к языку автор называет «смысловым», или «содержательным» (inhaltbezogen), противопоставляя его двум другим: «формальному» (lautbezogen oder formbezogen), пренебрегающему содержанием, и «вещественному» (sachbezogen), при котором приводятся в непосредственную связь факты языка и факты объективного мира, минуя внутренний мир человека.

Вайсгербер исходит из наличия трех «миров»: «внешний мир», или «мир вещей» (Außenwelt), воздействует на «внутренний мир» человека (Innenwelt), под которым понимается человек как рецептор. В результате взаимодействия двух миров возникает третий, «промежуточный мир» (Zwischenwelt) — субъективное преломле-

⁵ B. Bloch, G. Trager. Outline of Linguistic Analysis, p. 68.

⁶ L. Weisgerber. I—Die Sprache unter den Kräften des menschlichen Daseins; II—Vom Weltbild der Sprache (1—Die inhaltbezogene Grammatik; 2— Die sprachliche Erschließung der Welt); III—Die Muttersprache im Aufbau unserer Kultur; IV—Die geschichtliche Kraft der deutschen Sprache.

ние воспринятого. Язык отражает именно этот третий мир, причем, раз возникнув, язык превращается сам в активную силу мировоззренческого порядка, определяющую характер познания. Так Вайсгербер пытается лингвистически обосновать позицию субъективного идеализма.

Вайсгербер приводит множество примеров, имеющих целью убедить читателя, что не бытие определяет сознание, а сознание бытие. Он начинает с простейшего — с доказательства того, что слово выражает понятие, а не обозначает конкретные предметы, данные в реальности. На самом же деле слово выполняет и ту, и другую функцию. Мы называем словом *дом* и логическое понятие «дом», и любой конкретный дом, воспринимаемый нашими органами чувств.

Автор приводит далее слово *сорняк*, обозначающее понятие не ботаническое, а определяемое отношением человека к полезности или вредности тех или иных растений. Понятие «сорняк» порождено, по мнению Вайсгербера, не внешним миром, а чистой идеей; роль опыта, познания, на основе которого образовалось это понятие, при этом игнорируется. Аналогичному анализу подвергается слово *серый* — цвет, отсутствующий в спектре, отсутствующий в природе. Этот цвет создан якобы силой разума, силой языкового порядка из необходимости заполнить промежуточное место в языковом ряду *белый* — *серый* — *черный*. Вайсгербер не хочет видеть, что, поскольку люди научились окрашивать предметы в серый цвет, создавать серую краску, «серое» стало такой же реальностью, как «красное», «черное» и т. д.

Произвольно суживая реальность границами того, что в готовом виде дано в природе, Вайсгербер объявляет нереальными все ценности, созданные и приобретенные в процессе человеческой практики, поэтому у него попадают в категорию нереальных понятий слова *сорняк*, *плоды*, *злаки*, *ягоды*, *сено*, *серый*, а также абстрактные имена *бесславие*, *превращение*, *неравноправие* и др.

Вайсгербер настойчиво проводит идею о том, что язык как активно действующая сила помогает организовать, упорядочить внешний мир. Один из его самых эффективных примеров — имена родства, по-разному определяю-

щие родственные отношения в разных языках. Так, в латинском языке не было слов со значением «дядя», «кузен», «тестя», но были названия для брата мужа — *levir* и сестры мужа — *glos*, в то время как для соответствующих родственников жены названия отсутствовали. Указывая, что в немецком языке имеются разные названия лошади, в зависимости от пола, возраста, масти, породы (*Stute*, *Fohlen*, *Schimmel*, *Rappen*, *Mährge*), Вайсгербер делает вывод: «Язык производит упорядочение и оценку, обобщение и разделение, выделение и ослабление».

В действительности же подобная дифференциация названий была вызвана необходимостью в жизненной практике человека. Если бы реальные разновидности лошадей были бы несущественны для общества, они возможно не различались бы в языке. Население оазисов создало 60 слов для обозначения разных видов пальмы не потому, что язык этих племен обладает такой высокой степенью упорядоченности, а потому, что эта потребность рождена жизненной практикой. Что касается различий в системах имен родства, то они обусловлены различиями семейных укладов разных народов в разные эпохи, что блестяще показано Ф. Энгельсом в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Переходя к анализу грамматического строя, Вайсгербер проводит ту же мысль, что грамматические формы передают не реальные отношения внешнего мира, а субъективную оценку человека. Например, появление аналитических временных форм в истории немецкого языка автор объясняет сменой чувственного реализма, рационалистическим созерцанием.

Попытки Вайсгербера связать грамматику языка с духом народа (*Volksgeist*) не новы. В таком же плане написаны работы Финка, Порцига, Триера, Кассирера, Бринкмана, Маутнера. Так, последний, выделяя три главных части речи — существительное, глагол и прилагательное, называет их «тремя картинами мира». «Мир существительного» — это мир мистики, мифологии, явления, абстракции; «мир прилагательного» — это мир чувственного, материализации, искусства; «глагольный

мир» — мир движения, действия, деятельности. Финк⁷ пытается увязать все языковые явления, даже такие, как абрауэт, умлаут, грамматический род, порядок слов, с темпераментом и характером народа.

Хотя анализ Вайсгебера значительно тоньше и интереснее, чем наивные рассуждения Финка или мистическое философствование Маутнера, он не отличается от них в стремлении во всех случаях перевернуть соотношение действительность → языки в языки → действительность. Взяв одну свойственную языку черту, Вайсгебер превратил ее в абсолют.

Нельзя отрицать, что в языковых значениях, как лексических, так и грамматических, находит свое отражение и оценочный подход человека к действительности, и субъективное преломление внешних фактов, прежде всего способность к абстрагизации. Многие примеры Вайсгебера в этом смысле не вызывают возражения: Ср., например: различия между синонимами (*Gesicht* — *Antlitz* — *Visage*; *Mund* — *Maul* — *Klappe*); эмоциональную насыщенность многих слов (очень интересна разработка семантического поля «смерть» и группы глаголов видения); изменение содержания понятия (оценка «хорошо» в разных системах имеет разное значение); связь частей речи с характером восприятия действительности (различия между словами: *теплота*, *тепло*, *теплеть*)⁸.

Материал Вайсгебера заставляет обратить большее внимание на те грамматические значения, которые служат для выражения отношения человека к действительности, — на грамматические значения субъективного порядка. Действительно, различия между двумя формами прошедшего времени немецкого языка — перфектом и претеритом не могут быть объяснены различиями объективных временных планов. Выбор залога зависит от установки говорящего, от его угла зрения. То или иное построение предложения, выбор порядка слов диктуются часто причинами субъективного порядка, спецификой

⁷ N. Fink. Der deutsche Sprachbau als Ausdruck deutscher Weltanschauung, 1899.

⁸ Нельзя не вспомнить в этой связи мысли А. М. Пешковского о том, что «части речи есть... не что иное, как основные категории мышления». («Русский синтаксис в научном освещении». Изд. 6. М., 1938, стр. 95).

коммуникативного задания. Вообще вся область стилистики связана с субъективной окраской высказывания. Но все это не снимает общего положения о том, что в языке отражается внешний мир, понимаемый в самом широком смысле, куда входит и опыт людей, накопленный в процессе преобразования природы и общества, и отношение человека к опыту.

Абстракция, присущая любому языковому явлению,— это абстракция от частных и конкретных объективных ценностей. Поэтому она не порывает связи с действительностью. Как ни своеобразна и индивидуальна любая языковая система, она всегда вторична по отношению к объективной реальности, она определяется ею, так как в языковой системе преломляется опыт каждого народа. Исследователей поражают особенности числовой системы в языках индейских племен, где используются разные числа, в зависимости от объектов исчисления — лиц или вещей, а также в зависимости от положения исчисляемых предметов лежащих, сидящих и стоящих. По отношению к рыбам, орехам, лодкам применяются разные числовые обозначения.

Леви-Брюль и Кассирер использовали эти факты для доказательства отсутствия абстрактного логического мышления у «примитивных» народов; Вайсгербер подводит их под свое универсальное положение об активном воздействии языка на мир вещей. На самом же деле причины такой конкретизации коренятся в жизненной практике — определенное количество кокосовых орехов или рыб служили мерой стоимости при обмене, торговле, ввиду чего и возникла необходимость в их специальном обозначении⁹.

Нельзя забывать и о «принципе избирательности», согласно которому в каждом языке одни отношения находят грамматическое оформление, а другие выявляются чисто лексическим путем. Этот принцип был прекрасно проиллюстрирован Э. Сепиром в книге «Язык» на примере «Фермер убивает утенка»¹⁰.

⁹ См. В. З. Панфилов. К вопросу о соотношении языка и мышления. Сборник «Мышление и языки». М., 1957.

¹⁰ См. Э. Сепир. Язык. М., 1934, стр. 151.

Вайсгербер резко противопоставляет свой тезис о соотнесенности языка с внутренним миром человека тезису о соотнесенности языка с внешним миром. Последний тезис он безусловно отрицает. Между тем одно не исключает, а, наоборот, предопределяет другое. Положение о том, что язык отражает категории мышления, не противоречит положению о том, что язык отражает действительность, поскольку сами категории мышления формируются в процессе познания человеком объективного мира. Язык непосредственно связан с мышлением человека, но само содержание сознания определяется той материальной действительностью, которую оно отражает. Поэтому и лексические, и грамматические значения в конечном счете представляют собой отражение внешних явлений действительности.

В работах советских лингвистов господствует именно такая точка зрения. Так, О. И. Москальская в «Грамматике немецкого языка» формулирует ее следующим образом: «В грамматическом строе закрепляется обобщенное отражение нашим сознанием наиболее общих связей и отношений между предметами и явлениями реальной действительности»¹¹. Аналогичны формулировки Л. Р. Зиндер и Т. В. Строевой: в грамматическом значении, говорят они, «заключено выражение отношений между понятиями, отражающими явления реального мира»¹². Ср. также определение В. Г. Адмони: «Грамматические категории, в обобщенном виде выражающие отражающиеся в человеческом сознании предметы, явления, процессы и отношения объективной действительности»¹³.

Эти определения, несомненно, более точно выражают суть явления, чем те, которые ставят в непосредственную связь факты языка с фактами внешнего мира, минуя призму сознания. Однако в них не находит отражения двойственный характер грамматических значений.

¹¹ О. И. Москальская. Грамматика немецкого языка, М., 1956, стр. 8.

¹² Л. Р. Зиндер, Т. В. Строева. Современный немецкий язык. Изд. 3. М., 1957, стр. 9.

¹³ В. Г. Адмони. Введение в синтаксис современного немецкого языка. М., 1955, стр. 11.

Грамматические значения, соотносимые с теми или иными логическими понятиями, подразделяются на два вида. Одни из них выражают преломленные в человеческом сознании отношения между реалиями, а другие — отношение человека к этим отношениям.

На различие двух видов грамматических значений указывал еще А. М. Пешковский, предлагая их называть объективными и субъективно-объективными¹⁴. К последним он относил грамматические категории, выражающие отношение говорящего к отношениям реальной действительности, например значение времени, модальности, вопроса, восклицания, повествования, отрицания и утверждения, звательности, сказуемости, местоименности, лица. А. М. Пешковский отмечает, что такого рода субъективность может протекать только в абсолютных объективных рамках. Можно не соглашаться с Пешковским по поводу отнесения грамматических значений к тому или иному виду¹⁵, но сама идея такого разделения отвечает фактам языка.

Развивая мысль А. М. Пешковского, В. Г. Адмони предлагает иные термины: «логико-грамматические категории», отражающие объективную действительность, преломленную в сознании человека (например, род, падеж, число), и «коммуникативно-грамматические категории», выражающие отношение говорящего к содержанию своего сообщения (например, модальность, лицо)¹⁶. Термины В. Г. Адмони еще менее удачны, чем термины А. М. Пешковского; ведь оба вида грамматических значений связаны с логическими категориями. В дальнейшем объективные значения мы будем называть значениями № 1, а субъективно-объективные значения — значениями № 2.

Итак, значения № 1 передают отношения вещей, существующих объективно, вне нас, например: реальную единичность и множественность (*лист — листья*), реаль-

¹⁴ См. А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, стр. 108.

¹⁵ Так, Н. С. Поспелов резко возражает А. М. Пешковскому по вопросу об отнесении временного значения к субъективно-объективному виду в своей статье «Категория времени в строем русского глагола» (сборник «Вопросы теории истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию». АН СССР, 1952).

¹⁶ См. В. Г. Адмони. Введение в синтаксис современного немецкого языка, стр. 11—12.

ные различия полов (*учитель — учительница*), взаимоотношения предметов и явлений — падежные отношения (*листья дерева, падать в воду*) и т. п.

Грамматические значения № 2 выражают субъективное отношение говорящего к действительности; они показывают, как преломляются отношения действительности в сознании человека, как человек воспринимает действительность, как он реагирует на нее, как он воздействует на нее. К ним относятся не только значение модальности в узком смысле слова, но и значения коммуникативных типов предложения: вопроса и ответа, восклицания, волеизъявления (именно те значения, которыми оперируют бихейвиористы).

К этому виду относится также значение определенности и неопределенности, генерализации и индивидуализации предмета в языках, обладающих артиклем. Реально существует конкретный предмет (например, *скамья*), в сознании же человека он может отразиться как известный, определенный (*die Bank*), или неизвестный, впервые упоминаемый (*eine Bank*), или как обобщенное типизированное понятие.

Такого же типа залоговые значения. Они указывают, как воспринимает говорящее лицо реальные взаимоотношения между деятелем, действием и предметом действия, на чем фиксирует он свое внимание. Для сообщения об одном и том же факте действительности можно избрать разную форму в зависимости от угла зрения. Ср. *Охотник убил волка* и *Волк убит охотником*, а также *Репин написал картину «Бурлаки на Волге»* и *Картина «Бурлаки на Волге» написана Репиным*. Выбор залоговой конструкции связан с оценочным отношением говорящего к действительности.

Фриз приводит пример передачи одной и той же реальной ситуации пятью способами. Сообщение о том, что человек дал вчера мальчику деньги, может быть передано следующим образом:

The man gave the boy the money yesterday.

The boy was given the money by the man yesterday.

The money was given the boy by the man yesterday.

The giving of the money to the boy by the man occurred yesterday.

Yesterday was the time of the giving of the money to the boy by the man.

Фразу эти примеры нужны для доказательства того, что подлежащее представляет собой формальную лингвистическую структуру, не подлежащую определению в плане содержания. Но его материал можно интерпретировать и иначе. Он показывает, как влияет на выбор структуры субъективное отношение говорящего к реальным фактам в зависимости от того, что представляется данным и новым в сообщении, на что делается упор.

К значениям № 2 относятся вообще все значения, связанные с «актуальным членением» предложения, которое противополагается формально-грамматическому членению и определяется в значительной степени порядком слов и интонацией. Ср.: *Поезд пришел* и *Пришел поезд*¹⁷.

Возможно, что субъективно-объективные значения выражаются и структурами сложноподчиненного и сложносочиненного предложений, а также структурами оборотов, заключающих в себе дополнительную предикацию, например: *Подул ветер, и желтые листья закружились в воздухе* и *Когда подул ветер, желтые листья закружились в воздухе*. Ср. также:

Они разговаривали, громко смеясь.

Они громко смеялись, разговаривая.

Они разговаривали и громко смеялись.

Когда они разговаривали, они громко смеялись.

Выбор одного из синонимических предложений определяется желанием выделить какую-то часть высказывания, придав ей больший вес, то есть углом зрения, под которым говорящий воспринимает действительность¹⁸.

Оба вида грамматических значений (объективные № 1 и субъективно-объективные № 2) могут быть определены в плане содержания. Не составляет трудности определение в плане содержания таких категорий, как число, время, модальность, залог и другие, так как их содержанием являются определенные отношения в реальной действительности или отношение говорящего лица к реальной действительности. Ср. число в языке как выражение реальной единичности и множественности.

¹⁷ См. «Грамматика русского языка», т. II. Изд. АН СССР, 1954, § 35.

¹⁸ О «законе угла зрения» (das Gesetz der wechselnden Blickrichtung) см. A gricola „Fakultative sprachliche Formen“, PBB 79. B., 1957.

сти, временные формы как выражение реального времени, модальность как выражение отношения говорящего к содержанию высказывания и т. д.

* * *

Кроме вышеописанных двух видов грамматических значений, существует еще третий вид грамматических значений, не соотносимых ни с категориями внешнего мира¹⁹, ни с категориями мышления, значений чисто языковых, внутриязыковых, выраждающих отношение одной языковой единицы к другой.

Этот вид часто не учитывается при определении грамматических значений; однако нельзя не признать существования и таких грамматических значений, которые «обслуживают» внутреннюю систему языка, выражают исключительно отношения между словами, отношения одной лингвистической единицы к другой. Ср., например, грамматическое значение рода и числа имен прилагательных, которое отнюдь не отражает соответствующих объективно существующих признаков качества: качество не знает числовой и родовой характеристики. Словосочетание *rote Bleistifte* (красные карандаши) означает, что всем карандашам присущ один признак — красный цвет, и только закон согласования русского и немецкого языков заставляет нас выразить в форме прилагательного значение числа; ср. английское *red pencils* или немецкое *die Bleistifte sind rot*.

Наиболее убедительным примером возможного несоответствия грамматических значений и реалий является грамматический род названий предметов, логически не мотивированный в современных языках: *дерево, сосна, дуб*. Все эти отношения Сепир считал чисто реляционными понятиями, назначение которых придавать законченную синтаксическую форму единицам сообщения. Он противопоставлял чисто реляционным понятиям конкретно реляционные, которые указывают прямо или косвенно на идеи, выходящие за

¹⁹ Под категориями внешнего мира понимается объективная действительность, внешняя по отношению к языку. В широком смысле слова внешний мир включает и язык.

пределы отдельного слова, с которым они непосредственно связаны.

О логически немотивированных значениях (значениях № 3) упоминают и американские структуралисты (Блумфильд, Фриз, Глизон и др.), и представители логического направления (Вайсгербер). Каждый использует их для подкрепления своей концепции. Блумфильд приводит примеры языковой непоследовательности, языкового произвола, чтобы обосновать невозможность языковых определений в плане содержания. Вайсгерберу примеры такого рода нужны для того, чтобы показать оторванность мира вещей от мира языка, невозможность искать реального обоснования значений. То, что приложимо к явлениям одного порядка, нельзя распространять на все явления. Чисто реляционные значения составляют только какую-то, несомненно меньшую, часть всех грамматических значений, и то, что справедливо по отношению к ним, теряет свою силу во всех остальных случаях.

Внутриязыковые значения (№ 3), действительно, не поддаются определению в плане содержания. Нельзя определить грамматическое значение рода названий предметов и абстрактных идей, рода прилагательных, глагола, числа прилагательных иначе, как только через выявление их функций в системе языка.

О наличии трех видов грамматических значений писал еще А. А. Шахматов: «Грамматические значения, совмещающиеся со значениями реальными, можно назвать сопутствующими значениями. Сопутствующие значения могут основываться частью на явлениях, данных во внешнем мире: напр., множ. ч. «птицы» зависит от того, что мы имеем в виду представление не об одной, а о нескольких птицах; женский род слова «кухарка» зависит от того, что это слово означает особу женского рода. Частью же сопутствующие значения основываются на субъективном отношении говорящего лица к определяемому им явлению: напр., «я ходил» означает то же действие, что «я хожу», но имевшее место по сообщению говорящего в прошедшем времени; «полюби» означает то же действие, что «любишь», но включает указание на волю говорящего... Частью, наконец, сопутствующие значения основываются не на реальном явлении внешнего

мира и не на субъективном отношении к нему говорящего, а на формальной внешней причине, данной в самом слове; так, женский род в слове «книга» зависит только от того, что оно оканчивается на *-a*, причем это окончание влечет за собой неизменно представление о женском роде»²⁰.

* * *

Каково же соотношение этих трех видов грамматических значений с грамматической формой? Благодаря многозначности грамматических форм одна и та же структура (форма) может стать выразителем разных видов значений, что можно, например, показать на анализе формы числа имен существительных.

Форма единственного числа выражает: 1) реальную единичность (*Она подняла упавшую книгу*); 2) субъективно-объективные значения обобщенности (*Книга — наш друг*) или собираемости (*Здесь продают птицу*); 3) чисто реляционное внутриязыковое значение, когда в форму единственного числа облекаются названия неисчисляемых абстрактных или вещественных понятий, к которым понятие числа вообще не приложимо (*протяженность, понимание, молоко, простокваша*).

Форма множественного числа выражает: 1) реальную множественность (*она подняла упавшие книги*); 2) субъективно-объективное значение собираемости (Müllers — «Мюллеры», то есть семья Мюллер; *воды*, ср. *вода: небеса*, ср. *небо*); 3) чисто реляционное, внутриязыковое значение, немотивированное с точки зрения современного языка, когда в форме множественного числа стоят названия исчисляемых предметов, мыслимых как единичные (*ворота, но дверь; брюки, трусы, но рубашка; консервы* и т. п.).

Выражение разных видов значений можно проследить и в других структурах; так, отрицание может выражать: 1) реальное отсутствие связи между понятиями (*Он не пришел*); 2) субъективно-объективное значение, выражение эмоционального утверждения (*Что он только не чи-*

²⁰ А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Учпедгиз, 1952, стр. 40—41.

тал! Кто этого не знает! Что Вы говорите!); 3) внутриязыковое, чисто формальное значение (*Оставайся здесь, пока я не приду*).

Сложность взаимоотношений между формой и видами значений усугубляется еще и тем, что если грамматическая категория в целом соотносится с реальной действительностью, то в каждом частном случае проследить эту связь непосредственно не всегда удается. Это особенно наглядно проявляется на примере категории падежа.

Категория падежа в целом выражает взаимоотношения предметов и явлений действительности, но трудно сказать, какому реальному отношению соответствует каждый падеж ввиду большой многозначности падежей и во многих случаях традиционного, не поддающегося мотивировке их употребления. Нельзя объяснить, исходя из значения падежей, почему мы говорим: *в горе, на горе, но над горой, под горой, за горой*.

Также невозможно объяснить, почему глагол управляет одним падежом, а не другим. Именно немотивированность управления делает возможным случаи исторического изменения управления: например, *brauchen, achten* раньше употреблялись с родительным падежом, а теперь с винительным. Другим примером может служить употребление винительного или родительного падежа при глаголе с отрицанием в русском языке: *не забудь чемодан, он не взял с собой чемодан(а)*.

Многозначность падежей (особенно родительного и творительного) в русском языке до такой степени велика, что некоторые ученые рассматривают их как сцепление омонимичных форм. Значение отдельного падежа, взятого даже только в беспредложном употреблении, с трудом поддается определению, так что обычно в грамматиках падежи определяют не столько по их значению, сколько по их функции.

* * *

В заключение можно сделать следующие выводы:

1. Нельзя свести грамматические значения к одному виду отношений. В зависимости от характера выражаемых грамматическими значениями отношений различаются три вида грамматических значений: а) объектив-

ные, б) объективно-субъективные, в) внутриязыковые или чисто реляционные.

2. Первые два вида грамматических значений можно определить в плане содержания; их содержанием будут реальные объективные отношения действительности или отношение говорящего лица к объективной действительности. Третий вид определяется только в функциональном плане.

3. Грамматическая форма в силу своей многозначности может оказаться выразителем всех трех видов грамматических значений.

И. И. ЧЕРНЫШЕВА

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИИ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

В предыдущие годы основное внимание лингвистов было направлено на изучение сущности фразеологии как лингвистической дисциплины, на определение различных видов фразеологических единиц и на проблемы их классификации. Характерным же для исследования фразеологии в настоящее время является стремление установить системную обусловленность в возникновении и функционировании устойчивых словосочетаний того или иного языка, вскрыть специфику чисто языковых, семантических процессов, имеющих место при расширении фразеологического состава языка.

В этой связи совершенно закономерно перед исследователями фразеологии должен был встать вопрос о фразеологической синонимии. Фразеологическая синонимия как одна из характерных черт фразеологии, естественно, нашла свое отражение в лексикографической практике различных языков, в том числе и немецкого. Немаловажное место фразеологические синонимы занимают и в ряде фразеологических и стилистических словарей немецкого языка¹, отражая тем самым реальную картину состояния и развития немецкой фразеологии.

Однако, в отличие от известного «Англо-русского фразеологического словаря» А. В. Кунина, ни один из

¹ Borchardt.-Wustmann-Schoppe *Die sprichwörtlichen Redensarten im deutschen Volksmund*. Leipzig, 1955; Н. Күррег. *Wörterbuch der deutschen Umgangssprache*. Hamburg, 1955; Duden. *Stilwörterbuch der deutschen Sprache*. Mannheim, 1956; Л. Э. Бинович. *Немецко-русский фразеологический словарь*. М., 1956.

фразеологических и стилистических словарей немецкого языка не идет дальше простой фиксации фразеологической синонимии. В теоретических введениях к словарям этот вид фразеологии специально не рассматривается (ср. предисловие в «Немецко-русском фразеологическом словаре» Л. Э. Биновича). В настоящее время делаются первые попытки проникнуть в сущность этого весьма интересного явления в словарном составе языка.

Прежде всего выяснения и уточнения требует само понятие «фразеологический синоним». Фразеологическая синонимия охватывает синонимию неоднородных фразеологических единиц. С одной стороны, это могут быть фразеологические единицы, в которых одно и то же значение возникает на основе обобщения различных образов. Например, эквивалентами русской пословицы *У семи нянек дитя без глазу* в немецком языке являются два выражения, в основе которых лежат совершенно различные образы: *Viele Köche verderben den Brei* (буквально: много поваров портят кашу; ср. английское *Too many cooks spoil the broth*) и *Viele Hirten, übel gehütet* (буквально: когда много пастухов, они плохо пасут). Русской пословице *Каков поп, таков и приход* эквивалентна близкая пословица *Wie der Abt, so die Brüder* (буквально: каков настоятель монастыря, таковы и монахи) или же пословица с другим образом: *Wie der Herrge, so's Gescherre* (буквально: каков господин, таков и слуга).

Аналогичный тип синонимии, то есть, где при равном значении различна образность выражений, наблюдается, кроме пословиц, также и в целом ряде других групп идиоматики². Так, выражение *человек со странностями* имеет в немецкой обиходно-разговорной речи следующие синонимы: *der hat einen Vogel* (буквально: у него птица); *bei dem ist eine Schraube los* (буквально:

² Термин «идиоматика» употребляется в данной работе как обозначение для всех видов фразеологии, общими свойствами которых являются: 1) тесная спаянность компонентов устойчивого словосочетания в семантическом отношении, то есть полная или частичная потеря ими самостоятельной значимости и растворение ее в едином смысле синтаксического целого; 2) наличие эмоциональной, экспрессивной окраски вследствие ощущимости переноса наименования или образности фразеологической единицы, включая сюда и собственно идиомы, то есть те выражения, где образность и перенос наименования утрачены лишь в данный период.

у него не хватает винтика, отвинтился винтик); *es spukt bei ihm im Kopfe* (буквально: у него в голове бродят привидения) и др. Подобных примеров можно было бы привести множество.

Во всех этих случаях речь идет о синонимичности общего значения выражений при различной образности и различных структурных особенностях данных фразеологических единиц.

Количество подобных синонимов, как показывают специальные исследования немецкой фразеологии³, является весьма значительным, поскольку одной из основных внешних причин возникновения фразеологических синонимов у различных видов идиоматики является постоянно действующая в языке тенденция совершенствования коммуникативной функции языка, которая в данном случае состоит в создании дополнительных оттенков к выражаемым понятиям. Одним из этих дополнительных оттенков будет повышенная экспрессия.

Источники фразеологических единиц, входящих в состав идиоматики, а следовательно, и источники фразеологических синонимов данного типа очень разнообразны, однако подавляющее большинство их, как подчеркивается в специальной литературе⁴, возникает в результате метафорического переосмыслиния свободных словосочетаний.

Фразеологические единицы, возникающие в результате метафорического переосмыслиния свободных словосочетаний, обладают повышенной эмоциональностью, чему способствует яркая образность, присущая словосочетаниям данного вида. Последнее обстоятельство является поэтому, как можно предположить, причиной того, что судьба равнозначных фразеологических синонимов этого типа показывает существенные отличия от равнозначных лексических синонимов немецкого языка. Эта разница заключается в следующем.

³ А. П. Хазанович: «Явление синонимии в идиоматике современного немецкого языка» («Ученые записки Ленинградского государственного университета. Серия филологических наук», вып. 48, 1958); «Синонимия в фразеологии современного немецкого языка» (автореферат диссертации, Л., 1958).

⁴ И. И. Чернышева. Идиоматика немецкого языка и ее обогащение. Сборник «Проблемы изучения языка». Изд. АОН при ЦК КПСС, 1957; А. П. Хазанович. Синонимия в фразеологии современного немецкого языка (автореферат кандидатской диссертации). Л., 1958.

Если для лексических синонимов отсутствие каких-либо дополнительных оттенков к выражаемому понятию (семантических, стилистических, территориальных и др.) делает существование этих синонимов в словарном составе языка переходной ступенью от равнозначных синонимов к идеографическим или стилистическим, то для фразеологических синонимов характерно как раз обратное явление.

Фразеологические синонимы с одним предметно-логическим содержанием, во-первых, довольно многочисленны в словарном составе немецкого языка, во-вторых, могут существовать на протяжении столетий, не показывая тенденции к исчезновению или вытеснению одного синонима другим⁵. Сохранение и длительное параллельное сосуществование таких синонимов в языке (ср. примеры с пословицами, приведенными выше, типа *Viele Köche verderben den Brei* и *Viele Hirten, übel gehütet* и др.) связано, очевидно, с тем, что яркая образность, экспрессивность, оценочный характер, присущие данным синонимам, не делают их в этом плане взаимно исключающими.

К аналогичному выводу приходят также и другие лингвисты, исследовавшие фразеологическую синонимию этого вида. Так, например, А. П. Хазанович в упомянутой выше работе пишет: «Устойчивость равнозначных синонимов во фразеологии, и в частности в идиоматике, объясняется еще и тем, что даже равнозначные идиомы имеют свое «индивидуальное лицо», так как

⁵ Последнее обстоятельство, конечно, не снимает проблему развития, которое фразеологические единицы претерпевают в процессе своего многовекового существования в языке. Так, в частности, фразеологические единицы могут совершенствовать свою форму; например, известная пословица — *Ende gut, alles gut* была записана Лютером в XVI веке в форме полного условного предложения: *Wens ende gut ist, so ists alles gut*; ср. также выражение *Friß Vogel oder stirb*, зарегистрированное Лютером как *Wie du wilt vogelin, wiltu nicht essen, so stirb*; и т. п. («Luthers Sprichwörtersammlung nach seiner Handschrift herausgegeben von E. Thiele», 1900).

Фразеологические единицы данного типа могут далее подвергнуться переосмыслинию; например, выражение *Einem Hörger aufsetzen* (в сборнике Лютера — *Hörger aufsetzen*) употреблялось первоначально в значении «вооружаться, готовиться к схватке, к бою» и лишь позднее получило значение «ставить рога», в котором и известно современному немецкому языку. Возможны и другие видоизменения фразеологических единиц в процессе их развития.

каждая из них возникла на почве какого-то конкретного представления, в основе ее лежит только свойственный ей образ... Таким образом, равноценные синонимы-идиомы не полностью покрывают друг друга, как это имеет место в отношении равноценных слов-синонимов (во всяком случае не образных). Они не перегружают языка, не являются в нем балластом, а, наоборот, обогащают его, делая более образным и живым»⁶.

Рассмотренный выше вид синонимии является, однако, не единственным, который включается в понятие «фразеологические синонимы». Не менее, а, пожалуй, более значительную группу фразеологической синонимии составляют структурные синонимы⁷, которые представляют собой фразеологические единицы одного структурного типа, где синонимической замене может подвергаться компонент, составляющий, по выражению академика В. В. Виноградова, «семантическую основу выражения», например: *bei jedem in der Kreide stehen* или *stecken* или *sein* (быть в долгу у кого-либо); *auf dem Sprunge stehen* или *sein* (быть наготове, собираться сделать что-либо).

В отличие от фразеологических синонимов первого вида структурные синонимы можно назвать фразеологическими вариантами, поскольку речь в данном случае идет о фразеологических единицах одной модели с вариацией одного из компонентов.

Как показывают анализ фразеологических вариантов в английском языке и частичные исследования фразеологии данного вида в немецком языке⁸, варианты фразеологических единиц очень многочисленны и разнообразны. Однако общим для всей группы фразеологиче-

⁶ А. П. Хазанович. Явление синонимии в идиоматике современного немецкого языка. «Ученые записки Ленинградского государственного университета. Серия филологических наук», вып. 48, 1958, стр. 16.

⁷ Термин «структурная синонимия» введен А. В. Куниным в статье «Некоторые вопросы английской фразеологии» («Англо-русский фразеологический словарь». М., 1955).

⁸ См. упомянутые работы А. В. Кунина, И. И. Чернышевой, А. П. Хазанович, а также авторефераты кандидатских диссертаций Э. С. Палаускене («Варианты фразеологических единиц в современном английском языке». М., 1956) и Ю. Д. Апресяна («Фразеологические синонимы типа «глагол-существительное» в современном английском языке». М., 1956).

ских синонимов этого вида является то обстоятельство, что подстановка синонимического компонента в устойчивых словосочетаниях происходит не произвольно, не в любом случае, а в соответствии с установленвшейся традицией. В этом плане можно целиком согласиться с А. В. Куниным, когда он говорит, что наличие взаимозаменяемых компонентов лишь раздвигает границы устойчивости формы фразеологических единиц, а отнюдь не говорит о ее неустойчивости. Тот факт, что взаимозаменяемые компоненты не создаются каждый раз заново, а воспроизводятся, доказывает, как подчеркивает А. В. Кунин, именно устойчивость фразеологического варианта.

Фразеологические варианты характеризуются большим структурным многообразием. Это могут быть прежде всего варианты стержневого субстантивного компонента, например: *in die Patsche* или *Tinte geraten* (попасть впросак, сесть в лужу); *Mitt* или *Schneid* или *Schwung in den Knochen haben* (быть здоровым, сильным, энергичным) и др.

Синонимическая замена может иметь место в атрибутивных компонентах словосочетаний, например: *lange* или *krumme* или *klebrige Finger haben* (быть нечистым на руку); *eine offene* или *milde Hand haben* (быть щедрым); *reine* или *saubere Hände haben* (иметь чистую совесть); *wie warme* или *frische Semmeln abgehen* (продаваться нарасхват) и др.

Однако особенно большое значение как в количественном отношении, так и в отношении его роли в словарном составе языка имеет структурный тип фразеологических единиц, где синонимической замене подвергается глагольный компонент, например: *in der Tinte sitzen* (сидеть на мели) и *in die Tinte geraten* (попасть впросак, сесть в лужу); *in der Klemme sitzen* (находиться в тисках, затруднительном положении) и *in die Klemme geraten* (попасть в затруднительное положение) и др.

Анализ фразеологических вариантов важен не только потому, что он, как и всякий другой вид синонимии, показывает богатство словарного состава соответствующего языка. Он позволяет, кроме того, проникнуть в известные закономерности обогащения фразеологического состава языка за счет раздвижения рамок определен-

ных фразеологических моделей посредством подстановки синонимических компонентов устойчивых словосочетаний. Именно это свойство фразеологии способствует созданию у фразеологических единиц такой подвижности, которая увеличивает выразительный потенциал устойчивых словосочетаний, уже существующих в словарном составе языка. Постараемся проследить отдельные из указанных моментов на ряде конкретных примеров.

Лишь очень немногие глагольные фразеологические варианты показывают полное совпадение значения, не отличаясь друг от друга ни в семантическом, ни в стилистическом плане. Это, как нам представляется, свойственно, например, синонимическим компонентам *stehen* и *sein*, *kommen* и *geraten*. Ср. выражения: *in Fühlung mit jemandem stehen* или *sein* (быть в контакте с кем-либо); *jemandem im Wege stehen* или *sein* (стоять кому-либо поперек дороги, мешать кому-либо); *in Harnisch kommen* или *geraten* (выти из себя, прийти в бешенство); *unter den Hammer kommen* или *geraten* (идти с молотка); *ins Hintertreffen kommen* или *geraten* (быть оттесненным, заслоненным, потерпеть ущерб) и др.

Типичным же для синонимичной вариации глагольных компонентов в устойчивых словосочетаниях является как раз то, что последние используются для создания семантических, эмоциональных, стилистических оттенков в пределах одного общего значения фразеологических вариантов. Так, в частности, вариация глагольного компонента устойчивого словосочетания является одним из продуктивнейших средств превращения фразеологических единиц с непереходным значением в переходные, что широко отмечено во всех фразеологических, стилистических и толковых словарях немецкого языка, например: *in der Klemme sein* (быть в трудном положении, быть в тисках) и *jemanden in die Klemme treiben* (поставить кого-либо в тяжелое положение, зажать в тиски).

Особенно большую продуктивность в плане достижения переходного значения имеет глагол *bringen*, который образует очень большое количество параллельных словосочетаний к фразеологическим единицам с непереходным значением, например: *ans Licht kommen* (обнаружиться, стать известным) и *etwas oder jemanden ans*

Licht bringen (выявить, обнаружить что-либо, кого-либо); in Ordnung sein (быть в порядке) и etwas in Ordnung bringen (привести что-либо в порядок); unter die Haube kommen (выйти замуж) и jemanden unter die Haube bringen (выдать кого-либо замуж); in Harnisch kommen (выйти из себя, прийти в бешенство) и jemanden in Harnisch bringen (привести кого-либо в бешенство, довести до белого каления); in eine schiefe Lage kommen (попасть в некрасивую историю, попасть в трудное положение) и jemanden in eine schiefe Lage bringen (впутать кого-либо в некрасивую историю, поставить кого-либо в трудное, неловкое положение) и др.

Аналогичную функцию выполняют также такие глаголы, как setzen, versetzen и другие, например: in der Lage sein (быть в состоянии) и jemanden in die Lage setzen или versetzen (предоставить кому-либо возможность); in Gang kommen (прийти в движение, заработать) и etwas in Gang setzen или bringen (привести в движение, пустить в ход что-либо) и др.

Синонимическая подстановка глагольного компонента может увеличивать подвижность фразеологии в отношении выражения характера протекания действия. Так, в частности, вариация глагольного компонента является тем средством, которое помогает выразить предельность. Это, например, видно из следующих фразеологических вариантов немецкого языка: an der Spitze stehen (стоять во главе, быть главой) и an die Spitze treten (стать во главе, возглавить); im Pech sitzen (быть в беде, терпеть постоянные неудачи, лишения) и ins Pech kommen или geraten (попасть в беду); zwischen Hammer und Amboß sein (быть, находиться между молотом и наковальней) и zwischen Hammer und Amboß geraten (очутиться между молотом и наковальней) и др.

Многие фразеологические варианты немецкого языка интересны тем, что они при наличии одного и того же значения не покрывают полностью друг друга и не становятся излишними в языке в силу того, что их синонимические компоненты содержат живые, яркие образы, близкие, но не тождественные один другому; ср. такие разговорные варианты: Flöhe husten или niesen högen (все видеть и слышать; буквально: слышать, как блохи кашляют и чихают); jemandem den Hals abschneiden или abdrehen (свернуть кому-либо шею; буквально: от-

резать, оторвать кому-либо шею); *keinen Finger röhren* или *krümmen* или *krümmen machen* (не пошевелить пальцем, палец о палец не ударить; буквально: не пошевелить пальцем или не согнуть пальца).

Немецкий язык располагает, далее, значительным количеством фразеологических единиц, где синонимическими компонентами являются слова различной экспрессивности и образности, что влияет на стилистическую окраску всего выражения; ср.: *jemanden auf Herz und Nieren prüfen* и *ausquetschen* (подвергнуть кого-либо строгому, жестокому испытанию); *etwas ans Licht bringen* и *heraufzerren* (выявить, обнаружить, вытащить на свет что-либо).

К фразеологическим вариантам данного вида, естественно, относятся также и такие, где варьируемыми синонимами являются не только глаголы, но и другие части речи, в первую очередь имена существительные. Ср. стилистическую окраску таких фразеологических словосочетаний, как *den Mund* или *das Maul* или *die Schnauze halten* (молчать, держать язык за зубами).

Наконец, в качестве синонимических компонентов при создании фразеологических вариантов могут быть территориальные дублеты. Данное свойство фразеологии является особенно типичным для немецкого языка, поскольку именно в нем, вследствие особого политико-экономического развития Германии и относительно позднего образования национального общенемецкого языка, имеются не только чисто диалектные, но и так называемые территориальные синонимы. Отличие последних от диалектных синонимов состоит в том, что территориальные синонимы, отличаясь территориальным ограничением в употреблении или отличаясь предпочтительным употреблением на определенной территории Германии, общеизвестны и понятны во всей стране. К таким территориальным синонимам относятся, например, слова *Schlächter*, *Fleischer*, *Metzger* (мясник), которые понятны каждому немцу, но употребляются в различных частях Германии: *Schlächter* и *Fleischer* — в Северной и Средней Германии, *Metzger* — в Южной Германии, а также и в Австрии.

Территориальные различия в лексике немецкого языка проникают также и в фразеологию. Так, известная немецкая пословица *Nur die allerdümmsten Kälber wählen*

sich den Schlächter selber употребляется в разговорно-общедной речи на юге Германии также и в форме Nur die allerdümmsten Kälber wählen sich den Metzger selber. Точно так же фразеологические единицы со значением «мне все равно» — es ist mir wurst, es ist mir rowidl — распространены в основном в Южной Германии и Австрии, а их синонимические варианты — es ist mir piepe, es ist mir pomade — в северных и восточных районах Германии.

В отдельных случаях синонимические варианты могут являться, как нам представляется, результатом изменения образа. Так, например, выражение an der Krippe stehen (занимать теплое местечко), возникшее в результате переноса значения из омонимичного свободного словосочетания «стоять у кормушки» (о скоте), будучи впоследствии применено к людям (преимущественно к чиновникам), для которых их служба — всего-на-всего лишь «кормушка», «теплое местечко», получило как образное подчеркивание данного состояния компонент. В настоящее время фразеологический вариант an der Krippe sitzen почти полностью вытеснил первоначальную форму — an der Krippe stehen.

Немецкий язык широко использует возможность пополнения и расширения своей фразеологии за счет синонимических вариантов, о чем свидетельствует, в частности, сравнение ранних и последних изданий словарей, регистрирующих новые фразеологические варианты, например, издания стилистического словаря Дудена, вышедшие в 1938 и в 1956 году.

В заключение нашего краткого обзора фразеологических вариантов, содержащего еще очень неполные данные, необходимо подчеркнуть чрезвычайную важность дальнейшего исследования данного явления. С нашей точки зрения, актуальность проблемы фразеологических вариантов немецкого, да и других языков заключается в том, что это, несомненно, есть один из основных путей развития фразеологического состава языка.

В. Г. КОСТОМАРОВ

МЕЖДОМЕТИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

I

Трудно назвать какое-нибудь другое явление, которому в преподавании английского языка, даже на продвинутой стадии, уделялось бы так мало места и внимания, как междометиям. Справедливо будет сказать, что лица, хорошо владеющие английским языком, и то не всегда сознают выразительные возможности многих английских междометий. Подобное пренебрежение вряд ли можно признать оправданным. Ведь при помощи междометий выражается пестрая и противоречивая гамма эмоций и волеизъявлений, без которых немыслимы разговорная речь и аффективные формы высказывания вообще.

Проблемы, связанные с природой междометий, их ролью в языке, их грамматическими свойствами, далеко еще не полностью исследованы как в теоретическом, так и в практическом планах. Неоспоримым фактом является, однако, то, что междометия имеют осознанное коллективом смысловое содержание и что каждый язык располагает своим устойчивым составом междометных слов. Отсюда следует необходимость и реальность их изучения в преподавании иностранного языка.

Роль междометий, естественно, неодинакова в различных жанрах и стилях языка. Их анализ важен прежде всего с точки зрения изучения синтаксиса живой устной речи. Кроме того, будучи тесно связанными с традициями, обычаями, историей народа, а также с интонационными и произносительными нормами и особенно-

стями языка, междометия представляют собой единственное средство создания образов в художественных произведениях. Отсюда, в частности, понятна роль их анализа, особенно в сопоставительном плане, для теории и практики перевода; междометия принадлежат к тем специфическим языковым явлениям, которые, не имея часто прямых эквивалентов в другом языке, заставляют искать особых приемов и средств для их адекватной передачи.

Настоящая статья имеет цель пробудить в читателе интерес к данной категории слов и помочь в ее изучении. Она рассматривает ряд проблем общей характеристики междометий, а затем кратко излагает состав и особенности междометий в современном английском языке, пользуясь, где представлялось возможным и целесообразным, приемом сопоставления с русским языком, в частности путем сравнения переводов. Помимо рассмотрения междометий с точки зрения их морфологического состава и словообразования, в статье делается попытка дать классификацию английских междометий на основе их «значения» и функционирования в речи; при этом выделение групп в определенной степени базируется на схеме, предложенной академиком В. В. Виноградовым для русских междометий¹.

II

Междометия являются одним из важнейших языковых средств выражения чувств, волевых импульсов, настроений; они представляют собой особые сигналы, вызываемые «внешними и внутренними раздражителями» и объективизирующиеся в виде восклицаний во внешней речи. Междометия резко отличаются от других слов языка отсутствием «познавательной ценности»: они выражают эмоции, настроения, волеизъявления, но, в отличие от слов-названий (существительные, прилагательные, глаголы, наречия), ничего не называют, ничего не обозначают. Слабость познавательно-смыслового наполнения часто побуждает говорящего дополнять междометия особой интонацией, выразительным жестом, ми-

¹ См. В. В. Виноградов. Русский язык. Учпедгиз, 1947, стр. 748 и след.

микой. Именно поэтому удачным представляется называние междометий «знаками чувствований»².

«Междометия, — пишет В. В. Виноградов, — составляют в современном языке живой и богатый пласт чисто субъективных речевых знаков, именно — знаков, служащих для выражения эмоционально-волевых реакций субъекта на действительность, для непосредственного эмоционального выражения переживаний, ощущений, аффектов, волевых изъявлений. Выражая эмоции, настроения, волевые побуждения, междометия не обозначают и не называют их»³.

Однако междометия отнюдь не являются непроизвольными криками⁴ и существенно отличаются от них, представляя собой обобществленный фонд языковых средств, имеющих осознанное и понятное для всех говорящих на данном языке смысловое содержание. В отличие от непроизвольных криков, являющихся чисто рефлекторной реакцией на разного рода ощущения и не относящихся к языку как средству общения и средству мысли, междометия являются орудием намеренной передачи чувств и волеизъявлений, составляя неотъемлемую принадлежность языка. «Междометия осмыслены как коллективные знаки эмоционального выражения душевного состояния. Они отражают в себе эмоциональную жизнь личности, социальной группы или народа, находящуюся в органической связи с деятельностью интеллекта»⁵.

Многие междометия многозначны и способны выражать даже противоположные чувства; так, например, при помощи *аh!*, в значительной степени аналогичного русскому *а!* или *ах!*, выражается удивление, сожаление, скука, мольба, презрение, возражение, злорадство — всего, по данным полных словарей, около 38 различных эмоций! Однако с большинством междометий связы-

² А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 6. М., 1938, стр. 372.

³ В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 745.

⁴ Ср. категорическое утверждение К. Аксакова (Собрание сочинений, т. II, стр. 7): «... что же касается до междометия, оно вовсе не слово... Мысли оно не выражает, это просто восклицание, которое показывает только неопределенное состояние боли, ужаса, радости... Тут еще нет слова, тут еще не говорит человек; нет это крик».

⁵ В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 746.

вается выражение совершенно определенных настроений, чувств и оценок; междометие *bah!*, например, является выражителем презрения и пренебрежения и не может быть употреблено для выражения радости и т. д. (ср.: русское *фи!*, также не совместимое с выражением радости; *ууу!*, закрепленное за выражением сожаления, и т. д.):

Bah! You can't stand even a little thing like that („Misalliance“ by B. Shaw).

And this is the great Sir John Rhead! *Bah!*⁶.

В ряде междометий ясно чувствуется стилистическая или социально-групповая обусловленность; так, междометие *woe!* закреплено исключительно за приподнято-риторическим языком (*Woe unto the ungodly!*), а словечки *grand!*, *swell!* — за фамильярным жаргоном, особенно распространенным среди молодежи, и т. д. Интересна и показательна разница в использовании отдельных междометий в Великобритании и других странах английского языка; восклицание *oh boy!*, выражающее в Англии удивление при неожиданности, в Австралии употребляется при выражении радости и восхищения. Аналогично в США при выражении радостных эмоций, в параллель русским *здброво!*, *вот это да!*, распространены междометия *gee!*, выражающее в Англии понукание лошадей (русские *но-о!* и *ну!*), и *vow!*, выражающее в Англии чувство боли (русские *ой!* и *ох!*).

Перевес эмоционально-экспрессивных оттенков в смысловом наполнении междометий сказывается в их грамматических свойствах и прежде всего в их морфологической целостности и неоформленности, а также в своеобразии фонетического оформления. В этой связи неясно положение междометий среди частей речи: «Как бы ни было велико значение междометия в речи, в нем есть что-то, что обособляет его от других частей речи, оно явление другого порядка... Оно не имеет ничего общего с морфологией. Оно представляет собой специальную форму речи — речь аффективную, эмоциональную или иногда речь активную, действенную»⁷.

⁶ Все примеры без указания источника заимствуются из списка, опубликованного Вольфгангом Циммером (см. W. Zimmer. Die neuenglische Interjektion. «Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik», Heft 3, 1957).

⁷ Ж. Вандрие. Язык. Русский перевод. М., 1937, стр. 114.

Весьма своеобразны синтаксические функции междометий. Междометие обычно влечет за собой грамматически оформленное предложение, называющее или уточняющее эмоции, выраженные в общей форме этим междометием, которое само по себе является лишь первой реакцией говорящего; ср.: *Ah! You insist!*, где следующее за междометием предложение раскрывает мотивы его появления — удивление и возмущение (ср. возможный русский перевод: *Ах так! Ты еще и настаиваешь!*). Однако междометие может употребляться и без последующего предложения, связанного с ним логически. В этом случае оно сопровождается в устной речи особыми интонациями или жестами, а в письменной речи — особыми ремарками или описанием действий говорящего; ср.:

...(As they lift him, swearing): „Ah— oo—oh—oh—ow!“
(„The Six“ by B. Shaw).

...tries the bottle which is empty: „Damn!“

...his hand shoots up instantly: „Oh, Lord!“

...turning, with a sigh of pleasure: „Ah...“.

В ряде случаев междометие употребляется и после предложения. Если при препозитивном употреблении междометие предваряет поясняющее предложение, проектирует для него путь, то при постпозитивном употреблении оно усиливает эмоции, выраженные в этом предложении, повторяет их в краткой и выразительной, но общей и нерасчлененной форме; ср. *I have nothing but a horrid headache. Oh dear! Oh dear!* В таком положении междометие как бы повторяет еще раз сказанное в предложении; поэтому не удивительно, что за междометием часто вновь повторяется это предложение или наиболее важная часть его в целях дальнейшего усиления и раскрытия *What have principles to do with it for goodness'sake! Good heavens, principles!* („The Silver Box“ by J. Galsworthy); ср. русские примеры: *Как я люблю море, ах, как я люблю море* (Чехов); *Уж и так мне на душе горько... ох, горько!* (Тургенев).

И в постпозитивном, и в препозитивном положениях междометие выступает как эквивалент предложения,

как «предложение-слово»⁸, обладающее большими своеобразиями и спецификой; «это — предложения особого характера, предложения, лишенные понятийной материи, предложения-сигналы»⁹. При этом междометия не связываются с «примеждометочным» предложением и представляют собой слабо или совсем синтаксически неорганизованный способ кратчайшего словесного выражения эмоции: ср. «внешнюю синтаксическую изоляцию» выражений¹⁰: Heaven! Heavens! Good heaven! By heaven! Heavens above! For heaven's sake! In heaven's name! Thank heaven! Praise heavens! и т. д.»

Однако утверждение о том, что междометия «синтаксически полностью обособлены», что у них нет «каких бы-то ни было связей с предшествующими и последующими элементами в потоке речи»¹¹, представляется слишком категоричным. Для изучения

⁸ «Sentence-word» — по терминологии Е. Kruisinga («A Handbook of Present-Day English». Groningen, 1928). Поскольку значение предложения выражается междометием лишь в нерасчлененно-эмоциональной, скрытой форме, представляется удачным его определение как «неразвитого предложения», данное И. Давыдовым («Опыт общесравнительной грамматики русского языка». СПБ., 1852, стр. 68).

⁹ S. Kagevskij. Introduction à l'étude de l'interjection. «Cahiers Tde Saussure», I, Genève, 1941, p. 63.

¹⁰ Интересно, кстати, отметить, что эта изоляция побеждает даже «внутреннюю синтаксическую координацию», оставшуюся в наследство от сочетаний знаменательных слов, породивших данное производное междометие; ср. регистрируемые Heaven knows! и Heaven know!, а также Heavens knows! На этом фоне случаи сохранения «внутренней синтаксической координации» часто представляются по меньшей мере неясными; ср. Heaven help me!, где отсутствие аффикса -s объясняется происхождением из формы императива в полной аналогии с Heaven forbid!

Подобные «неправильности» встречаются и в русском языке; ср. хотя бы *Ба-батюшки, светы мой... ба какими судьбами занесло в мою берлогу?* (Мамин-Сибиряк. «Сестры»). В этом примере можно предполагать образование междометного выражения как из *свет мой — светы мои* с последующим нарушением «внутренней синтаксической координации», так и из обращения *свет ты мой* с последующим стяжением (ср. также архаические обращения *господи мой!* и под.).

Ослабление «внутренней синтаксической координации» приводит к ряду словообразовательных явлений и фонетических изменений, которые будут упомянуты при рассмотрении производных междометий в настоящей статье.

¹¹ Л. В. Щерба. О частях речи в русском языке. Сборник «Русская речь» II. Л., 1928, стр. 9. Ср. также: I. Ries. Was ist ein Satz? 1931.

синтаксических функций междометий вообще необходимо их рассмотрение по выделяющимся группам, которые, безусловно, отличны друг от друга и в своем характерном синтаксическом функционировании. Достаточно сказать, что некоторым междометиям свойственно почти исключительно постпозитивное или, напротив, препозитивное употребление; ср., например, *eh?*:

Why don't you prescribe something exciting?—Exciting, eh?

Flim-flam—that about your reputation—eh? Очевидно также, что междометия, «вклинивающиеся» между двумя соседними предложениями или входящие в состав одного предложения, уже не имеют той самостоятельности «предложения-слова», которая характеризует их в постпозитивной и препозитивной позициях¹²: интересно, что в этих случаях междометия теряют свою особую интонацию и подчиняются в той или иной мере интонации данного предложения. Ср. хотя бы простейшие случаи вроде:

The—ah—situation is serious. It is up to us of the—ah—leisured classes...

The—er—er—er—(suddenly waking up) I have lost the thread of these remarks.

Наконец, анализ многочисленных примеров показывает, что междометия могут выступать и как эквиваленты слов в функции членов предложения. Они, по словам В. В. Виноградова, «нередко... выступают как экспрессивные синонимы или смысловые эквиваленты слов»¹³. Н. Ю. Шведова считает, что для междометия является характерным выступать «в функции структурного элемента предикативных единиц определенного типа». Таким образом, за междометием признается определенная грамматическая роль: оно «может быть одним из элементов формы синтаксического построения того или иного типа»¹⁴. Впрочем, ряд исследователей, отри-

¹² Они, очевидно, близки в данном случае к экспрессивно-усильтельным частицам или даже вводным словам. Интересно, что И. И. Мещанинов вообще причислял междометия наряду с модальными словами к «вводным членам предложения» («Члены предложения и части речи». Изд. АН СССР, 1945, стр. 186—189).

¹³ В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 750.

¹⁴ Н. Ю. Шведова. Междометия как грамматически значимый элемент предложения в русской разговорной речи. «Вопросы языкоznания», 1957, № 1, стр. 86—87.

цающих относительность «внешней синтаксической изоляции» междометий, считает, что, выполняя функции членов предложения, междометие «утрачивает свои основные категориальные свойства, т. е. перестает быть самим собой, так как выполняет уже не свою функцию»¹⁵.

Однако несомненно, что и в подобных функциях междометие продолжает отличаться от других слов, в частности, и от междометий, действительно перешедших в знаменательные слова, и сохраняет достаточно специфических черт, чтобы сохранять за собой свое название. Оставив в стороне случаи вроде русских *ахать*, *ойкать*, достаточно сравнить, например, использование субстантивированного междометия в предложении *Но одного «аха» недостаточно* (Чехов) и употребление междометий в следующих предложениях: *Подальше от вас. Нет, вы, господа, ой-ой-ой!* (Тургенев); *Гонорар — увы и ах...* (Чехов); *В ту пору был начальником губернии такой зверь, что у!* (Салтыков-Щедрин). Совершенно аналогично и в английском языке: Ср., с одной стороны, *A soft frightened „o-o-li“ from a girl* или *After „half-wits“ there are cries of „shame“...* (J. Priestly)¹⁶, а с другой стороны, следующие два примера из пьес Дж. Голсуорси: *I wish to goodness Roper would come* („The Silver Box“) и *History may go hang...* („The Punch and Go“).

В связи с анализом конструктивных, «строительных» возможностей междометий, входящих в состав предложения, большое значение приобретает изучение междометных групп, характерных для разговорной речи. При

¹⁵ Г. В. Дагуров. Особенности употребления междометий в речи. «Русский язык в школе», 1958, № 6, стр. 14.

¹⁶ Интересный пример использования субстантивированных междометий в качестве предикативов встречается в «Дон Жуане» Байрона (песнь пятнадцатая, первая строфа); в этом отрывке, между прочим, бросается в глаза «выпуклое» социально осмыщенное значение оценки, свойственное междометиям:

All present life is but an interjection,
An «Oh!» or «Ah!» of joy or misery,
or a «Ha! ha!» or «Bah!» — a yawn, or «Pooh!»
of which perhaps the latter is most true.

Ср. перевод этого отрывка, сделанный Г. Шенгели:

Жизнь — междометия сплошные в наши дни:
Все слышишь «ох» да «ах», — восторги и печали.
Иль «ба», или «ха-ха», или зевок, иль «фу», —
Что лучше всех замкнет и чувство, и строфу.

этом следует указать, что «участие в формировании предикативных единиц» характерно в английском языке как для первичных, так и для вторичных междометий, причем последние могут входить в состав предложения не только для выражения «тех или иных модально-экспрессивных значений всего предложения или сказуемого», что характерно для производных междометий в русском языке¹⁷.

Особенности и своеобразия междометий требуют дальнейшего детального обследования, особенно в области синтаксиса¹⁸, и теоретического осмысления. Как бы ни решался вопрос об их отношении к частям речи и знаменательным словам, невозможно отрицать тот факт, что междометия выступают в роли «эквивалентов предложения» и теснейшим образом увязываются со структурой предложения в ряде особых случаев — вплоть до выполнения функций членов предложения. С другой стороны, междометия характеризуются рядом специфических черт, совершенно не свойственных морфологии и синтаксису частей речи, образуя особый и весьма важный структурно-семантический тип слов.

III

Современный английский язык весьма богат междометиями; они очень употребительны в устной речи и широко используются авторами в художественной литературе¹⁹. При этом наблюдается явная тенденция

¹⁷ Н. Ю. Шедова. Междометия как грамматически значимый элемент предложения в русской разговорной речи. «Вопросы языкоznания», 1957, № 1, стр. 92. Впрочем, ср. характерные для народно-поэтической речи *ах ты, ну тебя, ух и, а также батюшк и мои, страсти какие* и т. п.

¹⁸ Кажется, единственной работой, специально посвященной синтаксической роли междометий в структуре предложения, кроме упомянутых, является статья А. И. Германовича «Синтаксис междометий и их стилистическое значение» («Известия Крымского педагогического института имени М. В. Фрунзе. Кафедра русского языка», т. XIV. Симферополь, 1949).

¹⁹ Интересное исследование английских междометий выполнено Вольфгангом Циммером в уже упомянутом нами сочинении «Die neuenglische Interjektion» («Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik», Heft 3, 1957), защищенном в качестве диссертации. На основе анализа словарей и многочисленных драматических произведений В. Циммер составил весьма полный список междометий с указанием их возможных «значений» или употреблений, которые иллюстрируются примерами из авторов.

использовать междометия не в качестве застывших традиционных формул условной стилистики, в частности формального показателя передачи устной речи персонажа, а в качестве ярких слов, активно передающих различные индивидуальные и живые эмоции, переживания и волеизъявления. В результате активности этой тенденции состав английских междометий быстро пополняется новыми и выразительными междометными выражениями; в литературу льется полноводный поток междометий из разговорной речи и даже жаргонов²⁰. Наличные междометия быстро меняют свою стилистическую окраску; бросается в глаза быстрый процесс «оприличивания» ряда бранных слов.

По своему составу английские междометия делятся на первичные (или первообразные) и производные. Первые не связаны со знаменательными частями речи и являются внутренне не расчлененными и грамматически никак не оформленными знаками, символами эмоций и волеизъявлений: ah (ср. *a! ax!*); aha! (ср. *aga!*); ahoy! (ср. *эй!*); bah! (выражает презрение или пренебрежение); chut! (выражает нетерпение); eh! eh? (выражает вопрос, переспрос, удивление; ср. *вот как? не правда ль? ась?*); ег... (выражает смущение, перерыв в речи; ср. *ну, это... как его?..*); fie! (ср. *фи! фу!*); gee! (выражает понукание); ha! (выражает удивление, подозрение и т. п.); hallo, hello! hullo! (ср. *алло!*); heigh! hey! hoy! hi! (выражает оклик, удивление, вопрос; ср. *эй!*); humph! hump! hem! hum! h'm! m'm! (выражает недовольство, сомнение; ср. *гм... гм...*); ho! (выражает оклик, удивление, иронию, радость); hurra (h)! hurray! (ср. *ура!*); hush! sh! sst! (ср. *тише! тс!*); lo! (ср. *вот! смотри!*); lo and behold (ср. *и вот! и вдруг!*); tum (ср. *тс!*); o! oh! (ср. *о! ох! ой!*); oho! (ср. *ого! о-го-го!*); oo! o-oh! ouch! (ср. *у! ух! ох! ой!*); pah! phew! pooh! psha! (ср. *тыфу! фи!*); tch! tcha! tut! (выражают недовольство, слабое возмущение, нетерпение, ср. *ну и ну! вот так на!*); ugh! (выражает недовольство, отвращение); um! um? (выражает согласие, подтверждение; ср. *угу!*); whew! (выражает шутливое удивление; wow! (ср. *ой!*); yah! yach! (выражает насмешку, презрение).

²⁰ Ср. G. O. Curme. Syntax. London, 1931, p. 151.

Как видно из списка, все эти слова связываются со звукоподражаниями; они по большей части характеризуются особыми произносительными нормами: преобладание лабиальных звуков, сильная аспирация при артикуляции. Гласные звуки в междометиях легко удлиняются; это удлинение, часто сопровождаемое повторением всего междометия, усиливает интенсивность выражаемого чувства. Удлиненное произношение гласного звука на письме обозначается по-разному; ср.: *ah!* и *ah-h!* (... *admiring her: «Ah-h-h-:»*); *ha!* и *hah!* и даже *ha-ah!*; *oh!* и *oh-h* или *o-oh!* Вообще орфография всех этих слов крайне условна и весьма слабо отражает реальное произношение.

Группу производных междометий, значительно более многочисленную, составляют слова, связанные по своему происхождению со знаменательными частями речи, но полностью утратившие функцию называния и ставшие простыми выражителями чувств и волеизъявлений. Производные междометия, в отличие от первичных, которые допускают только фонетическую характеристику, сохраняют внешние грамматические признаки частей речи, от которых они образовались.

Здесь выделяются в первую очередь междометия, образовавшиеся из застывших глагольных форм, чаще всего — форм повелительного наклонения; весьма часто они сопровождаются дополнением или наречием: *Be!*! (*You, I*) *bet!* *Blast!* *Blast it!* *Bless me!* *Bother it!* (*I*) *don't care!* *Come, come!* *Oh come!* *Curse it!* *Damn it!* *Thank god!* *Hear, hear!* *Look!* *Look here!* *Please!* *Say!* *I say!* *See?* *See!* *I see!* *You see!* *Thank you!* *Welcome!*

Значительную группу составляют также междометия, образовавшиеся из синтаксически изолированных существительных; они часто переходят в междометия в виде застывшего и нечленимого сочетания с определением или предлогом: (*My*) *aunt!* *Oh boy!* *Christ!* (*The*) *deuce!* *Devil!* (*The*) *Dickens!* *My eyes!* *God!* *Goodness!* *By heaven!* *Gracious heavens!* *For God's sake!* *Hell!* *By Jove!* *Lord!* *Mercy!* *Mercy on us!* *Nonsense!* *Rot!* *Rubbish!* *Shame!* *Upon my soul!* *By George!*

Весьма обширную группу составляют слова, перешедшие в междометия из наречий и прилагательных: *All right!* *Of course!* *Dear!* *Dear me!* *Even so!* *Good!* *Graci-*

ous! Good gracious! Indeed! Quite so! Rather! Oh rather!
Rather not! Really! Oh really? Right! Well!

Во всех этих переходах весьма трудно уловить закономерности: все они очень индивидуальны и возникают под влиянием особых аффектов. Многие исследователи указывают, например, на то, что образование междометий обязательно связывается с двумя полюсами «аффективно окрашенных» слов — положительным (God, Lord, Gracious!) и отрицательным (Nonsense! Rot! Rubbish!), к которому непосредственно примыкают и бранные междометия²¹. Очевидно, что наличием этих двух семантических пучков знаменательных слов действительно объясняется факт образования ряда междометных выражений. При этом интересно отметить, что в обоих случаях производное междометие становится просто восклицанием, теряя положительную или отрицательную окраску, свойственную слову-источнику; ср. фактическую адекватность выражений *бог знает и черт знает* — отсюда и частые замены при переводе: *Черт его знает, где он!* (Казакевич. «Звезда») переводится, например, как *God knows where he is!*

Каков бы ни был конкретный повод для перехода слова-названия в разряд междометий, созданное междометие живет в дальнейшем своей жизнью, сохраняя со словом-источником лишь генетически-этимологическую связь. Это особенно заметно на модных словечках вроде *swell!*, имеющего значение, соответствующее русским жаргонным выражениям *здороно!* *во!* *на большой!*²²; это значение явно связывается с жаргонным использованием слова *swell* (нарост, возвышение) в значении «щеголь, важная шишка» и т. д.

Мы уже говорили о фактах утраты «внутренней синтаксической координации», происходящей не без влияния синтаксической изолированности междометий в ре-

²¹ См. например: W. Zimmer g. Die neuenglische Interjektion, «Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik», Heft 3. 1957, S. 253.

²² Ср. примеры из «Live with Lightning» by M. Wilson: «*Swell*, Erik said, still on his impulse of generosity, и далее: ...and the condenser idea was *swell* — really *swell*. Автор точного и яркого перевода Н. Тренева удачно передала жаргонный характер выражения через *здороно!* в одном случае, но затемнила стилистические оттенки в другом, передав его как *прекрасно!*

чи; можно указать на ряд различных фонетических преобразований и словообразовательных сдвигов, наблюдавшихся в производных междометиях и связанных с процессом «омеждомечивания» знаменательного слова или выражения. Интересно, например, неясное для современного языкового чутья междометие *alack*, возникшее из *ah lack*, откуда и значение недовольства, а также междометие *lackaday* — из *lack a day* или *alack a day*. Более ясные словообразовательно-фонетические изменения имеем в случаях вроде *alright* из *all right* или *cheero, cheer oh, cheery oh* и даже *cheerio* из *cheer* и т. д. При этом наблюдаются как случаи усечения (*hish* из *hush*, *Lor¹* из *Lord*, *blimey* из *blind me*) или стяжений (*begod* из *by God*, *alack* из *ah lack*), так и случаи осложнения, в частности удвоения (*tu-o-tu* из местоимения *tu*, *boy-oh-boy* из существительного *boy* или *oh boy*); ср. также *deary-me* из *dear*, *dear me* или *goody* из *good* и т. д.

Большой интерес представляют случаи осложнения междометий определениями и дополнениями (ср. русские *ну тебя! спасибо вам!* и пр.), что подчеркивает в ряде случаев полную утрату связей со словом-источником. Именно о полном «омеждомечивании» и потере «внутренней синтаксической координации», оставшейся от сочетания- или слова-источника, свидетельствуют такие факты, как присоединение прямого дополнения к междометию, возникшему из прилагательного (*Dear me!*), либо осложнение такого междометия другим прилагательным в качестве определения, точнее — «усилителя» (*Good gracious!*). Весьма интересен в этом смысле пример из пьесы W. S. Maugham «The Circle»: *Good gracious me!*

Процессы, связанные с переходом в междометия знаменательных слов, причины, порождающие этот переход, фонетико-словообразовательные изменения, сопровождающие его, — совершенно еще не обследованы ни в английском, ни в русском языках. Очевидно, большой интерес здесь будут представлять случаи перехода в междометия целых выражений и фразеологизмов: *Go to blazes!* *If you please!* *If it matters!* *How do you do!* *You don't say so!* *That's! tha!* *There you are!* *Well I never!* *Ask me another!* Ср. русские примеры: *вот тебе раз!* *была не была!* *наша взяла!* *вот так клюква!* и т. д.

В заключение нашего обзора следует указать на то, что среди английских междометий находим, как и среди русских, ряд заимствований (*alas!* *bosh!* *bravo!* *pardon!*) и многочисленные звукоподражательные слова (ср. хотя бы: *cock-a-doodle-doo!* — *кукареку!* или *soo-soo-cuckoo!* — *ку-ку!*). Последние, по нашему мнению, непосредственно к разряду междометий не относятся; *шар.*, впрочем, слова призыва и отгона животных, явно входящие в группу «междометных императивов»: *pussy-pussy!* — *кис-кис!*; *shoo!* — *брысь!*; *chuck-chuck!* — *цып-цып-цып!* и пр.

Следует, кстати, отметить, что английскому языку совершенно чужды «междометные глагольные формы» типа *шмыг*, *топ*, *бух* или *хлоп*, *бац*, *трах*, *хвать*, столь распространенные в русской разговорной эмоционально-насыщенной речи.

IV

Чрезвычайно интересной и полезной задачей является классификация междометий по их «значениям», то есть анализ возможностей, которыми обладает каждое данное междометие, выражать те или иные эмоции, а следовательно, так или иначе функционировать в речи синтаксически. Удовлетворительной схемы для подобной классификации в литературе нет; на пути ее создания стоят большие трудности, обусловленные своеобразием междометий как особого структурного разряда слов. Эти трудности могут быть преодолены только при помощи детального и тщательного обследования всех процессов, что является задачей дальнейшего изучения. Очевидно, что решению ряда вопросов может способствовать сопоставительный анализ междометий в двух современных языках; часто анализ перевода помогает лучше уловить особенности отдельного междометия или даже целой группы междометий.

Безусловно верное в общих чертах даже для разных языков деление междометий на эмоциональные, выражющие различные чувства или интеллектуально-эмоциональные оттенки, и императивные, выражающие волевые импульсы и различные побуждения, не отражает всего богатства и многогранности этого разряда слов. Не ставя перед собой задачу дать полную,

детальную и четкую классификацию английских междометий, наметим лишь важнейшие группы в их составе.

1 Наиболее ясную группу составляют междометия, выражающие различные чувства; среди них главное место занимают первичные междометия или же производные, но полностью «омеждометившиеся»: *ah!*! *o!*! *oh!*! *ouch!*! *God!* *Goodness!* и пр. Основной характеристикой таких междометий является их «внеграмматичность», отсутствие связи с другими словами и с предложением, а также неустойчивость эмоционального и смыслового содержания. Многие междометия этой группы «многозначны», то есть способны употребляться для выражения разнородных, а подчас даже противоречивых эмоций; так, например, междометие *Oo!* употребляется:

для выражения неожиданности или удивления: *Oo!.. what a thrilling thought!*

для выражения страха, негодования или отвращения: *She fishes out a large drooping moustache: «Oo — and this!»*

для выражения восхищения или радости: *Ooh, it's lovely!* Ср. также: ... *brightening up*: «*Oo — I'd forgotten that!*» и т. д.

Совершенно аналогичная группа представлена и в русском языке; в ряде случаев имеются и индивидуальные параллели (ср. *a!* и *ah!*; *o! ox!* и *o! oh!*). Впрочем, в связи с расплывчатостью значений междометий этой группы, индивидуальные соответствия особого значения не имеют, легко допускают различные подмены. Анализ переводов ясно показывает справедливость обоих положений²³:

Their happiness and pride was so great that they could show it only by saying „oh“ and „ah“...

Счастье и гордость настолько переполняли их, что они произносили только «ох» или «ах»...

²³ Примеры здесь и далее извлечены из следующих произведений: 1. «*Live with Lightning*» by M. Wilson. Moscow, 1957. Русский перевод Н. Треневой («Жизнь во мгле». М., 1953); 2. Б. Полевой. Вернулся. М., 1949. Английский перевод О. Shartse («He came back», Moscow, 1952); 3. Э. Казакевич. Звезда. М., 1948. Английский перевод R. Daglish («Star», Moscow, 1954).

„Oh“, she looked up and smiled pleasantly, „Good night, Mr. Gorin“.

„O yes“, said Fox. „Have him come in, please“.

— Ах, да, совсем из головы вон... (*Полевой*).

— Ох, смена была жаркая (*Полевой*).

— Ах, Травкин, вы напрасно обидели ее... (*Казакевич*).

(2) Сравнительно небольшую группу составляют междометия, выражающие эмоциональную характеристику или оценку поступков, состояния и т. п.: *bah! chut! fie! ha! humph! alas! bravo! Boy-o-boy!* Частично они сливаются с первой группой, но они имеют и явные отличия от нее — особенности их значения определяют, например, их синтаксическое использование в роли качественно-оценочных предикатов: *Cards — pah!* В русском языке аналогичные примеры весьма многочисленны: *А эта гордость — тыфу!* (Писемский); *Вы знаете, что для меня теперь Малевский — фи!* (Тургенев); ср. также разговорные выражения типа *дело табак, у него денег — слава богу* и т. д.

Сопоставление английских междометий этой группы с соответствующей группой междометий в русском языке показывает, что последний обладает более развитой их системой, более гибкой и более способной выражать различнейшие оценки. Очевидно, например, что перевод русской фразы *Такие квартирки, я тебе скажу, ого-го!* (*Полевой*) при помощи, казалось бы, полного эквивалента *Some flats, I can tell you! My-oh-my!* значительно менее ярок и выразителен. Можно констатировать большую близость рассматриваемой группы в английском языке к чисто эмоциональным междометиям, чем в русском; ср. приведенный в (1) пример на использование восклицания *gosh!* при переводе русского *ox!* и следующий пример:

— О! — она подняла глаза и приветливо улыбнулась. — До свиданья, мистер Горин.

— Ах да, — сказал Фокс. — Просите его ко мне, пожалуйста.

„Oh, I forgot—...“

„Gosh, was it hot!“

„Oh, Travkin, you shouldn't have hurt her like that...“

Но уже издали он услышал торжествующий визг. Славка... что есть духу бросился к нему навстречу и с разгона повис у него на шее: — Ух и здорово! Ох и здорово ж!.. (Полевой).

Таким образом, часто здесь трудно даже провести четкую границу: одно и то же слово выступает в разных функциях²⁴. Недостаточная структурная четкость рассматриваемой группы в английском языке подчеркивается, в частности, тем, что английским междометиям почти не свойственна способность включаться в структуру предложения и выступать своеобразными качественно-оценочными предикативами; именно поэтому переводчик пошел по пути лексической замены, описания в таком, например, случае:

— Володька Шумилов по сравнению с нашим Пантелеймоном Петровичем — тыфу! Щенок! (Полевой).

Очевидно, в ряде случаев явное оценочное содержание, имеющееся в русских междометиях рассматриваемой группы, заставляет переводчика прибегать к использованию знаменательных слов для передачи тех же оттенков; ср.:

— А ты и в техникуме учишься? — А как же! (Полевой).

— Ну, где там! Я разве сейчас один? (Полевой).

— Ух и здорово, Пантелеймон Петрович! Здорово! (Полевой).

Обратных случаев, то есть таких, когда в русском переводе встречаются оценочные междометия, сравни-

From a distance he heard a squeal of triumph, Slavka... with a headlong rush jumped up and swung on Kazimov's neck. „Gosh, it's wonderful! Oh, gosh! It's wonderful!“

Compared with our Pantelei Petrowich he's just a cub! — he spat on the ground.

„Do you go to technical school?“ — „I should say I do!“

„A fat chance! I'm not the only one now“.

„That's the spirit, Pantelei Petrovich. That's the stuff!“

²⁴ Отметим попутно как заслугу переводчика то, что разнообразные междометия, употребляемые в повести мальчиком Славкой, последовательно передаются многозначным *gosh!* которое вообще свойственно детской или школьной речи. Так создается образ.

тельно мало; ср., впрочем, удачную подмену «полумеждометного» английского выражения русским междометием в следующем примере:

„God! This is it!“ he said.
„A year from today, Sevvy,
and we'll have our own
roadster, just like this“

— Ух...! — сказал он. —
Через год, Сэби, у нас с
тобой будет такая же ма-
шина.

3 К рассмотренному разряду примыкают междометия, выражающие эмоционально-волевое отношение слушателя к речи собеседника: eh? um! um? come, come! deary-me! all right! course! bet! Строго говоря, сюда относятся и слова yes и no, так же как и русские да и нет²⁵. Междометия этой группы легко включаются в структуру предложения, но уже не как качественно-оценочные предикаты, а как разновидность эмоционально-модальных слов:

But-but-oh dear! — don't you understand? („The Simploton“ by B. Shaw).

It's awfully clean. — You bet („Windows“ by J. Galsworthy).

I may have to wait a long time. — Eh, what? A long time?

Легко заметить, что междометия этого типа представляют собой в английском языке чрезвычайно развитую и многообразную систему; это явление стоит, очевидно, в связи с употребительностью оборотов типа (you understand), don't you? или (you haven't seen), have you? именно в плане эмоционального переспроса (ср. также особое интонирование таких «вопросов без вопроса»). Отсутствием этого явления в русском языке (ср. явную искусственность даже сравнительно употребительного *не правда ли?* или жаргонный характер переспроса *правильно я говорю?*, распространенного в русской речи не-русских) объясняется сравнительная малочисленность русских междометий рассматриваемой группы: *a?* *ась?* *ой ли?* *право!* *не так ли?* *что ли?*

²⁵ Ср. употребление некоторых междометий этой группы в значении «да» и «нет», например: *Хотите довезу?* — *Что ж, везите,* — *как-то очень равнодушно согласился незнакомец* (Полевой). Аналогично и в переводе: «May I give you a lift?» — «All right», the stranger agreed without any show of interest.

Анализ переводов вскрывает легкость, с которой на английский язык передаются немногочисленные русские междометия такого типа; язык героини повести Б. Полевого «Вернулся» — Клавдии Шлыковой характеризуется повторением междометия *что ли?*, и переводчик последовательно во всех случаях смог передать это междометие, вскрывая разные его оттенки разными английскими восклицаниями и употребляя иногда форму эмоционального переспроса:

— ...и сели бы вы, что ли.

„...and won't you sit down'eh?“

— Ну так взялись, что ли?

„Oh, well! Come on, fellows, let's start!“

— Ну что ж, чай пить, что ли, сядем?

„Well then, shall we — er—sit down and have some tea?“

и т. д.

Ср. еще несколько примеров:

— Мама, мамочка, ты поедешь, а? Ведь поедешь? (Полевой).

„Mother, Mummy, you'll come'eh? Eh? You will come, won't you?“

— Помнят ведь, а? Семь лет прошло, а помнят... (Полевой).

„They remember me, imagine! Eh? So many years have passed and yet they still remember...“

— Так до Германии дойдешь и противника не увидишь с вами... А хорошо бы, а? — спросил он неожиданно весело. (Казакевич).

„At this rate, we'll be in Germany before we get a sight of the enemy“. And with sudden gaiety, he added: „Wouldn't that be fine, though—eh?“

— И неужели вы никого из разведчиков не знаете?.. А небезызвестный нам капитан Барашкин как? А? (Казакевич).

„And are you sure you don't know any of the scouts?... What about a certain Captain Barashkin — eh? Come-come!“

При переводе с английского на русский язык междометия рассматриваемого разряда в большинстве своем остаются без передачи; ср. редкое и малоудачное: You're Gorin, aren't you?

— Вы Горин, не так ли?

(4) Довольно богато представлена в английском языке группа «междометных императивов» — выражителей

волевых изъявлений, побуждений и приказаний,— к которой принадлежат и слова-оклики: *away! stop! lo! ho! come! hear, hear! hush! look here!* Характерно, что большинство междометий этой группы однотипно по способу производства: либо это первичные междометия, либо «омеждометившиеся» глагольные императивы; ср.:

Come on then — damn you! — talk, talk, let's *here* all about it!.

Come! Try your last weapon! („Major Barbara“ by B. Shaw).

Now look here, Hibbert. I've got a lot of work to do and no time to waste.

Состав соответствующей группы в русском языке несколько разнообразней; ср. *полно! ну!* (впрочем, и здесь близость к глагольному императиву подчеркивается возможностью формы *полноте! ну-те!*), *вон! прочь! долой!* и т. д. Более прозрачны и синтаксические возможности русских междометий; ср. их «переходность»: *Ай, ату его! ату!* (Некрасов), *ну тебя!*, а также случаи вроде *марш от меня! стоп болтать!* и т. д. На этом фоне английские *away! down!* должны быть признаны малоупотребительными (ср. более обычное употребление «нормального» императива *go away!*); интересно, что ставшее крылатым выражение *Ami go home!* естественнее переводится без глагола: *ами — вон!, ами — прочь!* и т. д. Понятно поэтому, что и при переводе русские «междометные императивы» обычно передаются в английском языке глагольными формами:

— Пантелей Петрович, „Pantelei Petrovich, don't не ездите, ну их! (Полево- go! Don't mind them!“вой).

Впрочем, сравнительно редко встречаются и примеры «обратного» явления, ср.:

— Молчи, дурачок, мол- „Sh-ch — you little silly, чи. Разве можно так го- don't talk like that...“ ворить... (Полевой).

Естественно, что принадлежащие к этому разряду слова призыва и отгона животных (уже упомянутые *ами*), а также и слова-оклики имеют полные эквиваленты в русском и английском языках и не представляют трудностей при переводе; ср. хотя бы:

„Hey you! Anything you want? — Эй вы, что вам тут нужно?

(5) Чрезвычайно широко представлена в английском языке группа вокативных междометий, среди которых есть и вполне «комеждометившиеся» существительные вроде Christ! crumbs! God! Lord! rot! rubbish и различные звательные формы, сохраняющие в той или иной степени связь с формами существительных вроде My aunt! Oh boy! My hat! My eye(s)! Goose! By George! Jove! Здесь весьма много различных переходных типов, изучение которых представляет большой интерес в исследовании основ экспрессивно-эмоционального языка вообще; ср. русские междометия *ужас!* *батюшки!* *страсти какие!* *господи мой!* и т. п.

Разряд этих междометий неустойчив как в словообразовательном отношении, так и в смысле семантики; именно через него идет пополнение таких групп междометий, как чисто эмоциональные, оценочные, бранные и т. д. По своему синтаксическому использованию они примыкают к вокативным предложениям:

But Lord, Ma'am, his ignorance, it was surprising!

My hat! Johnny's made a joke. This is serious („Windows“ by J. Galsworthy).

Oh god! What is going to become of me?

Oh boy, what do you think of this abode of love („The Simpleton“ by B. Shaw).

Поскольку смысловое наполнение рассматриваемых междометий неустойчиво и неопределенно, перед переводчиком открывается большая свобода в смысле различных подмен и замен. Это особенно часто используется по стилистическим соображениям при переводе бранных слов, состоящих в значительной степени из вокативных междометий; ср. хотя бы перевод английского вокативного междометия hell!:

„Hell, he's a long time dead!“ „Hell, I don't know, Erik“.

— Какого черта, он давно умер. — Черт его знает, понятия не имею.

Впрочем, часто переводчики злоупотребляют этой свободой подмен; примером малоудачной замены, при которой яркое русское выражение заменено стертым и тра-

диционным английским восклицанием, может служить следующий:

— Ах ты, думаю, мать честная, довоевался! Нет ужели, думаю, я, как стреляная гильза, только мальчишкам на свистульку и гожусь? (*Полевой*).

And then I thought—
„Good heavens, have I
outlived my usefulness?
Am I like an empty shell
that's only good for boys
to make whistles with?“

(6) К рассмотренной группе междометий непосредственно примыкает замкнутый круг бранных слов, клятв, проклятий и т. п.; однако среди них имеются и другие типы производных междометий и «омеждометившихся» выражений и фразеологизмов: Devil! Dickens! Hell!, а также blight! confound! for God's sake! curse it! damn! dash! darn! God bless my soul! Все эти выражения весьма разнообразны по интонационно-смысловым оттенкам, по грамматическим особенностям и синтаксическому употреблению. Социально изменчивое отношение к ряду таких выражений, изменение их «приличности» ярко видны на широко известной истории слова damned!, еще в начале этого века звучавшего столь непристойно, что авторы изображали его условно (d — d!). В настоящее время наблюдается сильная тенденция «оприличивания» ряда других бранных слов. Характерной особенностью английских бранных междометий является их «втягивание» в структуру предложения; ср. бесконечные разговорные: What the hell...? To hell with...! Who the devil...? Why the devil...? Подобное «втягивание» междометия в структуру предложения наблюдается не только при эмоциональном вопросе, но и в других синтаксических типах, например экспрессивно-окрашенном отрицании: They are sending the result through the post.— The devil they are! Очевидно, что аналогичным русским междометиям менее свойственно это, ср., впрочем, выражения, связанные со словом *черт*. Естественно, что при переводе и здесь перед переводчиком открыты большие просторы:

— Черт возьми! — восхищенно сказал Муштаков. (*Казакевич*).

„Well, I'm damned!“ exclaimed Mashtakov admiringly.

Из удачных переводов можно отметить следующий пример:

— ...офицер, ей-богу, офицер! (Казакевич).

„...he's an officer. Bet you he's an officer!“

Очевидно, бранные междометия, связанные с определенным поведением в быту и с определенным отношением к людям, не являются тем, чем может хвастаться тот или иной язык. Но, «как известно, на междометно-бранном языке продолжают еще нередко изъясняться не только пьяные, но и трезвые люди»²⁶. К этому замечанию академика В. В. Виноградова можно было бы добавить: не только в русском, но и в меньшей степени и в английском языке (ср. *bloody, fuck, fucking* и т. п.).

(7) К системе междометий принадлежат, наконец, своеобразные «экспрессивные звуковые жесты», выражающие различные бытовые чувства и обрядности. Не подлежит сомнению тесная связь этих выражений со знаменательными словами, но все же центральным стержнем системы таких междометных выражений является бытовая традиция, вкус эпохи, социальные оттенки и подобные факты, непосредственно не связанные с языком; ср. ряд таких слов, как *Good-bye! Bye-bye! So long! Au revoir! Cheerio! Cheery-bye!*, примыкающие к ним выражения вроде *Hope to see you again!* и многочисленные жаргонизмы. С точки зрения стилистики подобных междометий интересен следующий отрывок из романа М. Уилсона «Жизнь во мгле»; герой романа Эрик пришел впервые в дом родителей своей невесты и последовательно знакомится с матерью, сестрой, отцом и зятем:

Mrs. Volterra shook hands with Erik. „Hello“, she said. ...she kissed his cheek. — „That's a real hello!“...

Mary, too, looked him over carefully as she shook hands, but there was no kiss.

... „This is my father, and my brother-in-law, Joe.“

Миссис Вольтерра пожала Эрику руку. «Здравствуйте», — сказала она ...она поцеловала его в щеку. — «Вот как здороваются по-настоящему...»

Мэри тоже внимательно оглядела Эрика и пожала ему руку.

«Это мой отец и зять Джо»...

²⁶ В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 758.

„Goodeveningyoung-man, sit down“, said Mr. Volterra. „Hi“, said Joe.“

«Добрый вечер, молодой человек, садитесь», — скороговоркой произнес мистер Вольтерра. — «Здоро-во», — сказал Джо...

Кроме стилистических оттенков, вскрываемых данным контекстом (ср. русские *спасибо!* *благодарю!* *обязан!* *мерси!* *благодарствуйте!*!), здесь наглядно проявляется близость и сплетение рассматриваемых междометий и просто жестов и обрядных поступков.

(8) Указанные группы далеко не исчерпывают всего богатства «междометного инвентаря» английского языка; в разных стилях и сферах речи, особенно устной, образуются новые специфические разряды — например, в детской речи на базе традиционных *bye-bye-bye!* *lullaby!* формируется целый разряд индивидуальных междометий (ср. русские *баюшки-баю!* *агу!* и пр.).

«Семантический анализ междометий, выяснение сущности тех языковых явлений, которые формируют и расширяют категорию междометий, раскрытие закономерностей в переходе разных частей речи и модальных слов, разных экспрессивных предложений — идиоматизмов в междометия, исследование синтаксиса междометий — все это еще задачи будущего»²⁷.

* * *

Суммируя сказанное, следует прежде всего сделать вывод о том, что междометия представляют собой обширный разряд слов, отличающихся многообразием своего использования в речи и богатством выразительных возможностей. В то же время междометия продолжают оставаться весьма слабо изученными как практически, так и теоретически. В теоретическом плане дальнейшего исследования требуют такие вопросы, как положение междометий в кругу частей речи, их синтаксические функции, особенности их формы и их фонология, связь со стилями речи и возможности социально-групповой обусловленности, закономерности перехода в междометия знаменательных слов и некоторые другие.

²⁷ В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 760.

Исследование английских междометий кажется особенно интересным, поскольку они отличаются большой широтой употребления, экспрессивной яркостью и словообразовательной подвижностью. Именно это обстоятельство обуславливает их важную роль при создании образов в английской художественной литературе и заставляет требовать специального к ним внимания в преподавании английского языка. Естественно, при этом необходимы тщательное методическое продумывание и отбор выражений, предлагаемых для изучения. Не подлежит сомнению важность изучения междометий в плане практической работы по переводу беллэтистики.

Рассмотрение английских междометий с точки зрения их формы приводит к ясному делению их на первичные и производные, а также к выделению заимствованных междометий и звукоподражаний. Здесь вскрывается неустойчивость фонетического облика большинства первичных и многих вторичных междометий, а также и условность их написания в современной английской орографии. Чрезвычайно интересны вопросы образования новых междометий и фонетико-словообразовательные процессы, имеющие при этом место.

Интересной задачей является «семантическая» классификация междометий, которая может быть построена с одновременным учетом их выразительных возможностей и структурных особенностей. Анализ показывает, что в английском языке могут быть выделены, за исключением разряда «междометных глаголов», те же группы, которые имеются среди русских междометий: группа выразителей различных эмоций, группа выразителей эмоциональных характеристик или оценок, группа выразителей эмоционально-волевого отношения к речи собеседника, группа «междометных императивов», группа вокативных междометий, группа бранных слов и клятв, группа своеобразных «экспрессивных звуковых жестов». Чрезвычайно важным фактом представляется то, что широта употребления междометий каждой данной группы неодинакова в английском и русском языках; различно даже количество междометий, входящих в каждую данную группу. Это обстоятельство, весьма важное теоретически, должно, очевидно, особенно учитываться в практике перевода.

П. И. ПОЛЛЕР

ОБОСОБЛЕНИЕ ИМЕННЫХ СЛОВОСОЧЕТАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Обособление — это семантико-сintаксическое средство, часто встречающееся в немецком языке, особенно в письменной литературной речи. Основным признаком обособления является особая интонация, выделяющая обособленный оборот; мелодия предложения с обособленным оборотом во многом соответствует мелодии сложного предложения, при этом обособленный оборот имеет самостоятельное логическое ударение, независимо от логического ударения, имеющегося в остальной части предложения. Это интонационное выделение обособленного оборота находит свое выражение на письме в выделении его запятыми.

Интонационная и интерпункционная самостоятельность обособленных слов или оборотов подчеркивает их семантическую насыщенность и сближает их по значимости с придаточными предложениями в составе сложноподчиненного комплекса.

Обособленным может являться как отдельное слово (значительно реже, чем словосочетание), так и целое словосочетание. Характерным для немецкого языка является преимущественное обособление причастных и инфинитивных оборотов. Очень часто обособлению группы слов способствует ее большой объем.

Немаловажным средством обособления наряду с интонацией является также и место обособляемого слова или группы слов в предложении. Очень часто обособленный член предложения занимает в предложении не то место, которое свойственно тому же члену предложе-

ния, если он не обособлен; например, необособленное определение, выраженное прилагательным, стоит в немецком языке всегда перед определяемым существительным, в то время как обособленное определение, выраженное группой прилагательного, стоит, как правило, после определяемого слова: *Vor ihm lag die Straße, winklig und unregelmäßig*.

Очень часто обособленный оборот ставится в конце предложения, после рамочной конструкции; постановка инфинитивного оборота за рамкой является в современном языке нормой: *Er hatte es kaum der Mühe für wert gehalten, sich flüchtig von den anderen zu verabschieden*.

С синтаксической точки зрения обособленное слово, словосочетание или оборот всегда являются членами предложения, то есть органически входят в его структуру. В зависимости от цели высказывания, от познавательной установки автора, любой член предложения может быть обособлен. Важно отметить, что в отличие от русского языка, в котором обособляются лишь второстепенные члены предложения, в немецком языке могут обособляться даже подлежащее и именная часть сказуемого, если они выражены инфинитивными оборотами.

С морфологической точки зрения обособленной может быть любая часть речи: имя существительное — в падежной форме, в форме предложного словосочетания или словосочетания с винительным падежом («абсолютный винительный»); имя прилагательное — обычно в сочетании с одним или несколькими другими прилагательными; глагол — в форме инфинитивного или причастного оборота.

В грамматиках немецкого языка, изданных за рубежом, явление обособления не находит сколько-нибудь исчерпывающего освещения; в них не встречается даже сам термин «обособление». Обособленные группы и обороты рассматриваются как «сокращенные» придаточные предложения, причем показывается техника превращения соответствующего придаточного предложения в «сокращенное»¹. Эта точка зрения, как известно, опровергнута еще Потебней, доказавшим, что исторически

¹ Heyse-Lyon. Deutsche Grammatik. Leipzig, 1908; «Der große Duden». Grammatik. Leipzig, 1937.

подобные обороты никогда не были придаточными предложениями². Современные исследования показывают, что, наоборот, скорее придаточные предложения некоторых типов развились из оборотов³.

Другие грамматики немецкого языка говорят не о «сокращенных» придаточных предложениях, а об «отрезках предложения», способных заменить любой вид придаточного предложения. Блац и крупный немецкий грамматист Бехагель вводят термин «аппозитив», понимая под ним расширенное понятие приложения, то есть обособленные группы, равноценные придаточным предложениям и состоящие из ведущего существительного, прилагательного или причастия, дополненных и распространенных другими словами. Блац и Бехагель отмечают особые черты, отличающие такие «аппозитивы»; Бехагель называет их «определениями, выделяемыми паузами», а Блац указывает на особое местоположение этих «аппозитивов» или «отрезков предложения» в предложении и на их объем⁴. Однако никто из немецких грамматистов не занимается вопросами сущности, цели и значения обособления, не учитывает специфики этого синтаксического явления и его роли в структуре предложения.

Русские и советские лингвисты, напротив, уделяли немало внимания вопросу обособления членов предложения. Еще А. А. Потебня отмечал «среднюю функцию» приложения по сравнению с определением и придаточным определительным предложением, а также относительную самостоятельность приложения и его предикативность по сравнению с другими, необособленными членами предложения. Он писал: «Под относительной самостоятельностью приложения следует понимать его большую предикативность сравнительно с собственным определением»⁵.

---

² См. А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II. Харьков, 1888, стр. 104.

³ См. А. Рифтин. О двух путях развития сложного предложения в академском языке. «Советское языкознание», 1937, т. III.

⁴ O. Behaghel. Deutsche Syntax, B. III. Heidelberg, 1928; F. Blatz. Neuhochdeutsche Grammatik, B. II. Karlsruhe, 1896.

⁵ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II, стр. 104.

Наиболее подробно вопрос об обособлении разработал А. М. Пешковский, который первым обратил особое внимание на самые существенные признаки обособления — его интонацию, мелодию, ритм и ударение. Пешковский, так определяет обособленный член предложения: «Обособленным второстепенным членом называется второстепенный член, уподобившийся (один или вместе с другими, зависящими от него членами) в отношении мелодии и ритма и — параллельно — в отношении связей своих с окружающими членами отдельному придаточному предложению»⁶. Одним из условий, способствующих обособлению, Пешковский совершенно справедливо считает объем словосочетания. Однако рассуждения о том, что «нам тем приятнее выделить какую-нибудь группу в самостоятельную ритмическую единицу... чем она обширнее»⁷, кажутся весьма субъективно-психологическими. Здесь мы сталкиваемся со свойственной Пешковскому недооценкой смысловой стороны языка за счет переоценки формальных моментов. Объем обособленной группы, безусловно, способствует обособлению, поскольку больший объем словосочетания дает большие возможности насыщения его смысловым содержанием, которое и приводит к его обособлению с целью подчеркнуть, выделить нечто важное для содержания высказывания.

Совершенно правильно А. М. Пешковский упоминает и нарушение обычного порядка слов как одно из важных условий, способствующих обособлению члена предложения. Это особенно ясно на примере немецкого языка, где обособление члена предложения часто сопровождается его вынесением за рамочную конструкцию. Переходя к рассмотрению отдельных разрядов обособленных членов предложения, Пешковский группирует их как по морфологической принадлежности ведущего слова словосочетания, так и по средствам синтаксической связи этого ведущего слова с остальными членами предложения.

Однако едва ли целесообразно рассматривать обособление с точки зрения наличия обычных средств син-

⁶ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 6. М., 1938, стр. 376.

⁷ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, стр. 381.

таксической связи в предложении, то есть управления, согласования и примыкания. Совершенно справедливо указывали М. Л. Ванслова и И. И. Ревзин на то, что обособление — совершенно особый вид связи, отличающийся от обычных видов синтаксической взаимозависимости слов и словосочетаний в предложении⁸. Это становится особенно ясным на материале немецкого языка, где обособление сопровождается разрушением обычных средств связи, выражающимся в полной независимости организующего слова обособленной группы, его полной нефлексивности. Такое положение мы встречаем при обособлении инфинитивных, причастных и адъективных оборотов и даже порой при обособлении аппозиции. Изменение формы организующего слова оборота в других случаях, как, например, при обособлении именных групп с именем существительным, не зависит от синтаксических связей внутри предложения, а зависит лишь от смысловой направленности предложения.

Несколько непонятной является точка зрения А. М. Пешковского на приложение. С одной стороны, он совершенно правильно критикует распространенное, слишком широкое понимание приложения, не ограниченное структурно и относящее в разряд приложения всякие виды обособленных второстепенных членов, «причем понятие приложения теряет, понятно, всякие грамматические очертания». С другой стороны, приложение рассматривается как «выделенное из однопадежной сочиненной группы существительное»⁹. Здесь совершенно стирается специфика приложения, то есть «определения, выраженного именем существительным и согласующегося с определяемым словом в падеже»¹⁰.

Заслуги А. М. Пешковского в разработке вопроса обособления второстепенных членов предложения в русском языке несомненны, но здесь, как и в других вопросах синтаксиса, Пешковский при тщательной разработ-

⁸ См. М. Л. Ванслова. О связи слов в предложении. «Русский язык в школе», 1952, № 1; И. И. Ревзин. Проблема обособления. «Ученые записки Первого Московского государственного педагогического института иностранных языков», т. VII, 1955.

⁹ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, стр. 380, 387.

¹⁰ «Грамматика русского языка», т. II. Изд. АН СССР, 1954, стр. 553.

ке внешней, формальной стороны вопроса пренебрег семантикой данного явления, и поэтому сущность обособления осталась невыясненной.

А. Г. Руднев, критикуя А. М. Пешковского за недостаточный учет семантико-стилистической роли обособления, дает свое определение обособленного оборота: «Обособленным членом предложения мы называем зависимый член предложения (один или с пояснительными словами), выделяемый при произношении и на письме, который имеет своей целью уточнить или усилить смысловую роль данного члена предложения (посредством пояснения, конкретизации, противопоставления, сравнения и пр.), либо показать для ясности отношений слов в предложении особые синтаксические связи обособляемых слов с определяемым членом предложения»¹¹. Однако, упрекая Пешковского за излишний формализм в понимании и описании явления обособления, Руднев впадает в противоположную крайность и не учитывает структурных моментов обособления.

Специфика приложения заключается в том, что одно имя существительное (в случае обособления — почти всегда с определяющими словами) используется для определения другого имени существительного. Специфика приложения — это сохранение субстантивности при характеристике существительного, выявление его признаков при помощи другого существительного, это «второе название предмета или лица»¹². Местоположение обособленного приложения, его большая соотнесенность с именным сказуемым (что особенно ясно в немецком языке благодаря сходству в употреблении артикла), сама его связь с определяемым существительным путем особого согласования в падеже заставляют выделять этот член предложения в особый тип обособленного словосочетания, а не растворять его во всевозможных иных типах обособленных оборотов.

Интересно подходит к проблеме обособления И. И. Ревзин. «Обособление, — пишет он, — такое средство связи слов в предложении, которое основано на

¹¹ А. Г. Руднев. Обособленные члены предложения. Функции и способы их грамматического выражения в современном русском языке. Л., 1947, стр. 25.

¹² М. Л. Ванслова. О связи слов в предложении. «Русский язык в школе», 1952, № 1, стр. 48.

разрыве приемов организации внутри выступающих в предложении словосочетаний, и в первую очередь примыкания, согласования и (гораздо реже) управления, благодаря чему обособленный член выводится в какой-то мере из-под единой предикации предложения и получает известную самостоятельность»¹³.

Положение о разрыве обычных приемов синтаксической связи при обособлении звучит очень убедительно, особенно в отношении немецкого языка. В русском языке обособленное определение и обособленное предикативное определение согласуются с существительным (ср. *утомленная и больная, она пришла домой и сад, большой и тенистый, раскинулся по склону холма*). В немецком языке во всех случаях обособления, за исключением приложения (где, однако, согласование также не проводится последовательно), имеется полная нефлективность организующих или составляющих компонентов обособленного словосочетания; ср.: *Müde und krank kam sie nach Hause* и *Der Garten, groß und schattig, breitete sich am Hügelabhang aus*.

Очевидно, что здесь имеются какие-то иные средства, связывающие обособленный член с предложением. Это и интонация, и местоположение обособленного словосочетания, и его тесная смысловая связь с общим содержанием предложения, и, наконец, тот несомненный факт, что любая обособленная группа обязательно является в синтаксическом плане членом предложения. Большую роль здесь играют ритмические законы немецкого предложения, а также распространенность коррелята *es*, позволяющего обособлять подлежащее или именной член сказуемого, выраженные инфинитивами оборотами: *Es ist sehr angenehm, im Sommer im Fluß oder im See zu baden*.

Однако совершенно неубедительно звучит положение И. И. Ревзина о том, что обособленный член «выводится из-под единой предикации предложения». (Ревзин критикует определение терминов «предикативность» или «полупредикативность» у ряда авторов. Потебня, Овсяннико-Куликовский, Руднев), но сам он также не раскрывает в достаточной мере эти термины.

¹³ И. И. Ревзин. Проблема обособления. «Ученые записки Первого Московского государственного педагогического института иностранных языков», т. VII, 1955, стр. 168.

Термины «прédикация», «предикативность» или «полупредикативность» до сих пор остаются еще очень неясными и в разном значении используются разными авторами. Так, А. А. Потебня говорил о «большой предикативности приложения сравнительно с собственным определением»¹⁴. Д. Н. Овсянко-Куликовский связывал предикативность с «ощущением силы»¹⁵. А. А. Шахматов писал: «Предикативными отношениями называем, как указано, изъяснительные, т. е. содержащие утверждение или отрицание чего-либо»¹⁶. Все эти определения не раскрывают сущности предикативности или полупредикативности, так как не выходят из сферы логики или семантики.

Интересное и научное определение предикативности и ее структурного выражения в предложении русского языка дает В. В. Виноградов: «Таким образом, значение и назначение общей категории предикативности, формирующей предложение, заключается в отнесении содержания предложения к действительности». И далее: «Общее грамматическое значение отнесенности основного содержания предложения к действительности выражается в синтаксических категориях модальности, а также времени и лица. Именно эти категории придают предложению конкретность и актуальность основного средства общения»¹⁷.

Почти все исследователи обособленных членов предложения указывают на их полупредикативность или дополнительную предикативность. Очевидно, эта полупредикативность должна обозначать большую смысловую нагрузку обособленного члена по сравнению с необособленным, его большую значимость в рамках высказывания.

Понимание предикативности предложения как наличия категорий модальности, времени и лица не ограничивается, конечно, каким-либо отдельным членом предложения, а распространяется на все предложение в целом.

¹⁴ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II, стр. 104.

¹⁵ Д. Н. Овсянко-Куликовский. Синтаксис русского языка. СПБ, 1912, стр. 74—77.

¹⁶ А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Л., 1941, стр. 29.

¹⁷ «Грамматика русского языка», т. II. Изд. АН СССР, стр. 80.

Об этом свидетельствуют и указания на то, что спрягаемая форма глагола, которая представляется природным выразителем этих категорий,— не единственное средство и что предикативность может быть выражена «морфологическими, конструктивно-сintаксическими и интонационно-сintаксическими» способами¹⁸.

Все это заставляет думать, что предикативность предложения распространяется на все предложение в целом, на все его члены, которые в той или иной степени участвуют в предикативности предложения, в выражении категорий модальности, времени и лица. Будучи членами предложения, то есть входя в синтаксическую группу подлежащего или сказуемого, все члены предложения участвуют в построении предложения как единицы оформления и выражения мысли, единицы коммуникативного значения. Поэтому не следует и обособленные члены выносить за общую предикацию предложения.

Учитывая синтаксические функции обособленных словосочетаний, их морфологическую природу и их связь с остальными членами предложения, мы считаем возможным провести рассмотрение обособленных словосочетаний в немецком языке в следующем порядке: 1) рассмотрение именных обособленных словосочетаний субстантивного характера и 2) рассмотрение обособленных оборотов с организующими словами — прилагательным, причастием и инфинитивом.

Такое рассмотрение мы считаем возможным и оправданным, так как организующие слова второй группы отличаются при образовании обособленных оборотов характерными особенностями: они остаются нефлективными, обладают способностью управления и могут, таким образом, образовывать распространенные обороты, а также имеют сходство в синтаксических функциях.

В данной статье мы ограничимся рассмотрением обособленных субстантивных словосочетаний в современном немецком языке.

I

Сравнительно редко обособляется имя существительное в именительном падеже. Здесь на первом месте сто-

¹⁸ «Грамматика русского языка», т. II, стр. 82.

ит «абсолютный именительный», то есть такая грамматическая форма, которая не выполняет в предложении функции подлежащего или именной формы сказуемого и не является аппозицией к подлежащему или к именной части сказуемого. Такой именительный падеж синтаксически не связан с остальными членами предложения; выполняя обычно функции обстоятельства или предикативного определения, он вставляется в предложение как готовая конструкция. Очень часто именительный падеж имеет при этом определяющие слова.

«Абсолютный именительный» не всегда обязательно обособляется; как и вообще в большинстве случаев, обособление зависит здесь от замысла автора. Однако грамматическая независимость «абсолютного именительного» в предложении, его несвязанность с другими членами предложения, конечно, способствуют его обособлению, например:

Sie stand ganz Ohr (именительный не обособлен).

Sie standen im Schnee, um sie die stillen Steine и
Er hatte sie vom Herzen geküßt, halb Wirbelwind, halb Melancholicus («абсолютный именительный» обособлен).

Интересен случай обособления именительного падежа в функции подлежащего, который встречается также и в русском языке. В таком случае подлежащее, выраженное существительным или рядом существительных, ставится обычно в начале предложения; затем оно еще раз повторяется, как бы суммируется, в виде местоимения:

Дети, они это любят — Die Kinder, sie haben es gern;
Die Kinder, die haben es gern.

Das war doch Verrücktheit, glatte, blanke Verrücktheit dieser Selbstquälerei.

Наиболее часто обособленный именительный падеж встречается в немецком языке, как и в русском, в функции самостоятельного приложения. В грамматической литературе понятие приложения чрезвычайно расширяется и всякий обособленный оборот, связанный так или иначе с именем существительным, рассматривается как аппозиция, независимо от его структурных, семантических и синтаксических особенностей. Характерна в данном случае точка зрения А. Г. Руднева, который рассматривает как обособленное приложение следующие конструкции: 1) *Она села на свой диванчик, рядом с*

Левиным; 2) Другой, близкий Анне, кружок...; 3) Все выходило нарочно, непросто; 4) Барон вел процесс, то есть заставлял какого-то чиновника писать бумаги; 5) На другой день, часов в восемь¹⁹.

Мы считаем возможным ограничить понятие аппозиции и понимать под этим термином особое определение к имени существительному или к местоимению, выраженное одним существительным, а чаще словосочетанием, ведущим словом которого является имя существительное. Средством связи приложения с определяемым словом является согласование в падеже. Для немецкого языка и это согласование не обязательно, то есть аппозиция выражается тогда так называемым «общим» падежом или исходной формой существительного²⁰. Обычно такой «общий» падеж, совпадающий по форме с именительным падежом, указывает на соотнесенность аппозиции с подлежащим или с именным членом сказуемого. Однако встречаются случаи и соотнесенности этого падежа с иными членами предложения, стоящими не в именительном падеже, например:

Das Grau seiner Augen wurde stumpf, als er an den Mann dachte, zu dem er jetzt gehen mußte, dieser Mann aus Röders Abteilung.

Er legte seine Hand auf Labjaks Kopf, glatter, fester Kegelkopf.

Особенно часто эта форма аппозиции, снимающая согласование в падеже с определяемым существительным, встречается в подзаголовках книг и статей; ср. *Grundriß der Physik und Meteorologie von Dr. J. Müller, korrespondierendes Mitglied.*

Семантические взаимоотношения обособленного приложения с определяемым существительным могут быть самыми разнообразными. Так, аппозиция может выражать эпитет: Und der Aufgeregte enteilte mit Klärchen, dem Kätzchen.

Аппозиция часто является выражением наиболее важного признака определяемого существа: Ein so großer

¹⁹ См. А. Г. Руднев. Обособленные члены предложения. Функции и способы их грамматического выражения в современном русском языке, стр. 35.

²⁰ O. Erdmann, O. Mensing. Grundzüge der deutschen Syntax nach ihrer geschichtlichen Entwicklung. Stuttgart, 1898, S. 118.

Sohn, ein erwachsener Student, das kompromittiert mich ja geradezu.

Аппозиция может употребляться с целью раскрытия значения иностранного слова: Ich bin das Faktotum in diesem Hause, die rechte Hand, wie man es zu nennen pflegt.

Очень часто аппозиция раскрывает значение понятия, заключенного в определяемом слове. Особенно ясно это ее назначение в тех случаях, когда она поясняет местоимение, которое само по себе не может раскрыть полное содержание обозначаемого им понятия:

Und wie glücklich hat ihn das gemacht, diese Ruhe und dieser Frieden!

Ich liebe ihn, meinen zweiten Sohn, wahrlich nicht weniger als dich, meinen Erstgeborenen.

Иногда аппозиция как бы обобщает значение нескольких понятий, выраженных несколькими подлежащими или дополнениями: Sie schätzte daran nur die Opern, die Konzerte, die Musikabende daheim, diese künstlerischen Genüsse, die man anderswo nicht haben konnte.

Аппозиция может причислять определяемое слово к словам с более широким понятием, то есть относить определяемое слово к какому-либо виду понятий: Mein guter Freund, ich bin eine einfache alte Frau ohne Ansprüche, ein Mensch wie andere mehr.

Аппозиция может пояснять, уточнять содержание понятия определяемого слова: Denn ein unangenehmer, ein kränkender Scharfblick ist das, ein Scheelblick vielmehr.

Аппозиция может в одном слове или словосочетании суммировать все ранее сказанное, объясняя его и являясь важным этапом повествования: Er legte seine Zigarette weg, ein Zeichen, daß er sich entschlossen hatte, sehr einst zu werden.

Важность аппозиции для высказывания становится особенно ясной, когда данная аппозиция поясняет такие слова, как неопределенные местоимения alle, alles, viele, manche и прочие, которые заключают в себе большое по объему понятие, но совершенно не раскрывают его: Er hatte alles Andere vergessen, alle bösen Worte, die er gehört, alle guten Absichten, die er mitgebracht hatte.

В форме обособленного словосочетания аппозиция может передать содержание мысли, чрезвычайно важной для всего повествования в целом, мысли, являю-

щейся, собственно говоря, ведущей для данного повествования: Auch sie hatte Unruhe hierher geführt, die Lebensbeunruhigung durch ein Ungelöstes und ungeahnt groß heranwachsendes Altes, der unwiderstehliche Wunsch, es wieder aufleben zu lassen.

В другом случае appозиция может заключать в себе передачу социального положения, профессии, родственных связей или даже собственное имя:

Das hörte er gern, ihr Albert.

...von meiner Schwester, der Ärztin.

Признак, передаваемый appозицией, может быть полной противоположностью свойств лица или предмета, переданных в понятии определяемого слова: Keine Spur mehr das ernste Wesen von vorhin, ganz das erwartungsfrohe Kind.

Наконец, appозиция может быть стилистическим средством эмоционального подчеркивания какого-либо слова путем его повторения: Er glaubte allmählich ein Lächeln in dem toten Stein zu erkennen, ein geheimnisvolles Lächeln...

Именительный падеж употребляется также в обособленном сравнении с союзами wie и als. В русском языке сравнение почти всегда обособляется, что находит свое выражение как в интонации, так и в пунктуации. В немецком же языке сравнение, как правило, не обособляется, например:

Es erben sich Gesetz und Rechte wie eine ewige Krankheit fort!

Sie lag mit geschlossenen Augen und zuckenden Lippen blaß wie eine Tote und rührte sich nicht.

Обособление сравнительных оборотов встречается и в немецком языке, но не как обязательное синтаксическое явление, а лишь по замыслу и желанию автора, например:

Die Tür ist geschlossen, wie vorher — wie ist sie aus dem Gemach entflohen?

Hastig, wie in der Furcht, auf einem Verbrechen ertappt zu werden, verschloß sie die Briefe.

Имя существительное в сравнении согласуется в падеже с тем существительным, с которым сравнивается, и может, таким образом, выступать в любом падеже и даже с предлогом, например: Manchem, wie G. und mir, fällt das leicht.

Весьма часто субстантивные словосочетания обособляются в форме винительного падежа («абсолютный винительный»). Эта конструкция вставляется в предложение в виде готовой грамматической структуры, состоящей из существительного в винительном падеже и в большинстве случаев из предложного сочетания или прилагательного;ср. *Sie trat, den Kopf hoch, an den ersten Tisch.*

Семантически «абсолютный винительный» всегда связан с подлежащим, характеризуя его с точки зрения внешности, принадлежностей туалета и т. п. Это может быть также и обстоятельственная характеристика. Синтаксически «абсолютный винительный» в большинстве случаев рассматривается как предикативный атрибут, так как осуществляет в предложении двухстороннюю связь: с одной стороны, как всякое обстоятельство, он характеризует сказуемое, с другой — непосредственно связан с подлежащим, определяя какой-либо его признак. Рассматриваемая конструкция чужда русскому языку и переводится на него главным образом при помощи предложных конструкций или деепричастного оборота. Положение «абсолютного винительного» внутри предложения может быть различным. «Абсолютный винительный» может стоять:

непосредственно после подлежащего: *Christine, den kleinen Georg auf dem Arm, stand am Waldrand;*

непосредственно после сказуемого: *Sie zögerte, das Blatt in der Hand;*

в начале предложения: *Die eine Hand lässig in der Hosentasche, stand er da.*

Хотя винительный чаще всего стоит в начале обособленной группы, однако и здесь бывают отступления: *...versetzte sie, in der Stimme ein feindliches Beben der Genugtuung...*

Более редки случаи, когда «абсолютный винительный» не содержит что-либо, непосредственно относящееся к подлежащему, а характеризует больше внешние условия протекания действия, например: *Eg sa³, das Fenster im Rücken, in einem Lehnsessel.*

Существительное в винительном падеже иногда обособляется в предложении и в иной функции — как об-

стоятельство времени. Эта конструкция также не зависит по форме от других членов предложения, не управляется глаголом, но ее структура, семантические связи и синтаксическая функция иные, чем у «абсолютного винительного». Ср.:

...da hat sie gesessen, jede freie Stunde, bis in die Nacht hinein.

Ich habe mich mit blutendem Herzen verstellt, die ganze Zeit.

Субстантивная группа может также обособляться в том случае, если существительное в ней представлено артиклем или местоимением, например: Inzwischen erfand er selbst ein Spiel mit Leeren Bierflaschen, die er den Rasen hinunterwarf, eine immer weiter als die andere.

III

Имя существительное чрезвычайно часто обособляется в немецком языке в виде предложной конструкции. Семантические взаимоотношения этих предложных сочетаний с другими членами предложения могут носить самый разнообразный характер.

Наиболее часто предложные сочетания обособляются в функции обстоятельства. Это вполне закономерно, так как основная функция предлогов — выявление всевозможных обстоятельств, характеризующих протекание глагольного действия или сопровождающих это глагольное действие.

Обстоятельства могут быть самого разнообразного характера, соответственно и предлоги, выступающие в обособленных конструкциях, тоже могут быть самые разнообразные; однако можно наметить и некоторые закономерности. Так, например, часто обособляется конструкция с предлогом *ohne*:

Ich glaube's Ihnen, ohne feierlichen Schwur.

...meinte er einfach, ohne seinen bisherigen Spott.

Вообще обособления с этим предлогом встречаются часто как в развернутых конструкциях, так и в очень кратких сочетаниях, состоящих из предлога и имени существительного.

Обособленные предложные сочетания стоят в большинстве случаев за рамкой, подтверждая таким обра-

зом один из наиболее характерных признаков и способов обособления:

...fuhr sie fort, immer in demselben schleppenden und hoffnungslosen Ton.

Ihr Gesicht war gleichmütig, trotz der ernsten Aussprache von vorhin.

Hat er Ihnen denn nicht Geldmittel zur Verfügung gestellt, auf meinen eigenen Wunsch?

Ich blieb fest, aus Konsequenz.

Однако предложное сочетание может располагаться и внутри предложения, часто даже перед сказуемым, сдвигая его на непривычное для него место, например:

Nun, gegen Ende der Tafel, war deren Stuhl leer und der ihres Mannes auch.

Diederich, ihm gegenüber, machte sich strammer...

Но предложный оборот может занять в предложении место, которое ему свойственно и без наличия обособления, например: Es ging ihr, in einer ganz sonderbare Ruhe, durch den Kopf.

Обособлению предложного сочетания могут способствовать некоторые структурные и семантические обстоятельства. Так, например, наличие последующего придаточного предложения может способствовать обособлению предложного сочетания:

Was war das für ein Gesichtsausdruck gewesen, in dieser Sekunde, in der er sich unbeobachtet wähnte?

Aber ihm tönte, von dort her, wo er gewesen war, eine starke, glockenklare Stimme nach.

Обособлению может способствовать наличие так называемых «двойных союзов»:

Heute stand sie ihm nicht mehr nach, weder in der Kunst, noch im Leben.

Der Mann traut seinen Augen nicht, und teils aus Haß, teils aus Gier, noch einmal seine Kräfte zu erproben, er greift zu.

Иногда обособлению предложной конструкции способствует наличие усилительных элементов в самом предложном сочетании:

Aber etwas Verhaltenes lag doch darauf, selbst in dem höchsten Jubel ihrer Herzen.

...ich glaube, man würde dieselben Dummheiten wieder machen, höchstens in anderer Form.

Обособленные конструкции служат иногда для раскрытия, уточнения значения предыдущего слова. В таком случае они тесно соприкасаются с однородными членами предложения однопланостью содержания с предыдущим словом или словосочетанием. Однако однородные члены предложения, как известно, отвечают на один и тот же вопрос, выполняют одну и ту же синтаксическую функцию в предложении и связаны между собой обязательно отношением сочинения, а не подчинения. В рассматриваемом нами случае обособленный член предложения не стоит в одинаковом семантическом отношении к одному и тому же члену предложения, а является лишь уточнением, дальнейшим раскрытием содержания какого-либо члена предложения. Такие обособления связываются со словами, к которым они относятся, также не отношением сочинения... Примеры уточняющих обособлений:

Mit der ordinären Post von Gotha trafen an diesem Tag, morgens kurz nach 8 Uhr, drei Frauenzimmer vor dem renommierten Hause am Markte ein.

Dann, nach einigen Minuten, klang es halb zag, halb trotzig aus den Klassen.

Oben, an der Etagentür, zog er heftig die Klingel.

...was lag heute, in dieser Stunde, daran, ob ein paar Leute das komisch finden.

Er ließ die fragenden Blicke an den Wänden des Zimmers umherwandern, vom Plafond bis zum Fußboden.

Обособленные предложные конструкции могут выступать в роли атрибута, относясь лишь к одному существительному. Такая их функция, однако, представляется мало распространенной. Ср.: Die blauen Augen der Frau, von distingierter Mattigkeit, blickten an dem Kellne vorbei.

Обычно такие конструкции встречаются в функции не просто атрибута, а предикативного атрибута; их определяющая сила не ограничивается одним лишь существительным, а распространяется и на сказуемое; ср.: Einer nach dem andern erhob sich wieder, mit übernatürlich glänzenden Augen, um stehend und in voller Rüstung zu sterben.

Являясь сопутствующей характеристикой действия, эти словосочетания в то же время характеризуют подлежащее:

Sie schaute zu ihm auf, mit einem unsteten, scheuen Ausdruck in den Augen.

Sie lächelte schwach, mit gesenkten Lidern.

Для таких обособлений характерны главным образом союзы mit и in;ср.: G. kam auf ihn zu, in dunklem Hut und dunklem Schleier.

Как и необособленный предикативный атрибут, обособленный предикативный атрибут, выраженный именной предложной группой, значительно реже относится к прямому дополнению: Die Wildnis hatte ihn, allein unter den Tieren, das Schweigen gelehrt.

Предложные конструкции встречаются также и в функции дополнения, но значительно реже, чем в функции обстоятельства или даже предикативного определения. Это и понятно, так как дополнение, являясь структурно необходимым членом предложения и будучи тесно связанным с глаголом, имеет меньшую тенденцию обособляться. Интересно отметить, что такие обособленные предложные дополнения, как правило, стоят за рамочной конструкцией, этим еще лишний раз подчеркивая свое необычное положение:

Der Verkauf konnte ja mißverstanden werden, von jemand, der sie nicht genau kennt.

Halb hat er sie schon verrückt gemacht, mit den Unglücksbriefen.

Eine Zeitlang hatten sie noch miteinander gesprochen, von Afrika, von seinen Plänen, von ihren gemeinsamen Zielen.

Существительное без предлога в функции дополнения обособляется чрезвычайно редко.

Иногда встречается обособленная предложная конструкция с модальным значением, то есть не являющаяся обычным членом предложения, а выражающая отношение говорящего (пишущего) к содержанию высказывания: Sicher ist eine Ehe wie die unsere selten, ohne einen Vorbehalt.

Все приведенные случаи обособления субстантивных групп давали возможность определить синтаксическую функцию обособленного словосочетания. Однако в языке встречаются слова или словосочетания, выделенные интонационно и занимающие самостоятельную позицию в предложении, синтаксическую функцию которых определить очень трудно. Такие случаи обычно

рассматриваются как «изоляция»²¹. Сюда причисляются абсолютные инфинитивы и абсолютные причастия типа *so zu sagen, eingeschlossen, ausgenommen* или случаи, подобные следующему:

Und sie, wie sie ist, zieht sie durch die Stadt.
Hausschuhe, Morgenrock, geht sie ins Tivoli.

* * *

Таким образом, наблюдения над обособленными субстантивными конструкциями в немецком языке показывают, что имя существительное обособляется чаще всего, не будучи единственным, а образуя словосочетания, где существительное является ведущим словом. Эти наблюдения показывают также, что обособленные субстантивные словосочетания могут выполнять в предложении разнообразные синтаксические функции, выступая как аппозиции, определения, обстоятельства, предикативные определения (предикативные атрибуты) и, значительно реже, дополнения. Ведущее имя существительное обособленной субстантивной группы может выступать в разнообразных падежах, начиная с именительного, далее в винительном, дательном и родительном, чаще всего с предлогом. Местоположение субстантивного словосочетания внутри предложения по отношению как к определяемому слову, так и к сказуемому может быть также различным.

---

²¹ См., например, Е. И. Шендельс. Грамматика немецкого языка. М., 1954, стр. 294.

ФУНКЦИЯ ГЛАГОЛА RENDRE В СОЧЕТАНИИ С ПРЯМЫМ ДОПОЛНЕНИЕМ И ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМ

Одной из актуальных проблем французской грамматики остается изучение категории служебных глаголов. Как и в других языках романской группы, развитие служебных глаголов во французском языке идет по определенным сложившимся или заимствованным из народной латыни структурным моделям.

Наиболее продуктивной моделью образования служебных глаголов в современном французском языке можно считать конструкцию глагола в личной форме с инфинитивом другого глагола. В современном французском языке насчитывается около тридцати глаголов, выполняющих служебные функции в сочетании с инфинитивом; эти глаголы обладают не только высокой степенью лексической абстракции, но и семантикой, благоприятствующей выполнению ими функций грамматического показателя.

В зависимости от семантических особенностей глаголы могут выражать: модальные оттенки действия (*devoir*, *rouvoir*, *vouloir*, *songer à*, *compter*, *savoir*, *sembler*); видовые оттенки действия (*venir*, *aller*, *se prendre à*, *penser*, *croire*, *faillir*, *manquer*, *se mettre à*); залоговые отношения между действием и субъектом (*faire*, *laisser*); временные категории (*aller*, *venir de*). Немаловажное значение для развития служебных функций глаголов в сочетании с инфинитивом имеет также характер семантической связи компонентов, в частности степень семантической совместимости компонентов. При наличии со-

ответствующего значения инфинитива становится возможным выражение в сочетании единого, неразложимого процесса.

К непродуктивным моделям образования служебных глаголов следует отнести сочетание глагола в личной форме (например, *aller*, *venir*) с герундием. Эти конструкции с видовым значением прогрессивного развития действия (в частности, сочетание глагола *aller* + герундий) весьма часто встречаются в текстах раннего периода французского языка. В современном же французском языке такие конструкции мало распространены.

К непродуктивным моделям относится также конструкция глагола в личной форме с пассивным причастием. Во французском языке известны лишь два глагола — *avoir* и *être*, образующие с пассивным причастием временные, аналитические формы; эти конструкции унаследованы от народной латыни.

В данной статье рассматривается сочетание «глагол в личной форме с прямым дополнением и прилагательным», широко представленное во французском языке глаголом «*rendre* qch. + adj.».

В практике изучения французского языка встречаются трудности в трактовке данной конструкции. Неясно, как следует рассматривать это сочетание: как грамматическую конструкцию, где глагол *rendre* выполняет служебную функцию, или как обычное лексическое свободное словосочетание, где глагол *rendre* употребляется не в основном своем лексическом значении, а в переносном.

Наблюдение над употреблением французских глаголов-связок заставляет предполагать наличие связочных функций в употреблении глагола *rendre* в вышеприведенной конструкции. В самом деле, если взять такие сочетания, как: *être célèbre* (быть знаменитым), *devenir célèbre* (стать знаменитым) и *rendre célèbre* (сделать знаменитым), то в этих трех случаях можно найти общую функцию глаголов — выражение способа проявления признака. Глагол *être* характеризует качество деятеля как постоянное; глагол *devenir* характеризует это качество как приобретаемое; глагол *rendre* характеризует качество, приобретаемое объектом в результате воздействия на него извне.

Формальное различие в связочной функции этих глаголов заключается в том, что в отличие от *être* и *devenir*, глагол *rendre* — переходный, и, следовательно, употребляясь с прилагательным, он характеризует прежде всего объект, а не деятеля. Это, в частности, подтверждается тем, что глагол *rendre* с прилагательным может употребляться только с прямым дополнением, что и обусловило закрепление в языке конструкции «*rendre* + прямое дополнение + прилагательное». Отдельные случаи употребления глагола *rendre* с прилагательным без дополнения не составляют правила. Эти случаи встречаются обычно в предложениях типа поговорок или афоризмов: *tout comprendre rend très-indulgent*;ср. также *le besoin rend industrieux*. (Mme de Staél).

Но и в этих примерах мысленно имеется в виду объект — человек. Для выяснения характера употребления глагола *rendre* в рассматриваемом сочетании необходимо напомнить о семантической структуре этого глагола. Глагол *rendre* произошел от латинского глагола *reddere* (префикс *re-*, корень *-dare-* — «давать») и в современном французском языке является глаголом очень широкого значения. Его основными эквивалентами в русском языке могут быть: 1) отдавать, возвращать, вручить; 2) сдавать, выдать, уступать; 3) производить, приносить; 4) выделять; 5) возвращать, оказывать; 6) отплатить; 7) выражать, передавать; 8) представлять, изображать; 9) постановлять; 10) приводить; 11) обратить; 12) нести, везти; 13) упустить¹.

Будучи глаголом переходным, *rendre* образует в сочетании с существительным ряд устойчивых словосочетаний типа: *rendre justice*, *rendre raison*, *rendre visite*, *rendre le souff'e*, *rendre compte* и др.

В современном французском языке глагол *rendre* является одним из наиболее употребительных глаголов. Этот глагол настолько далеко отошел от своего первоначального значения — «отдавать, возвращать», что превратился в своеобразное служебное слово, выражающее общую идею — «выражать, проявлять»².

¹ E. Littré. *Dictionnaire de la langue française*. Paris, 1874; P. Larousse. *Grand dictionnaire universel du XIX siècle*. Paris.

² Quillet. *Dictionnaire de la langue française; dictionnaire méthodique et pratique*. Paris, 1946.

Несмотря на богатую полисемию глагола *rendre*, вряд ли можно отнести его безоговорочно к разряду служебных слов. Во французском языке нет глаголов, которые функционировали бы лишь как служебные. Французские глаголы приобретают служебные функции лишь в определенных синтаксических сочетаниях.

Из всего многообразия лексических значений глагола *rendre* не представляется возможным выделить лишь одно его основное значение. Наиболее правильным, как нам кажется, было бы выделить два основных его значения: первое (оно было и исходным) — «отдавать, возвращать»; второе (выкристаллизовавшееся в течение длительного периода истории французского языка) — «выражать, проявлять». Именно в этом направлении, как справедливо отмечает Кийе, происходило расширение семантической емкости глагола *rendre*. На наш взгляд, было бы правильнее дать в словаре не механический перечень всех значений этого глагола, а сгруппировать эти значения и отгнеки значений вокруг двух приведенных выше семантических стержней, то есть изложить значение глагола *rendre* не в одной, а в двух словарных статьях.

Трудно сказать, которое из этих двух основных значений является превалирующим. Наблюдения над употреблением данного глагола в современном французском языке не дают четкого ответа на этот вопрос. Очевидно, для этого требуется тщательный статистический анализ частотности употребления данного глагола, что далеко выходит за рамки одной статьи.

Наибольший интерес представляет развившееся новое основное значение глагола *rendre*, которое и способствовало развитию его служебной функции — функции глагола-связки со значением «делать, приводить в состояние» при дополнении в именном сказуемом. Рассмотрим, в чем заключается связочная функция глагола *rendre* при дополнении и каково его место среди других глаголов, выполняющих функции глагола-связки.

Во французском языке насчитывается большое число глаголов, способных функционировать в роли связки. Чаще всего это глаголы движения (*partir, entrer, s'en aller, se lever*) и глаголы состояния или перехода в другое состояние (*devenir, se sentir, rester être, se tenir, tomber*). Функции связочных глаголов французского

языка в основном заключаются либо в обозначении наличия признака (как правило, при помощи глагола *être*), либо в обозначении возникновения признака (переход из одного состояния в другое, внешнее проявление признака, присвоение признака как имени, рода деятельности и т. д.). В этой последней функции употребляется большая группа глаголов и среди них такие, как *venir*, *rester*, *devenir*, *se faire*, *se sentir*, *paraître*, *sembler*, *se tenir*, *tomber*, *s'appeler*.

Кроме глаголов общего значения типа *être*, *devenir*, *rester*, в роли связки широко употребляются и глаголы конкретного значения типа *s'éloigner*, *s'arrêter* и др. Конкретное значение данных глаголов несколько стирается. Именно в этом проявляется двойственная функция глагола конкретного значения в роли связки. С одной стороны, сохраняя свое лексическое значение, эти глаголы определяют подлежащее, например обозначают реально осуществляемое деятелем движение; с другой стороны, в этих глаголах, связывающих подлежащее с именной частью, выражается способ проявления признака независимо от конкретного лексического значения глагола-связки. Ср.: в русском языке: *Он ходит большой*; во французском: *Il partait triste*.

Имея в виду этот двойственный характер глагола в именном сказуемом, многие исследователи называют такое сказуемое условно «двойным сказуемым» (Шахматов, Смирницкий и др.).

Что касается предикатива именного сказуемого, то он практически может выражаться почти любой частью речи (существительным, прилагательным, местоимением, причастием, глаголом, числительным).

В роли связки, как уже было сказано выше, употребляются не только глаголы непереходные, но и глаголы переходные. Употребление переходного глагола во французском языке без его прямого объекта крайне затруднительно. Предикативный признак будет относиться не к подлежащему, а к дополнению. Двойственный характер глагола будет, таким образом, заключаться в том, что он является одновременно сказуемым в предложении и связочным глаголом при дополнении. Л. И. Илия отмечает, что связочными глаголами при до-

полнении могут быть глаголы суждения: *trouver, croire, appeler*³.

К этой группе можно добавить еще целый ряд глаголов различных семантических уровней. Среди них прежде всего глаголы общего значения — *rendre, faire*, а также такие весьма широко распространенные глаголы конкретного значения, как: *créer, pourvoir, élire, choisir, couronner, juger, dire, proclamer, peindre, baptiser, appeler, porter*.

Признак объекта действия (форма, качество, роль и др.) может выражаться и без связочных глаголов. Чаще всего это достигается при помощи аффиксации глаголов *grossir, obscurcir, grisier, égaliser, neutraliser, cesser, attendrir, éclaircir, enivrer, enrichir, assujettir, assourdir, assouplir, assainir, attrister* и многих других.

Однако, имея в виду ограниченные возможности аффиксации глаголов во французском языке по сравнению с языками флексивного строя, можно понять возникновение в языке конструкций типа «*rendre* + прямой объект + прилагательное». Нельзя, например, из прилагательного *possible* или *capable* получить глагол для присвоения объекту желаемого признака. С другой стороны, если глагол не содержит того признака, который должен перейти на его объект, то с этим глаголом употребляется специальное слово, присваивающее нужный признак объекту. Наиболее широкое распространение для данных целей получил глагол *rendre*. Синонимичным глаголом в этой функции является *faire*. Предикативом дополнения связочных глаголов могут быть существительные, прилагательные, причастия, а также другие части речи. С глаголом *rendre* употребляется преимущественно прилагательное. Встречается также, но значительно реже, употребление пассивного причастия и весьма редко употребление причастия настоящего времени (формы на *-ant*).

Ф. Брюно пишет, что употребление этих последних в качестве предикатива дополнения с глаголом *rendre* было широко распространено в языке до XVI века⁴.

³ Л. И. Илия. Грамматика французского языка. М., 1955, стр. 210

⁴ Г. Brunot. La pensée et la langue. Paris, 1922, p. 627.

Ограничение в употреблении этих конструкций А. Доза объясняет распространением во французском языке конструкций служебного глагола *faire* с инфинитивом⁵. С глаголом-связкой *rendre* сочетаются прилагательные очень широкого лексического круга, при этом как качественные, так и относительные. Перечень встретившихся прилагательных в сочетании с *rendre* не позволяет говорить о каких-либо ограничениях в семантических связях глагола *rendre* с ними; ср.: *heureux, déiant, commode, praticable, navigable, vigoureux, triste, ennuyeux, durable, florissant, soupconneux, misérable, inutile, doux, redoutable, difficile, ignomineux, discret, grand, libre, odieux, ridicule, injuste, supérieur, mauvais, probable, nécessaire, malade, digne, célèbre, pur, familier, amer, vraisemblable, content, catholique, curieux* и др.

Практически с глаголом *rendre* может сочетаться любое прилагательное. Правда, следует оговориться, что сочетания глагола *rendre* с прилагательными, обозначающими цвет, в рассмотренных текстах не встретились. Но такие сочетания в определенном контексте возможны; ср. *Les ténèbres rendaient le ciel encore plus poïg*. Однако в этом случае слово *poïg* обозначает цвет не как физическое свойство предмета, а скорее имеет переносное значение — «темный».

Неограниченные семантические связи глагола *rendre* с прилагательными объясняются тем, что этот глагол среди глаголов в функции связки при объекте выступает с максимально ослабленным лексическим значением. Если проследить связи с прилагательным у таких глаголов, как *juger, proclamer, peindre, appeler* и других, то можно убедиться, что лексический круг прилагательных менее широк, чем в случае с глаголом *rendre*. Эти глаголы в функции связки ослабляют свое лексическое значение лишь в весьма незначительной степени (ср. *Op le jugea inutile*).

Возможности семантической совместимости компонентов в сочетаниях с этими глаголами могут быть ограничены. Для глаголов такого рода служебная функция глагола-связки не является типичной, это лишь их функция в сочетании с определенными типами прилагатель-

⁵ A. Dauzat. *Phonétique et grammaire historiques de la langue française*. Paris, 1950, p. 278.

ных. Для полнозначного глагола, выполняющего роль связки, не обязательно ослаблять лексическое значение в силу самого назначения глагола-связки — соединять слово, обозначающее предмет, со словом, обозначающим признак этого предмета. Что касается глагола *rendre*, то для него функция связки является типичной, настолько он десемантизирован лексически. Функция связки является его основным качеством в сочетании с прилагательным. Эту функцию связки глагол *rendre* выполняет как в действительном, так и в страдательном залоге, например:

Celui-ci (le développement) n'est en effet rendu possible tant d'abord que par les progrès de la division du travail... („La critique nouvelle“, déc. 1957, № 91, p. 60).

Pratiquement, cela revient à prolonger la guerre et à rendre plus difficile dans l'avenir une solution franco-algérienne („L'Humanité“, 1. II. 58, p. 1).

В пассивной конструкции глагол *rendre* выполняет роль связки при подлежащем, которое было дополнением в той же конструкции действительного залога.

В роли связки при дополнении глагол *rendre* встречается как в положительной, так и в отрицательной форме, при этом он употребляется практически во всех простых и сложных формах времени.

Решая вопрос о том, является ли *rendre* служебным глаголом, необходимо уточнить, является ли сочетание «*rendre* + прямое дополнение + прилагательное» сложившейся структурной моделью, грамматической конструкцией или же это простое, свободное синтаксическое сочетание слов.

Наблюдение над употреблением данного сочетания во французском языке говорит за то, что «*rendre* + прямое дополнение + прилагательное» стало специализированной грамматической конструкцией, в которой глагол *rendre* служит для выражения признака объекта. Порядок следования компонентов в данной конструкции не является решающим признаком ее структурной устойчивости. В подавляющем большинстве случаев конструкция употребляется в следующем порядке: «*rendre* + прямое дополнение + прилагательное». Однако встречается немало примеров, где прямое дополнение следует не за глаголом, а за прилагательным. И в том, и в другом случае служебная функция глагола *rendre* не изме-

няется. Однако в зависимости от конкретного значения компонентов изменение места дополнения может приводить к изменению смысла сочетания; ср.: *Ils ont rendu cette belle ville* (они сдали этот прекрасный город) и *Ils ont rendu cette ville belle* (они сделали красивым этот город).

Тот факт, что данное сочетание стало специализированной грамматической конструкцией, подтверждается, например, тем, что возможное в принципе аналогичное свободное словосочетание встречается весьма редко. Без контекста, например, трудно понять смысл предложения типа *il a rendu ce livre sale*. Это предложение может означать *он вернул эту книгу грязной, он вернул эту грязную книгу, он сделал эту книгу грязной, он испачкал эту книгу*. Во избежание неясности смысла авторы, очевидно, избегают употреблять «*rendre* + прямое дополнение + прилагательное» как свободное сочетание слов: последнее вытесняется из употребления омонимичной, специализированной грамматической конструкцией. О грамматизации данного сочетания свидетельствует и еще одно важное обстоятельство — сочетаемость глагола *rendre* с такими компонентами, лексическое значение которых исключает образование аналогичных свободных синтаксических сочетаний, например: *rendre les hommes discrets; rendre son âme rassurée; rendre son existence heureuse*. Характерно также и то, что, в отличие от свободных синтаксических сочетаний, в рассматриваемых конструкциях глагол *rendre* не способен выполнять роль самостоятельного члена предложения, а является лишь частью именного сказуемого.

Конструкция *rendre* с прилагательным успешно конкурирует в языке с простыми глаголами, выражающими аналогичный признак; ср.: *attrister* и *rendre triste*, *enrichir* и *rendre riche* и др. Она встречается в произведениях различных жанров, в стихах и прозе.

Рассматриваемую конструкцию нельзя причислять к фразеологическим единицам типа *rendre le souffle*, *rendre compte*. Основное отличие грамматической модели от фразеологической единицы заключается в некотором характере значения последней. Уже простое сопоставление таких единиц, как *rendre le souffle* (испустить дух), *rendre compte* (сделать отчет), *rendre visite* (нанести визит), и сочетаний типа *rendre riche* (обога-

тить), *rendre triste* (опечалить), *rendre heureux* (осчастливить) говорит о различии уровней сочетаний и о их несопоставимости. В первом случае речь идет о трех совершенно разных понятиях, ничего не имеющих между собой общего. Во втором случае речь также идет о трех совершенно разных понятиях, но сходных между собой по способу выражения понятия.

Для сочетаний *rendre* с прилагательными, различных по лексическому значению, характерно одно общее свойство — способ выражения признака. Это свойство является свойством грамматического плана и выражается служебной функцией глагола *rendre*.

В данной конструкции глагол *rendre* является служебным словом, служебным глаголом. Но служебные глаголы, как и все служебные слова, не в одинаковой степени грамматизованы. Глагол *rendre* служебный отличается от глагола *rendre* полнозначного лишь по функции в предложении; причем не вообще в предложении, а лишь в конкретной конструкции: «*rendre* + прямое дополнение + прилагательное», в сочетании же с существительным он будет лишен служебной функции.

Итак, глагол *rendre* можно отнести к разряду служебных слов французского языка, но лишь при условии строгого определения его функции, а именно функции глагола-связки, обозначающего признак дополнения в составном сказуемом, выраженном сочетанием «*rendre* + прямое дополнение + прилагательное».

Глагол *rendre* может быть причислен к числу служебных глаголов французского языка как разновидность связочных глаголов в определенной конструкции.

М. В. ФРИДМАН

О МЕСТЕ СИНОНИМИКИ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА ИНОСТРАНЦАМ

Среди многих проблем, связанных с освоением стилистического богатства русского языка, вопрос о его синонимических средствах и приемах использования лексических, морфологических и синтаксических синонимов занимает ведущее место. Значение синонимики в конечном счете определяется ее удельным весом в семантической системе литературного языка. Еще академик Л. В. Щерба отмечал, что «развитый литературный язык представляет собой весьма сложную систему более или менее синонимических средств выражения, так или иначе соотнесенных друг с другом»¹.

Между тем далеко не все языковеды признавали и признают целесообразность и полезность изучения данного вопроса. Господство агностицизма в современной американской лингвистике привело к сознательному игнорированию самого понятия равнозначности (Уолпол, Ричардс и др.)². Ульман, долгие годы исследовавший проблемы синонимики, пришел в конце концов к выводу, что «чистыми» синонимами можно считать лишь некоторые научные термины типа *спирант — фрикативный*.

¹ Л. В. Щерба. Современный русский литературный язык. «Русский язык в школе», 1939, № 4, стр. 28. (Разрядка наша. — М. Ф.).

² См. Т. А. Дегтерева. К проблеме синонимики. «Ученые записки Первого Московского государственного педагогического института иностранных языков», т. V, 1953.

Любое исследование, которое не будет ограничиваться только вопросом о происхождении синонимов и их распределении в словаре, следует, по мнению Ульмана, считать импрессионистическим. Советский исследователь А. И. Смирницкий, исходя из того, что «совокупность синонимов не образует реальной группы, частной лексической системы в составе общей системы лексики данного языка», утверждает, что лексикология не должна заниматься проблемой синонимов³.

Общеизвестно, что длительное господство в русской лингвистике младограмматического направления повлекло за собой снижение интереса исследователей к лексикологическим вопросам. В частности, синонимика долгое время оставалась вне поля зрения лингвистов. За последнее столетие не появилось ни одной сколько-нибудь серьезной работы в этой области, ни одного научно обоснованного синонимического словаря.

Лишь в последние годы положение несколько изменилось. Написан ряд статей и специальных работ, посвященных вопросам синонимики русского и некоторых иностранных языков. Вышел из печати «Краткий словарь синонимов русского языка» В. Н. Клюевой. Ведутся работы по составлению большого синонимического словаря русского языка.

Советское языковедение все чаще обращается к проблемам, затрагивающим сущность синонимики. «Изучение синонимических средств выражения, присущих общенародному, нациальному языку,— указывает академик В. В. Виноградов,— поможет установить его живые, активные стили и определить закономерности его семантического развития»⁴.

Приходится с сожалением констатировать, что в программе и учебных пособиях по русскому языку, предназначенных для иностранцев, синонимике отводится самое незначительное место, при этом, как правило, проблема ограничивается одной лишь лексической синонимикой. Но и в этой области работа носит эпизодический характер и мало содействует обогащению языка

³ См. Ю. Д. Апресян. Проблема синонима. «Вопросы языкоznания», 1957, № 6, стр. 84.

⁴ В. В. Виноградов. Труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкоznания». Изд. «Правда», 1951, стр. 26.

учащихся. Между тем ошибки в отборе того или другого члена синонимического ряда, бедность и маловыразительность словарного запаса учащихся — явление повседневное. Это лишний раз доказывает, что отсутствие правильно поставленной методики изучения стилистики и, в частности, синонимики значительно затрудняет усвоение того круга языковых норм, которые необходимы любому иностранцу, стремящемуся приобщиться с помощью русского языка к многогранной сокровищнице опыта социалистического строительства в Советском Союзе.

Определение сущности синонимики

Трудности начинаются с определения границ самого понятия синонимики. Ответы, которые дают на этот вопрос отдельные исследователи, резко отличаются друг от друга. Расхождения касаются двух сторон проблемы: а) отражают ли синонимы одно или разные понятия и, следовательно, б) тождественны ли они, равнозначны или только близки по значению?

В. К. Фаворин, например, делит синонимы на однопредметные и разнопредметные по тому, обозначают ли они «один и тот же предмет» (речь идет, очевидно, о понятии) или «различные предметы или понятия»⁵. Само собой разумеется, что при таком произвольном смешении предмета и понятия нельзя четко определить границы значений слова. Между тем, какими бы близкими ни были понятия, отраженные в двух близких по значению словах, уже один факт существования разных понятий снимает вопрос о синонимике.

Большинство исследователей сходится на том, единственно верном, по нашему мнению, выводе, что синонимы называют одно и то же понятие. Несмотря на это, сущность передачи признаков одного и того же понятия определяется различными исследователями по-разному. Некоторые считают синонимами слова, имеющие при разном звучании абсолютно одинаковое (тождественное) значение; так, В. М. Григорян называет синонимами слова, «которые, употребляясь с определенными зна-

⁵ В. К. Фаворин. Синонимы в русском языке. Свердловск. 1953, стр. 14.

чениями, общими для них, обозначают совершенно одно и то же»⁶.

Другие исследователи объединяют термином «синоним» лишь слова с близким, но не тождественным значением (А. Н. Гвоздев, С. И. Абакумов, Н. Н. Никольский). При этом слова с почти совпадающим смысловым и стилистическим объемом выделяются в отдельную группу так называемых дублетов.

Наконец, большинство языковедов предпочитает компромиссное объединение двух вышеупомянутых концепций. Е. М. Галкина-Федорук называет синонимами «слова, разные по звуковому составу, но тождественные (редко) или очень близкие по значению»⁷. Такой же точки зрения придерживаются и С. И. Ожегов, О. С. Ахманова и др.

При этом нередки случаи, когда категорически оформленное определение опровергается тут же приведенными самим автором уточнением или примерами. Говоря о «тождественном» значении таких слов, как *бросить — кинуть*, В. М. Григорян сам приводит контексты, в которых эти слова не могут заменить друг друга. Утверждая, что синонимами являются лишь слова с «близким» значением, профессор Гвоздев на следующей странице пишет: «В сущности там, где... замещение невозможно, нет синонимов».

Между тем материалистическое объяснение соотношения «понятие» — «слово» дает возможность гораздо более четко разграничивать смысловые и стилистические сферы синонимов. Слово всегда обобщает. Способность слова к обобщению реальных признаков предметов, явлений и лежит в основе синонимики. Ведь в процессе исторического развития человек беспрерывно обогащает, расширяет свои представления о предметах и явлениях окружающего мира. Для выявления новых существенных признаков или оттенков качества требуется новая звуковая оболочка⁸.

⁶ В. М. Григорян. Материалы к словарю синонимов. Ереван, 1957, стр. 9.

⁷ Е. М. Галкина-Федорук. Современный русский язык. Лексика. М., 1954, стр. 65.

⁸ См. Т. А. Дегтерева. К проблеме синонимики. «Ученые записки Первого Московского государственного педагогического института иностранных языков», т. V, 1953.

Итак, сущность одного и того же предмета или явления находит свое выражение в разных звуковых оболочках в соответствии с теми признаками, которые в данном случае служат основой обобщения. «Дефиниций может быть много, ибо много сторон в предметах»⁹, — писал В. И. Ленин.

Но если это так, то говорить о синонимах как о «близких» по значению словах (это слишком мало) или как о «тождественных» словах (это слишком много) было бы одинаково неправильно. В сферу синонимических отношений не входят ни слова с абсолютно совпадающим значением, ни слова, отражающие хотя и близкие, но разные понятия. Вернее было бы говорить о синонимах как о двух или нескольких равнозначных, но разно звучащих словах, в различной степени отражающих существенные признаки одного и того же понятия. Степень же сходности может варьироваться от почти полного совпадения во всех значениях и до сходства в одном лишь значении слов: *языковед* — *лингвист*, с одной стороны, и *крепкий* — *глубокий* (*сон*), с другой стороны. При этом следует решительно предостеречь против понимания термина «равнозначный» как «абсолютно совпадающий», даже если речь идет о совпадении лишь в одном значении.

Само собой разумеется, что слова *крепкий* и *глубокий* равнозначны лишь в отношении к слову *сон*, но и в данном случае оттенок различия между ними все же имеется и говорить о полном тождестве этих двух слов невозможно: *крепкий сон* — который сковал все тело, *глубокий сон* — в который человек погрузился; ср. медицинское использование этого термина.

Итак, термин «равнозначный», подчеркивая единство выражаемого понятия, не снимает вопроса о различии оттенков выражения одного и того же понятия. В этой же связи необходимо уточнить и вопрос о взаимозаменяемости синонимов. В. М. Григорян утверждает, что в сферу внимания исследователя должны входить лишь слова, взаимозаменяющие друг друга. В. Н. Клюева, напротив, считает синонимами слова, «служащие не для

---

⁹ В. И. Ленин. Философские тетради. Госполитиздат, 1947, стр. 206.

подмены друг друга, а для уточнения мысли и нашего отношения к высказываемому». Однако, замечает Клюева, «забывать, что они в известных случаях могут быть подменяемы, губительно для свободы выбора слова»¹⁰.

Такова же и точка зрения Ю. Д. Апресяна, который говорит о частичной взаимозаменяемости синонимов. «При этом,— добавляет автор,— могут сохраняться эмоционально-экспрессивные и стилистические различия между синонимами, которые не снимают их семантической равнозначности»¹¹.

Само собой разумеется, что если трактовать синонимы как равнозначные слова, отличающиеся оттенками выражения понятия, то вопрос о взаимозаменяемости теряет свой универсальный характер при определении синонимов. С другой стороны, отсутствие взаимозаменяемости в определенном контексте не может служить доказательством отсутствия синонимических отношений. Мы считаем необходимым это подчеркнуть, так как в области методики вопрос о взаимозаменяемости приобретает особое значение.

То же нужно сказать и в отношении вопроса о сходстве и различиях слов-синонимов. Говорить о том, что синонимы следует рассматривать лишь с точки зрения сходства или только различий, означает не понимать диалектического единства сходства и различий синонимов. Ведь уточнять пределы сходства означает по сути дела уточнять пределы различия. Только умелое сочетание этих двух аспектов синонимической связи может оказать действенную помощь преподавателю в его работе по обогащению языка учащихся-иностранцев.

Основополагающее значение для методики преподавания русского языка имеет вопрос о диалектическом взаимоотношении многозначности слов и их синонимичности. В работах советских языковедов убедительно показано, что с развитием многозначности отдельных слов развивается и равнозначность отдельных слов. «Синонимика создает семантическое равновесие словарных единиц»

¹⁰ В. Н. Клюева. Краткий словарь синонимов русского языка. М., 1957, стр. 5.

¹¹ Ю. Д. Апресян. Проблема синонима. «Вопросы языкоznания», 1957, № 6, стр. 86.

ний и грамматических форм, она ставит пределы для роста многозначности»¹². Эту роль синонимики, разгружающей чересчур перенасыщенные содержанием слова и словесные обороты, следует постоянно учитывать в работе над словом. Подбор синонимов для избежания однообразного повторения одного и того же слова, изучение разнообразных форм сочетаемости членов синонимической группы с другими словами, объяснение внутренних закономерностей, приведших к созданию той или иной синонимической пары, уточнение употребительных значений слова и тех устаревших значений, которые в наше время следует заменять синонимами,— таковы некоторые из тех методических вопросов, которые возникают при учете многозначности слов и ее связи с синонимикой.

Особое место занимает вопрос о терминах. Еще Энгельс в «Диалектике природы» отмечал, что значение каждого термина координировано со значением всех остальных терминов той же системы¹³. Естественно, что категория терминов гораздо слабее других охвачена синонимическими отношениями; однако в языке бытуют так называемые терминологические дублеты: *контракт*—*договор*; *градусник*—*термометр*; *спрут*—*осьминог*; *языковед*—*лингвист*; *орфография*—*правописание*. Иногда терминологические дублеты раскрывают разные стороны понятия.

Во многих случаях дублетная пара постепенно разрушается в результате расширения объема одного из слов: теперь, например, «правописание» шире «орфографии» по своему понятийному содержанию, ибо оно охватывает и правила пунктуации.

Вопрос о дублетах тесно связан с историей заимствования иноязычных слов в русском языке. Существование синонимических отношений между иноязычными и русскими словами — явление закономерное в языке. И все же нередки случаи злоупотребления иностранными словами. Вполне уместно вспомнить слова В. И. Ленина: «Русский язык мы портим. Иностранные

¹² Т. А. Дегтерева. К проблеме синонимики. «Ученые записки Первого Московского государственного педагогического института иностранных языков», т. V, 1953, стр. 36.

¹³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч., т. XIV, стр. 509.

слова употребляем без надобности. Употребляем их неправильно»¹⁴.

Очень часто можно стать свидетелем того, как люди, недостаточно владеющие речевыми навыками, пускают в ход иностранное слово вместо того, чтобы пользоваться четким, тонким по смысловой выразительности русским словом. Разумеется, это особенно заметно в речи зарубежных товарищ (имитировать вместо подражать; интенсифицировать вместо усилить; конструкция вместо сооружение). Преподаватель русского языка не может не учитывать этой характерной черты своей аудитории.

Проблема методического использования синонимики тесно связана с вопросом о категориях равнозначных слов. Между тем и здесь нет единого взгляда. Весьма путаной и неубедительной представляется классификация, предлагаемая В. К. Фавориным, который делит синонимы на следующие группы: а) жанровые, соответствующие различным «жанрам» языка; б) уточнительные (разнопредметные), служащие для тонкого различения значений; в) экспрессивные (эмоционально-оценочные, стилистические); г) эвфемистические; д) дублеты (однопредметные).

Справедливости ради следует отметить, что сам автор в последней части работы, озаглавленной «Дополнительные замечания к классификации синонимов», признает всю шаткость и несостоятельность подобного деления. В самом деле, почему синонимы *луна* — *месяц* следует считать однопредметными, а *смелый* — *храбрый* — разнопредметными? Ведь слова *луна* — *месяц* тоже не могут заменять друг друга в любом контексте. Стилистические оттенки этой синонимической пары отметил еще А. И. Гончаров, писавший в «Обломове»: «Эти господа, как известно... любят... луну-кокетку, которая бы наряжалась в палевые облака да сквозила таинственно через ветви деревьев или сыпала споны серебряных лучей в глаза своим поклонникам. А в этом краю никто и не знал, что за луна такая,— все называли ее месяцем. Она как-то добродушно, во все глаза смотрела на деревни и поля и очень походила на медный вычищенный таз».

¹⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 274.

Основываясь на происхождении и роли синонимов, М. Д. Кузнец и Е. М. Галкина-Федорук предлагают классифицировать их по смысловым оттенкам, стилевой окраске, эмоциональному напряжению, благозвучию. А. М. Финкель и Н. М. Баженов делят синонимы по эмоциональной окраске, социальной отнесенности, логическим признакам и стилистическим особенностям. Академик В. В. Виноградов намечает две основные группы синонимов: идеографические и стилистические.

Все указанные классификации, от самых громоздких и до самых простых, не учитывают, к сожалению, всего комплекса связей, возникающих при использовании синонимов в живой речи. Между тем методика преподавания русского языка обязана учитывать эти связи и отношения. Мы полагаем, что преподаватель русского языка должен в своей работе по обогащению словарного запаса учащихся-иностранцев использовать следующие группы синонимов: а) идеографические, в которых смысловые оттенки часто сопровождаются стилистическими (сюда входят и иноязычные, и русские слова); б) стилистические, в которых стилистические оттенки часто существуют наравне со смысловыми (сюда войдут и иноязычные, и поэтические, и архаические, и евфемизмы и т. д.); в) эмоционально-насыщенные и г) фразеологические синонимы, среди которых, естественно, встречаются и смысловые, и стилистические, и другие оттенки. Лишь подобный комплексный учет назывных и оценочных функций синонимов позволяет выявлять их значение для усвоения норм русского литературного языка.

Конечно, методика преподавания русского языка должна учитывать наличие в языке не только лексико-фразеологических синонимов, но и грамматических синонимов (морфологических и синтаксических). Умелое использование этих многочисленных фактов стилистики содействует скорейшему обогащению словарного запаса учащихся-иностранцев и скорейшему освоению разнообразных форм выражения, которыми так богат наш язык.

Лексическая синонимика

Наличие обширных групп синонимов для выражения отдельных понятий делает возможным передачу самых разнообразных оттенков значения и экспрессии. Этим

определяется в конечном счете значение и место синонимики в общем процессе освоения русского языка иностранцами.

Однако все вышеизложенные соображения с достаточной наглядностью показывают, какие трудности встают перед преподавателем, который, по словам А. М. Пешковского, должен помнить, что определение синонимов есть труднейшая задача работы языковеда. Трудности в конечном итоге сводятся к определению границ той синонимической группы, которая объединена одним общим понятием, то есть к определению синонимического ряда. Увлечения в создании синонимических параллелей свойственны даже опытным языковедам (*вежливый — тонкий — ласковый* у Р. А. Будагова; *открытие — рационализация* у В. К. Фаворина; *хороший — потрясающий* у Е. М. Галкиной-Федорук).

Какими же соображениями следует руководствоваться при составлении синонимического ряда? В предисловии к «Краткому словарю синонимов русского языка» В. Н. Клюевой имеется ряд полезных советов. Они сводятся к следующему:

- 1) недопустимо синонимизировать слова, обозначающие род и вид (*обувь — сапоги*) или разные виды одного общего предмета (*туфли — сапоги*);
- 2) нельзя синонимизировать разные части речи (*жизнь — жить; учить — учение*);
- 3) нельзя увлекаться ролью контекста, особенно при объяснении переносного значения слов. Синонимами с переносным значением следует считать лишь те слова, которые закрепились в данном значении;
- 4) нельзя синонимизировать слова и словесные обороты, содержащие положительную или нейтральную оценку, со словами, имеющими отрицательную оценку (*конь — кляча*);

5) нельзя сопоставлять слова, обозначающие явления разных социальных эпох (*домработница — прислуга; городовой — милиционер; подать — налог*);

6) особая осторожность требуется при сопоставлении заимствованных, диалектных и жаргонных слов и словесных оборотов.

Большое значение при определении границ синонимического ряда имеет правильный выбор основного слова, которое некоторыми исследователями называется

«доминантой» ряда (В. Н. Клюева). Нельзя в этой связи не вспомнить французскую школу де Соссюра — Балли с ее *terme d'identification*. Приходится, однако, отметить, что если стилистические синонимы всегда дают возможность определить нейтральное слово, к которому они отнесены (*конь — лошадь*), то среди идеографических синонимов не всегда легко определить основное слово, которое точнее всего называет понятие (*мешать — препятствовать; грустный — печальный; радость — ве- селье*). Поэтому вместо поисков «господствующих слов» правильнее будет выбрать из синонимического ряда слово с прямым логически-предметным значением, экспрессивно не окрашенное, стилистически нейтральное, и уже в сравнении с ним определить объем значения остальных: *враг — противник, неприятель, недруг; глаза — очи, зеницы; груз — поклажа, кладь, багаж; умереть — скончаться, преставиться*.

Система упражнений по данному вопросу во многом отличается от той, которая принята в учебниках по стилистике русского языка. Залогом успеха является правильное распределение упражнений по синонимике на весь учебный курс, умелое сочетание лексических и грамматических упражнений, постоянное внимание к вопросам равнозначности.

Какие основные вопросы следует учесть при работе над синонимами в группах иностранцев, изучающих русский язык? Прежде всего важна градация подачи материала. При подборе синонимов следует уделять одинаковое внимание как выяснению признаков сходства, так и определению существа различий; но в процессе преподавания русского языка эти две категории на разных этапах имеют различное значение. В первые месяцы, когда внимание обращено в основном на понимание текста, на обогащение лексического запаса учащихся, более важным представляется момент сходства. Выяснение оттенков фактически невозможно, между тем как объяснение незнакомого слова знакомым ощутимо содействует пониманию текста и обогащению словаря. Выяснение оттенков — процесс длительный, целиком зависящий от роста знаний учащихся и увеличения их словарного запаса. Г. О. Винокур как-то справедливо заметил, что, чем лучше мы знаем язык, тем для нас меньше становится синонимов.

На первых порах при чтении общественно-политического текста и текста по специальности можно объяснить немало незнакомых слов знакомыми: *подлинный — настоящий, истинный; воздвигнутый — построенный; Страна Советов — Советский Союз; труженик — трудящийся, основа — фундамент, база, исходить из — основываться на; нерушимый — монолитный*. В дальнейшем параллельно с изменением соотношения между объяснением признаков сходства и различия должно меняться соотношение между простым объяснением сущности изучаемых синонимов и усвоением синонимических групп. Первые же тексты могут натолкнуть на создание таких очень нужных синонимических пар, как: *осуществить — претворить в жизнь; добиться успехов — достигнуть успехов; помочь — оказать помощь*.

Успеху содействует умелое использование средств родного языка учащихся. Академик Л. В. Щерба отмечал, что «действительность в разных языках представлена по-разному: каждое новое иностранное слово заставляет нас вдумываться в то, что кроется в нем и за соответственным русским словом, заставляет вдумываться в самое существо человеческой мысли»¹⁵. Учет того, что способ выражения понятий в словах родного языка и русского языка не всегда совпадает, представляет значительный практический интерес и при изучении синонимики.

Точный перевод синонимического ряда на родной язык учащихся помогает иногда яснее выявлять разницу в значении отдельных синонимов. Возьмем, например, синонимический ряд *мир — покой — спокойствие — тишина — лад*. По-немецки перевод будет следующим: (der) Friede — (die) Ruhe — (die) Ruhe или .(die) Stille — (die) Ruhe — (die) Harmonie; по-французски: (la) paix — (le) repos — (le) calme (la) tranquilité, bonne intelligence или (l') accord.

Сравнение с выразительными средствами родного языка приводит зачастую к несовпадениям, которые помогают глубже понять специфику русского синонимического ряда.

¹⁵ Л. В. Щерба. Преподавание иностранного языка в средней школе. М., 1947, стр. 13.

С учетом сказанного выше можно предложить следующую систему упражнений для обогащения словарного запаса учащихся русскими лексико-фразеологическими синонимами:

1) При составлении обязательных списков слов для заучивания использовать до предела возможность объяснения незнакомого слова знакомым русским словом или понятным иноязычным синонимом.

2) Добиться того, чтобы учащиеся в своих собственных алфавитных словариках переходили как можно скорее на тот же метод записи новых значений.

3) Сначала следует давать элементарные задания: подобрать синонимы к такому-то слову, объяснить употребление вновь освоенного синонима в знакомом контексте.

4) Устно объяснить значение того или иного синонима и составить с ним предложение (*трудный — тяжелый; бояться — опасаться; коснуться — затронуть*).

5) Подобрать к данным синонимам антонимы (*отчетливый, четкий, определенный, ясный — путаный, туманный, неопределенный, неясный*).

6) Выбрать из двух-трех данных синонимов самый подходящий (*мирная, тихая, покойная, спокойная* к слову *беседа*; *храбрый, смелый, отважный* к слову *ответ*).

7) Из целой группы данных слов отобрать синонимы (*лошадь, кляча, рысак, конь*).

8) Подобрать к русским словам иноязычного происхождения русские синонимы (*эгоизм — себялюбие; каннибал — людоед; жокей — наездник; имитация — подражание; индекс — указатель*).

9) Писать сочинение или заметку на данную тему с данными синонимами (*описать — изобразить — обрисовать — представить — показать — охарактеризовать — вывести; изучать — рассматривать — исследовать — выяснить — прослеживать*). Полезна также работа, предложенная В. Н. Клюевой: написать противоположные характеристики людей по их качествам (*способного, энергичного и глупого, ленивого*).

10) Подобрать синонимы к разным значениям одного и того же слова (*крепкий чай — наваристый, густой; крепкий раствор — насыщенный; крепкая материя — прочная; крепкие напитки — спиртные; крепкий сахар —*

твёрдый; крепкий мороз — сильный; крепкий сон — глубокий; крепкая дружба — нерушимая).

11) Использовать разные синонимы во избежание повторений в тексте (например, вместо *известно* использовать слова и обороты *общеизвестно*, очевидно, кто не знает, все знают, кому не известно; вместо *изучить* — *рассмотреть, исследовать*; вместо *надо* — *нужно, необходимо, следует*).

12) Постепенно усложняя работу, следует переходить к упражнениям, связанным со стилистическими синонимами. В качестве упражнения можно, например, дать задание: разделить синонимический ряд на группы по стилю, выраженной эмоции и т. д. (*очи — глаза; ложь — вранье — неправда; приключиться — случиться; охота — желание; хворь — болезнь; проворный — живой — подвижной — прыткий; небось — вероятно — по всей вероятности — должно быть; понимать — смыслить; иногда — подчас; немного — малость*).

13) Подобрать слова, близкие по значению в порядке нарастания или убывания качества (преимущественно прилагательные и наречия). Следует учесть, что здесь смысловые границы могут оказаться весьма подвижными (*полный — толстый — тучный; большой — огромный — громадный — грандиозный — колоссальный — гигантский, с одной стороны, и ледяной — студеный — холодный — прохладный; ревностно — усердно — заботливо; пылать — гореть, с другой стороны*).

14) Работая над художественным текстом, следует обращать внимание учащихся на различную роль синонимов в передаче иронии, патетики, юмора, сатиры, индивидуализации речи героев, стилизации манеры повествования. Зачастую (в текстах Маяковского, например) приходится синонимически объяснять и те новые приемы сочетания слов, которыми пользуется художник.

15) Интересной может оказаться работа по сравнению синонимов, имеющих одну или несколько общих морфем (*водосброс — водослив; истасканный — изношенный; местонахождение — местопребывание; мореход — мореплаватель; ничуть — нисколько; недоглядеть — недосмотреть; мирный — миролюбивый; хитрый — хитроумный; хромой — хромоногий; помойка — помойная яма*).

16) Убедительным и поучительным для учащихся является анализ тех синонимических поправок, которые

вносят писатели в свой текст; ср. правленые тексты Горького (вместо *покойное море* — *спокойное море*; вместо *напряженное исследование тьмы* — *напряженное рассматривание тьмы*); замечания Пушкина по текстам современных ему писателей; правку Тургенева, Некрасова. С помощью подобных примеров преподаватель может раскрыть перед учащимися все значение работы по правильному подбору синонимов.

17) Чтобы предупредить излишнее увлечение иноязычными заимствованиями, полезна работа над текстами, насыщенными такими словами, с последующей аргументированной заменой их русскими синонимами в зависимости от контекста (*оригинал* — *подлинник*, *аргумент* — *доказательство*; *коммерция* — *торговля*). При этом следует обратить особое внимание на те случаи, когда замена русским синонимом придает речи более благородное, возвышенное, несколько книжное звучание (*явление* вместо *факт*; *зодчий* вместо *архитектор*; *ваяние* вместо *скульптура*).

18) Следует также объяснить учащимся возможность замены синонимов перифразой, придающей тексту и речи свежесть, разнообразие (вместо *Пушкин* — *автор* *«Евгения Онегина»*; вместо часто повторяющихся местоимений *я, мы* — *автор этих строк, пишущий эти строки и др.*).

Само собой разумеется, что вся система перечисленных выше упражнений лишь намечает общие линии работы в этой области. Следует подчеркнуть, что работа над лексико-фразеологической синонимикой не мыслится в отрыве от прохождения грамматического материала. Лишь умелое сочетание грамматических и лексических заданий позволит охватить весь громадный материал, содержащийся в программе обучения иностранцев русскому языку.

Фразеологическая синонимика

Не меньший интерес представляет вопрос о фразеологической синонимике. Как известно, фразеологические единицы часто выступают в качестве синонимов к отдельным словам русского языка. Но это лишь одна сторона вопроса; другая заключается в том, что между отдельными фразеологическими единицами тоже существует

вуют синонимические отношения. В нашей лингвистике почти нет работ, трактующих вопросы сходства и различий таких единиц, их стилистического использования.

Академик В. В. Виноградов, выделивший фразеологию в отдельный раздел науки, намечает три типа устойчивых оборотов речи: фразеологические сочетания, единства и сращения. В каждой из этих трех групп можно обнаружить немало синонимических рядов. Критерием синонимичности фразеологических единиц приходится считать их частичную взаимозаменяемость в ряде строго определенных контекстов и возможность их употребления в одной и той же синтаксической конструкции¹⁶.

Фразеологические сочетания. 1. Здесь уместно вспомнить в первую очередь слова-синонимы, образованные в результате применения прилагательного в переносном значении. Пределы сочетаемости таких слов обычно весьма ограничены: *золотое сердце — доброе, мягкое; глухой угол — единственный, безлюдный; лебединая песня — последняя, предсмертная; дырявая память — слабая, плохая; золотые руки — умелые; мертвая тишина — полная; топорная работа — грубая*.

В большинстве случаев подобные сочетания не находят полного соответствия в родном языке учащихся, поэтому следует терпеливо и настойчиво объяснять в контексте их эмоциональную и стилистическую роль, привыкать учащихся использовать их в своей речи. В этой связи полезны упражнения не только по замене одного синонима другим, но также по замене всего сочетания другим, состоящим из двух существительных (*блестящее остроумие — блеск остроумия; громовые аплодисменты — гром аплодисментов; горящие глаза — огонь глаз*).

2. Сюда же относятся сочетания двух имен существительных, из которых одно (в родительном падеже) имеет определение: *человек большого ума — очень умный; юноша высокого роста — высокий; человек преклонного возраста — старый; люди доброй воли — мирные; товар высокого качества — высококачественный*.

¹⁶ См. Ю. Д. Апресян. Фразеологические синонимы в современном английском языке. «Ученые записки Первого Московского государственного педагогического института иностранных языков», т. XV, 1957, стр. 246—247.

3. Значительно обогащают словарь учащихся сочетания глагола и зависимого существительного, заменяющие отдельный глагол: *одержать победу, одержать верх — победить; питать надежду — надеяться; обойти молчанием — умолчать; оказать помощь — помочь; вызвать интерес — заинтересовать; сдать позиции — отступить; оказать влияние — влиять; бросить взгляд — взглянуть; оказать поддержку — поддержать*. Близки по конструкции и сочетания с переносным значением типа: *ломать голову — долго раздумывать; водить за нос — обманывать; кривить душой — хитрить; вынуть душу — замучить; свить гнездо — уютно устроиться; молоть вздор, чепуху, глупости, пустяки — говорить глупости; плятить глаза — смотреть внимательно*.

4. Сочетания инфинитива с наречием реже вступают в синонимические отношения; однако ср.: *быть начеку — настороженно следить; идти впрок — идти на пользу и др.*

5. Нет сомнения в том, что существуют синонимичные отношения среди поговорок и пословиц, и преподаватель должен это учитывать в своей работе; ср.: *беда на беде, бедой погоняет — едет беда на беде — беда беду накликает — беда не ходит одна; была не была — будь, что будет; с головы до ног — с головы до пят; в глазах рябит — в глазах темнеет; как бельмо на глазу — как заноза в сердце; не сводить глаз — не спускать глаз; ни то ни се — ни рыба ни мясо — ни богу свечка, ни черту кочерга*.

Фразеологические единства. Большинство подобных фразеологических единиц допускает описательное объяснение, но немало имеется и случаев синонимических пар: *взять в толк — понять; языком чесать — болтать; ума не приложу — не пойму; вывести на чистую воду — разоблачить; из муки слона делать — преувеличивать; положа руку на сердце — откровенно, искренне; принять за чистую монету — поверить; стереть в порошок — уничтожить; натянуть нос — одурачить; по миру ходить — нищенствовать; губы надуть — обидеться; сесть в лужу — потерпеть неудачу; закрывать глаза — смотреть сквозь пальцы; хватать за сердце — забирать за живое — волновать; куры не клюют — много*.

Фразеологические сращения. Так как значение отдельных компонентов сочетания зачастую непо-

нятно, синонимическое толкование таких фразеологических единиц приобретает особую важность: быть *баклущи* — бездельничать; точить *лясы* — болтать; втереть *очки* — обмануть; зубы заговаривать — вводить в заблуждение; вылететь в трубу — обанкротиться, разориться; попасть впросак — опростоволоситься, сесть в калошу; в ус не дует — не обращает внимания; согнуть в три погибели — сломить упорство; остаться на бобах — осться ни при чем; кот наплакал — мало; душа в пятки ушла — испугался.

Система упражнений при работе над фразеологической синонимикой мало чем отличается от той, которая предложена для синонимики лексической. По сути дела преподаватель чаще всего ведет эту работу параллельно, в зависимости от встречаемых в том или ином тексте лексических и фразеологических синонимов. Однако можно указать, что здесь особенно полезен перевод с родного языка текста, насыщенного фразеологическими сочетаниями. Именно при такой работе учащиеся привыкают к тому, что система образования сочетаний в русском языке в корне отличается от системы родного языка. Полезны упражнения по замене слов синонимическими сочетаниями и наоборот (*осуществить* — *воплотить в действительность* — *претворить в жизнь*). Изредка, на последней стадии обучения, можно предложить учащимся подобрать к данным компонентам те вторые компоненты, в сочетании с которыми и образуются фразеологические обороты; например, к словам *радушный, предвзятый, превратный, плачевный, претворить, прикусить, преградить* и т. д. соответственно подобрать слова *прием, мнение, результат, в жизнь, язык, путь* и т. д.

Большое значение имеет навык стилистического разграничения фразеологических оборотов. Учащиеся должны понимать стилистические оттенки таких синонимических оборотов, как: *нужен до зарезу — крайне нужен; свинью подложить — устроить каверзу, неприятность; как бы то ни было — во всяком случае; как ни как — все-таки; на точке замерзания — на прежнем месте; без зазрения совести — бесстыдно.*

Необходимо также приучать зарубежных товарищей к таким привычным оборотам, свойственным научной речи, как: *ведущая роль* (очень важная роль), *животрепещущий вопрос* (своевременный, актуальный), *в пер-*

вую голову (в первую очередь), камень преткновения (помеха), подготовить почву, лежать вне рамок, иметь значение, играть роль и многие другие.

Грамматическая синонимика

Как известно, мысль об изучении грамматических синонимов была высказана впервые А. М. Пешковским. «Изучаться и сравниваться здесь,— писал он,— должны не грамматические значения вообще, а лишь грамматические синонимы, т. е. значения слов и словосочетаний, близкие друг к другу по их грамматическому смыслу»¹⁷. Речь шла о необходимости изучения грамматических синонимов не только в области морфологии, но и в области синтаксических конструкций, об установлении способов выражения близких оттенков значения с помощью различных грамматических форм и построений.

Нет сомнения в том, что синонимические различия и соотношения в области грамматики гораздо шире, чем те же связи в лексико-фразеологической синонимике. Но это ничуть не снижает значения вопроса в деле преподавания русского языка иностранцам. Правда, стилистические возможности морфологии и синтаксиса значительно беднее возможностей лексики. Все же в морфологической и синтаксической системе русского языка можно обнаружить разные ответвления, соответствующие определенному стилю: деловому, книжному, разговорному и т. д.; так, аналитическая форма сравнительной степени отличает книжную речь, синтетическая — разговорную, существительные с суффиксами *-ка*, *-ик* отличают разговорную речь (*печка*, *ножик*), соответствующие им существительные без этих суффиксов — деловую речь (*печь*, *нож*) и т. д.

Имя существительное. Частым явлением стала синонимика форм единственного и множественного числа существительного, поэтому преподавателю следует обратить особое внимание на случаи замены множественного числа единственным с собирательным значением (массовость, цельность): *Леса Заволжья богаты певчей птицей*, *Береза распускает лист*, *Книга у нас в*

¹⁷ А. М. Пешковский. Вопросы методики русского языка, лингвистики и стилистики. Изд. 1930, стр. 153.

большом ходу. Важна работа над единственным дистрибутивным числом: *Поверните голову налево, отставьте ногу; У всех были часы с черным циферблатом.*

Единственное число существительного с отвлеченным значением допускает синонимическую замену множественным числом: *наступили морозы, тяжелые времена.* У слов с вещественным значением множественное число синонимично с единственным, отличаясь оттенком большого количества: *потянулись пески, кругом были камыши.* Слова, называющие вещества, употребляются во множественном числе для обозначения сортов, марок (вины, соли, нефти, стали). Следует также обращать внимание учащихся на переносное использование собственных имен для обозначения особой профессии или типичного характера: *даллесам и черчиллям не повернуть истории вспять.*

К данной же грамматической категории можно отнести такие фразеологические обороты, свойственные разговорной речи, как: *в сердцах* (разгневанный, во гневе), *на радостях* (счастливый), *животики подвело* (проголодались) и т. д.

Из вопросов, связанных с синонимикой падежей, особенно важными являются следующие:

1. Винительный и родительный объекта при переходных глаголах; причем винительный падеж означает полныйхват объекта, родительный — частичный (*подай сыр и подай сырь*). Следует настойчиво упражнятьнерусских учащихся в правильном употреблении этих обиходных форм, очень нужных в каждодневной практике. Полезно их ознакомить с застывшими глагольными формами, требующими обязательно родительного падежа: *рубить дрова, но нарубить дров; носить воду — наносить воды; есть пироги — наесться пирогов; рвать цветы — нарвать цветов.*

2. Винительный и родительный объекта при отрицании (*он не любит эти стихи — он не любит стихов*). Следует лишь отметить, что со стилистической точки зрения родительный падеж отличает книжную, отвлеченную речь.

3. Падежные конструкции, употребляемые для выражения пространственных отношений. Из всей совокупности случаев методические пособия обычно останавливаются только на употреблении винительного и предлож-

ного падежа с предлогами *в*, *на*. Совершенно оставлены в стороне вопросы синонимики других предложных конструкций. Учебники обычно не разъясняют различия таких предлогов, как *у*, *около*, *возле*, *подле*, *близ*, *вблизи*. Порой авторы методических пособий забывают уточнить, что при использовании с личными местоимениями эти предлоги соответствуют совершенно разным понятиям (ср. *у него — около него*).

Между тем смысловые и стилистические оттенки вышеуказанных предлогов, а следовательно, и употребление родительного падежа с этими предлогами можно и нужно разграничить. Так, например, *возле* и *около* как по смысловому содержанию, так и по стилистической нагрузке почти равнозначны, но не всегда взаимозаменимы: *возле Тихой речки* можно сказать, *около Тихой речки* не употребительно. *Близ* и *подле* употребительны в речи книжной, высокопарной; семантическая нагрузка у них не совсем одинакова: можно сказать *близ моря*, но не *подле моря*; *подле меня*, но не *близ меня*. Что же касается предлога *у* — нейтрального в стилистическом отношении, — то он употребляется чаще всего в значении *совсем близко*; ср.: *у самых ворот*, *у самого края*. Особенно ощутительна разница между предлогами *у*, *возле*, *около* при переводе на другой язык.

Предлог *при* может также употребляться в этом значении (*столб при дороге — столб у дороги*), однако чаще всего *при* означает не только нахождение вблизи, но и вхождение в состав: *при заводе есть детсад* (ср. *возле завода есть детсад*). С названиями населенных пунктов в том же значении употребляется сочетание предлога *под* с творительным падежом. Правда, в этом случае иногда понимается не только непосредственная близость, но и более широкая зона действия (ср.: *под Ленинградом*, *близ Ленинграда*, *около Ленинграда*).

Синонимичны также сочетания предлогов *среди*, *между* с родительным падежом и *между* с творительным падежом (*среди скал* и *между скалами*), однако первая форма более свойственна книжной речи.

Работая с учащимися над вопросами правильного использования управления глаголов, означающих место действия и направление действия, преподавателю следует включать, помимо конструкций с предлогами *в*, *на*, *из*, *с*, конструкции с предлогами *под*, *за*: *упал под стол*,

За шкаф; лежал под столом, за шкафом. Можно также сопоставить конструкции с предлогами *перед* и *против*: *сидел против меня — сидел перед мной*. Необходимо, однако, уточнить, что *против* может означать «лицом ко мне», между тем как *перед* этого не означает.

Весьма полезной является работа над синонимическими падежными конструкциями типа *шли по переулкам* — мы *шли переулками*; *возвращаться по берегу* — *возвращаться берегом*. Следует предупредить учащихся, что подобная равнозначность возможна лишь в тех случаях, когда предлог *по* теряет значение движения по поверхности или предела его распространения; ср. невозможность подмены в примерах: *шел по крыше, по городу ходили слухи*. Разница ощутима в том смысле, что творительный падеж означает уточнение того пространства, в пределах которого происходит движение, между тем как конструкция с дательным падежом просто указывает на место действия: *Мы шли по полю, мы шли по лесу — Туда мы шли полем, обратно — лесом*. Иногда для выражения того же оттенка значения употребляется сочетание предлога *через* с винительным падежом: *поехали через лес, поле, город* вместо *проехали по лесу, по городу*. В значении полного охвата пути внутри данного пространственного обозначения допустимо также использование винительного падежа без предлога: *прешел лес, проехал город*.

Имеется еще немало других синонимических сочетаний с пространственным значением: *сквозь туман — через туман; по горло — до подбородка; зашел ко мне — был у меня; от дерева до дерева — от дерева к дереву; с версту — около версты*.

4. Падежные конструкции для обозначения временных отношений. Если творительный падеж указывает промежуток времени, в пределах которого происходит действие (*работал прошлой зимой над диссертацией*), то винительный без предлога обозначает полный охват промежутка времени (*работал прошлую зиму над диссертацией*). Особенно важно изучить синонимические отношения творительного, винительного и предложного падежей для указания определенного промежутка времени. С единицами времени (времена года, части суток) употребляется творительный падеж; с другими (часы, дни недели и т. д.) — винительный падеж с

предлогом *в*; с третьими (неделя, месяц, год, век, столетие) — предложный падеж с предлогами *в*, *на*. Можно также обратить внимание учащихся на такие конструкции, как: *незадолго до утра — к утру — под утро, по окончании — после окончания; в два дня — за два дня — в течение двух дней; с неделю — около недели; через три дня — три дня спустя — тремя днями позже* и др.

5. Падежные конструкции, выражающие отношения причинности: *с тоски — с досады — от злости; от радости — с радости; от горя — с горя; от стыда — со стыда; из вежливости — из любопытства; по глупости — по рассеянности*. Необходимо отметить, что подобные сочетания чаще всего относятся к отвлеченным существительным. Когда же речь идет о внешней причине, используется предлог *из-за*. Целевые отношения также находят свое выражение в синонимических падежных конструкциях: *по грибы — за грибами; по дрова — за дровами; в помощь — на помощь; в подтверждение — для подтверждения*.

Имя прилагательное. Интересную работу по изучению синонимики можно провести при изучении прилагательного. Большое значение для полнейшего усвоения смысловой стороны прилагательных представляет синонимика прилагательных и косвенных падежей существительных. Использование этих падежей, выступающих в качестве определений при другом существительном, для выяснения значения прилагательных и закономерностей их образования приносит огромную пользу. Достаточно указать хотя бы на вопросы, связанные с различием между постоянной качественной характеристикой предмета, данной прилагательным (*орлиная зоркость*), и простым указанием на отношения между двумя предметами, созданным родительным падежом (*зоркость орла*); ср. также: *речная вода — вода из реки; шелковый платок — платок из шелка*.

Особую важность представляет и вопрос о переносном значении прилагательных (прежде всего относительных, которые в своем большинстве развиваются в себе качественные значения). Необходимо постоянно приучать слушателей к использованию подобных прилагательных для создания стилистического разнообразия и эмоциональной насыщенности: *стальной характер, стальной взгляд, стальные мышцы*.

Интересен вопрос о роли в предложении синонимичных полных и кратких форм прилагательных; употребляясь только в качестве сказуемого, краткие формы обозначают временный признак, тогда как членные формы в этой функции обозначают постоянное качество. Необходимо, однако, подчеркнуть, что краткие формы более книжны и довольно редко встречаются в разговорной речи.

Изучая притяжательные прилагательные, следует обратить внимание на их синонимическую соотносительность с родительным падежом существительного: *папин, Олин, отцов*. При этом важно подчеркнуть особенности прилагательных на *-овый, -иний*, которые обозначают принадлежность всему классу лиц или животных (*куриные яйца, енотовая шкурка*) и которые в переносном значении усиливают скрытое в них значение сравнения (*звериный волль* — как у зверя). То же следует сказать и о прилагательных на *-ий, -ья, -ье*: *бараньи глаза* — как у барана; *рыбьи глаза* — как у рыбы; *волчий аппетит* — как у волка.

При ознакомлении со степенями сравнения прилагательного и сопоставлении синтетической и аналитической форм необходимо обратить внимание учащихся на стилистическую окраску этих синонимических форм. Для книжной речи более характерны аналитическая форма сравнительной степени и синтетическая форма превосходной степени. Полезно также обратить внимание на формы так называемого элятива, то есть синтетической формы превосходной степени, утерявшей значение сравнения и означающей просто большую меру качества: *б ближайшее время, оживленнейшая беседа* и т. д. Вместе с тем стоит упомянуть и об экспрессивных образованиях с приставками *сверх-, ультра-, архи-, пре-*: *сверхмощный, ультралевый, архинервный, предобрейший*.

Местоимение. При изучении местоимений следует обратить внимание на те случаи, когда возвратные глаголы синонимичны сочетаниям глагола с местоимением *себя*: *сдерживаться* — сдерживать себя; *почиститься* — почистить себя; *не расстраивайся* — не расстраивай себя. При этом нужно объяснить, что сочетания глаголов с местоимением *себя* чаще всего обозначают более сознательное, намеренное действие. Очень важно вспомнить такие сочетания, как *чувствовать себя, лишить себя*

и другие, не имеющие соответствующей синонимической пары на *-ся*.

При рассмотрении сходств и различий таких местоимений — синонимов, как *всякий* — *каждый* — *любой*, следует уточнить, что *всякий* указывает часто на разнобразие в качественном отношении (*всякие люди*); *любой*, употребляясь порой в значении «всякий» (при *любых условиях*), имеет все же и собственное значение — выделения одной разновидности из других (*возьмите любую книгу*); *каждый*, употребляясь часто в значении «все», обозначает при этом охват всех лиц или предметов порознь, в отдельности (*все члены кружка — каждый член кружка*).

Интерес для обогащения словарного запаса по специальности представляет работа над такими рядами, как: *этот — данный; некоторый, известный — определенный*. Вторые варианты свойственны научной речи.

Глагол. Синонимика морфологических форм глагола представляет большой и благодарный материал для преподавателя русского языка, однако рамки данной работы не позволяют останавливаться на этом вопросе. Стилистическое использование форм глагола весьма подробно исследовано в ряде работ (А. Н. Гвоздев, Н. С. Рождественский, Н. С. Поспелов и др.).

Иные виды синонимики

Целиком за пределами данной статьи остаются вопросы синтаксической синонимики, например, синонимика творительного и именительного падежей именной части сказуемого; синонимика личных и безличных конструкций, действительных и страдательных оборотов; синонимика предложных и беспредложных конструкций, выражающих пространственные, временные и другие отношения; синонимика двойного управления (*бросать камни — бросать камнями*); синонимика глагольных и глагольно-именных сочетаний со значением начала, продолжения и конца действия (*стал читать — начал читать — принялся читать; начал чтение — принялся за чтение; перестал читать — кончил читать; кончил чтение — прекратил чтение*) и т. д. Статья не рассматривает и очень интересную проблему словообразовательной синонимики.

* * *

Само собой разумеется, что в пределах одной статьи можно лишь поверхностно и бегло коснуться многочисленных вопросов, которые возникают при работе в группах учащихся-иностранцев над проблемами синонимики русского языка. Только многогранный опыт лучших преподавателей русского языка может дать удовлетворительный ответ на все эти вопросы. Чем скорее будет обобщен этот опыт, тем успешнее будут решаться те задачи, которые стоят перед преподавателями в деле приобщения иностранцев к неисчерпаемым богатствам русского языка.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

С. П. СУВОРОВ

НЕКОТОРЫЕ МЫСЛИ В СВЯЗИ С ИЗДАНИЕМ РУССКОГО ПЕРЕВОДА КНИГИ А. С. ХОРНБИ «КОНСТРУКЦИИ И ОБОРОТЫ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА»¹

Выход в свет русского перевода солидной работы одного из современных зарубежных авторов, посвятившего свою жизнь изучению и преподаванию английского языка, безусловно, следует приветствовать.

На вопрос о том, что представляет собой книга Хорнби, трудно ответить кратко. Это и не руководство по грамматике или по словоупотреблению, и не учебник английского языка в обычном смысле этого слова, и не справочник, и не руководство по методике. Однако в ней есть то, что мы привыкли находить во всех названных видах книг. Во всяком случае, это не такая книга, которую достаточно просто прочесть,— ее надо в том или ином плане изучать: либо с целью совершенствования знаний в области современного английского языка, либо с точки зрения рационального построения курса для тех, кого надо научить не только грамматически правильно, но и стилистически верно говорить и писать по-английски. Книгой Хорнби можно пользоваться и как справочником по вопросам употребления грамматических форм, а также слов в различных грамматических контекстах.

Возможности использования книги Хорнби разнообразны. В ней содержится богатый материал для разра-

¹ Учпедгиз, 1957.

ботки ряда теоретических вопросов английской грамматики и лексикологии.

Особенно ценным в книге Хорнби является то, что ни одно языковое явление не рассматривается в ней изолированно, отдельно от других. Грамматические явления всегда берутся вместе с обычной и типичной для них лексикой. И, наоборот, каждое слово рассматривается как элемент в тех или иных грамматических конструкциях. Именно в этом, мне кажется, заключается особый интерес и ценность данной книги не только для преподавателей и учащихся, но и для научных работников, занимающихся проблемами, которые находятся на «стыке» грамматики и лексикологии, например, такими, как зависимость лексического значения слова от его грамматической функции или грамматического контекста, границы между фразеологическими единицами и свободными словосочетаниями и т. п. Следует, однако, заметить, что в этой книге автор не касается такого рода вопросов в теоретическом плане, но собранный и систематизированный им материал живого, современного языка может быть использован для теоретических обобщений и выводов.

Своеобразие книги заключается и в том, что, анализируя английский язык и как бы разлагая его на составные части, автор не засушивает свой материал, как это делают ботаники в гербариях или языковеды в грамматиках и словарях. Автору, мне кажется, удается разложить язык так, что каждый выделяемый элемент остается живым и сохраняет свою свежесть.

Перевод книги Хорнби выполнен в целом неплохо, хотя точность некоторых формулировок вызывает сомнение. Как ни странно, прежде всего это касается самого заглавия книги. В оригинале книга озаглавлена: «A Guide to Patterns and Usage in English». Русский перевод озаглавлен: «Конструкции и обороты современного английского языка». Слово *usage* означает вовсе не «оборот», а «употребление слова или слов». Таким образом, русское заглавие несколько дезориентирует читателя. В этой книге Хорнби поставил перед собой задачу не только выявить наиболее существенные конструкции (*patterns*) и структурные типы, но и показать, какие слова можно и какие нельзя употребить в каждой данной конструкции. Английское слово *usage* очень хо-

рошо отражает эту цель книги, чего никак нельзя сказать о русском слове *оборот*, имеющем очень неопределенное значение как лингвистический термин.

Переводчик правильно поступил, дав русские эквиваленты всех английских примеров, хотя переводы некоторых из них не вполне точны. Например, фраза *Don't lock yourself out* переведена (*Смотрите*), *не захлопните за собой дверь, выходя*. «Захлопнуть дверь» не обязательно значит «запереть дверь на замок» и правильнее было бы перевести: (*Смотрите*), *выходя, не захлопните за собой дверь на замок*. Предложение *We shall have the house painted* переведено *мы покрасим дом*. В определенном контексте такой перевод был бы возможен, но, поскольку он иллюстрирует употребление глагола *have* в каузативном значении, следовало поискать эквивалент, более точно отражающий это значение, например: *нам покрасят дом*. Приведу еще один пример аналогичного порядка: *He had seen towns destroyed by bombing* переведено *Он видел города, разрушенные бомбёжкой*. Переводчик не учел, что это предложение дается в качестве примера конструкции, в которой за глаголом-сказуемым следует существительное или местоимение с предикативным членом, выраженным причастием прошедшего времени. Таким образом, *destroyed* является здесь не определением, а предикативным членом, и правильным переводом этого предложения было бы: *Он видел, как города разрушались бомбёжкой*. Неправильный перевод этого предложения сбивает читателя с толку, поскольку этот пример стоит в одном ряду с *I heard my name called*, в переводе которого грамматическое значение передано правильно: *Я услышал, как назвали мое имя*.

Нелишне было бы сказать несколько слов по поводу работы редактора русского перевода этой книги и прежде всего выступить в защиту наших славных традиций в области перевода.

В своем предисловии редактор отмечает, что Хорнби в этой книге стремится «обойтись по возможности без традиционной грамматической терминологии, обозначить проще те языковые явления, на которых читатель-учащийся должен сосредоточить свое внимание». Находя употребление грамматических терминов у Хорнби

непоследовательным и не способствующим «лучшему усвоению правил английской грамматики», редактор счел возможным «заменить выражения оригинала принятой и общеизвестной у нас научной грамматической терминологией». Мне кажется, что редактор не имел на это никакого права. Как видно из приведенных выше слов редактора, ему вполне ясно, что использование грамматических терминов в этой книге Хорнби не является случайным — оно продиктовано совершенно определенной целью, которуюставил перед собой автор, и, таким образом, является частью его замысла. Редактор имел полное право выразить в своем предисловии несогласие с автором по этому вопросу, но он должен был предоставить читателю возможность составить правильное представление о замысле автора. Это было бы тем более правильным потому, что вопрос о грамматической терминологии применительно к английскому языку никак нельзя считать окончательно решенным. Кроме того, не следует смешивать строго научную терминологию с терминами, которые используются в практическом преподавании языка. Наконец, практическая ценность грамматической терминологии в преподавании иностранных языков в отдельных конкретных случаях может быть различной. Эти вопросы заслуживают того, чтобы на них остановиться несколько подробнее.

В своем предисловии редактор данной книги пишет: «В тех случаях, когда точный (разрядка наша. — С. С.) перевод представлялся почему-либо нежелательным, мы пользовались приблизительным обозначением. Так, Хорнби называет наречными частицами (*adverbial particles*) те короткие неизменяемые слова, которые то употребляются в качестве обстоятельств, то тесно примыкают к предшествующему глаголу, образуя с ним одно лексическое целое. В советском языкоznании нет общепринятого названия для этих слов, термин же «частицы» имеет достаточно определенное значение и в этом случае неприменим. Поэтому мы решились обозначить эти слова как «особые наречия», что позволяет подчеркнуть их своеобразие, не вызывая в то же время ложных ассоциаций».

В связи с этим заявлением редактора прежде всего встает вопрос этики перевода: имеет ли право переводчик или редактор в области научной литературы отка-

зываться по каким бы то ни было мотивам от точного перевода терминов и преднамеренно заменять его «приблизительным? Кроме того, представляется во всяком случае сомнительным, следует ли при переводе зарубежных авторов по вопросам языкоznания заменять их специфические термины терминами, которые приняты в советском языкоznании. Такая замена может в ряде случаев создать у читателя неправильное представление о взглядах и позиции автора.

И, наконец, надо сказать несколько слов по существу данного конкретного случая. Хорнби употребляет термин «adverbial particles» (то есть адвебриальные частицы), редактор перевода заменяет его выражением «особые наречия». Такой перевод нельзя считать даже приблизительно правильным. Со словом «наречие» ассоциируется прежде всего представление о части речи. Едва ли можно настолько растянуть понятие части речи или, в частности, наречия, чтобы оно охватило английское *up* в предложении *I want to give up smoking* (я хочу бросить курить) или *off* во фразе *The gun went off by accident* (ружье выстрелило случайно). В отношении такого рода слов ассоциации с наречиями будут во всяком случае не менее ложными, чем с частицами. Эти словечки во многом похожи на немецкие отделимые приставки, которые никто не причисляет к наречиям. Вполне удовлетворительного термина для обозначения английских слов такого рода действительно нет ни в нашей, ни в зарубежной литературе. Тем более не было никаких оснований у редактора прибегать к совершенно произвольной замене. К тому же используемый Хорнби термин совсем не так уж плох. Слово *адвербиальный* означает «приглагольный», и это вполне подходит к данному случаю и даже точно отражает природу и функцию этих словечек в современном английском языке, именно «словечек», так как словами в полном смысле нельзя назвать приглагольные *up*, *off*, *in* и т. п., несмотря на то, что они пишутся отдельно. Их скорее можно причислить к частицам, чем к словам.

Употребляемый иногда в нашей литературе термин «послелог» мне кажется менее удачным, чем «адвербиальная частица»: он не отражает приглагольного характера этих *up*, *off*, *in* и т. п. Наконец, если говорить о понятности слова, то и здесь употребляемый Хорнби

термин не вызывает возражений, так как рассматривающая книга предназначена для лиц, уже изучивших английский язык и безусловно знакомых со словом *adverb*. Я не хочу сказать, что термин «адвербиальная частица» можно считать вполне удовлетворительным и принять для всеобщего употребления, но в период поисков подходящего слова его во всяком случае нельзя отбрасывать или считать «ненаучным».

Хотелось бы остановиться еще на одном заявлении редактора перевода этой книги. Он пишет: «В своем стремлении упростить изложение автор старается не различать омонимических форм, столь часто встречающихся в английском языке вообще и, в частности, в системе глагола. Такая трактовка представляется нам принципиально неприемлемой, поэтому мы опустили те места книги, где формы сослагательного наклонения (типа *If I knew...*) рассматриваются как «формы прошедшего времени, имеющие значение будущего времени», т. е. как ничем не отличающиеся от форм прошедшего времени изъявительного наклонения (типа *at that moment I knew...*)». Здесь снова приходится пожалеть о том, что редактор придает настолько большое значение своим личным вкусам и оценкам, что не ограничивается их высказыванием в предисловии, а прибегает к вычеркиванию отдельных мест редактируемой книги. Это мешает читателю составить полное и правильное представление о книге Хорнби, взгляды которого во многом совпадают со взглядами ряда современных авторов и, в частности, Г. Пальмера.

Не следует прибегать к такой «подчистке» зарубежных авторов, которая может привести к их неправильной оценке. Кроме того, в данном случае вопрос о трактовке таких форм, как *knew* в сочетании с союзами типа *if*, является вообще спорным. Однако вполне естественные лингвистические споры не должны переноситься в область практического преподавания иностранного языка.

В самом деле,rationально ли убеждать учащихся, что слово *knew* в таких сочетаниях, как *if he knew... he would...*, вовсе не является формой прошедшего времени, выражающей условие или предположение в отношении настоящего либо будущего, а является формой сослагательного наклонения. Иными словами, рациональ-

но ли дважды давать одну и ту же парадигму и уверять, что в одном случае это прошедшее время изъявительного наклонения, а в другом случае это настояще или будущее время сослагательного наклонения? От учащихся потребуется огромное напряжение мысли и воображения, чтобы хоть как-то понять такое объяснение. Еще труднее понять, зачем предлагается загромождать и осложнять практические пособия по существу лишними терминами да еще для таких грамматических значений, которые в современном языке не имеют морфологического оформления?

Хорнби вообще стремится, употребляя как можно меньше грамматических терминов, возможно полнее и точнее преподнести своему читателю или учащемуся факты современного английского языка. Такое стремление, как видно, и вызывает негодование редактора.

Однако необходимо ли пускать в ход весь арсенал грамматических терминов, принятых в языкоznании, когда речь идет о практическом преподавании языка? Этот вопрос можно ставить и шире: надо ли при изучении в синхронном плане в большой мере аналитического по своей структуре английского языка искать в нем грамматические соответствия всем элементам традиционной грамматической схемы, разработанной на протяжении многих столетий на основе таких высокофлективных языков, как латинский? Известно, что Г. Суит, а после него Г. Пальмер и ряд других авторов не считали это необходимым. Наоборот, они считали, что такие попытки мешают более полному изучению и пониманию грамматической структуры современного английского языка. На этой же точке зрения стоит и Хорнби. В практическом преподавании увлечение «строго научной» трактовкой грамматических явлений и терминологией приносит больше вреда, чем пользы. Оно лишь придает некоторым учебным пособиям претенциозную «наукообразную» форму, от которой студенты только страдают².

Данная книга Хорнби предназначается ее автором в первую очередь для тех, кто хочет более совершенно

² В качестве примера можно сослаться на некоторые разделы учебника английской грамматики М. Ганшиной и Н. Василевской, в частности на раздел, посвященный косвенным наклонениям («English Grammar» by M. Ganshina and N. Vasilevskaya. Moscow, 1950).

овладеть английским языком. Надо отметить, что как методист Хорнби стоит на позиции сознательного обучения языку, что выгодно отличает его от многих других зарубежных авторов.

Известно, что при установке на сознательное изучение иностранного языка успех учащихся в значительной мере зависит от того, насколько хорошо они помнят грамматику родного языка и владеют соответствующей терминологией. Вполне естественно, что у большой категории взрослых учащихся, которые начинают или возобновляют изучение иностранного языка не сразу после окончания средней школы, сохраняется очень ограниченный запас знаний по грамматике родного или иностранного языка. Видимо, именно эти соображения побудили Хорнби очень экономно пользоваться грамматической терминологией в своих объяснениях.

Очевидно, и мы часто будем сталкиваться с таким положением после введения новой системы обучения. Это заставляет задуматься о наиболее рациональном преподнесении грамматического материала, чтобы не отнимать у учащихся время на усвоение тех грамматических понятий, терминов и правил, которые не имеют практической ценности для овладения иностранным языком.

В связи с этим хотелось бы напомнить о незаслуженно забытой у нас книге покойного А. Уикстида «A Short Grammar of Spoken English (on modern lines)», изданной Учпедгизом в 1931 году. В этой небольшой (всего 78 стр.), но очень ценной книжке дан довольно полный очерк грамматики современного английского языка. Простота и ясность грамматических формулировок, отсутствие лишней терминологии наряду с глубоким пониманием самых существенных черт современного английского разговорного языка выгодно отличают книгу Уикстида от всех издававшихся у нас позже грамматических пособий.

Интересно заметить, что книга Хорнби является первой работой представителя пальмеровской школы, изданной у нас более чем за четверть века, прошедшие после издания «Краткой грамматики» Уикстида. Обе эти изданные у нас книги показывают, что грамматические работы Г. Пальмера и представителей его школы имеют значительный интерес и прежде всего с точки

зрения построения массового практического пособия по английской грамматике, которое все еще ждет своего автора.

Работа Хорнби, безусловно, заслуживала перевода на русский язык, и с ее выходом наши методисты, преподаватели и учащиеся получили ценную и полезную книгу. Можно пожелать, чтобы за ней последовали переводы других книг современных зарубежных авторов по вопросам языкознания и методики преподавания иностранных языков. Следует только позаботиться, чтобы подготовка этих изданий велась подальше от таких редакторов, которые склонны по своему усмотрению подменять термины или опускать те места, с которыми они лично не согласны.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Т. А. Дегтерева — Развитие методов и общей проблематики в советском языкоznании	3
Е. И. Шендельс — О грамматических значениях в плане содержания	45
И. И. Чернышева — Некоторые особенности фразеологии современного немецкого языка	64
В. Г. Костомаров — Междометия в английском языке	71
П. И. Поллер — Обоснование именных словосочетаний в современном немецком языке	99
Б. С. Фокин — Функция глагола <i>rendge</i> в сочетании с прямым дополнением и прилагательным	118
М. В. Фридман — О месте синонимики в процессе преподавания русского языка иностранцам	128
Критика и библиография	
С. П. Суворов — Некоторые мысли в связи с изданием русского перевода книги А. С. Хорнби «Конструкции и обороты современного английского языка»	154